4
Я-62

Н. А. Янко-Триницкая

Возвратные глаголы в современном русском языке

Издательство Академии Наук
СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

п. 58041.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

17986

Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ

ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1962

4
Я-62
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
58041

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ

ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1962

«Соединение *ся* с глаголами представляет самую замечательную особенность русского глагола».

Н. Некрасов.
О значении форм русского глагола.

В современном русском языке имеется огромное количество глаголов, в морфологическом составе которых есть аффикс *-ся* (*-сь*), например: *смеяться, копаться, храбриться, опасаться, плестись* и т. п. Специальных работ, посвященных только этим глаголам и вместе с тем охватывающих все глаголы с аффиксом *-ся* (*-сь*), почти нет, но все же можно сказать, что литература об этих глаголах обширна, так как не только различные исследования, посвященные изучению проблемы залогов в русском языке, охватывают большую или меньшую часть данных глаголов, но также и общие курсы грамматики русского языка и специальные монографии по глаголу уделяют значительное внимание глаголам с аффиксом *-ся* (*-сь*) [1].

Однако из-за отсутствия полного единства в понимании и характеристике этих глаголов в существующей научной литературе нет единства и в употреблении названий для них.

Многие ученые, преимущественно старшего поколения, в соответствии со своим толкованием природы данных глаголов широко пользовались термином «возвратный залог» глагола, но чаще этим термином называли не все глаголы с аффиксом *-ся*, а только один из разрядов этих глаголов, а именно, глаголы типа *мыться*. Так применяли этот термин М. В. Ломоносов, Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, М. А. Тростников, Б. Гвоздиков и др. Так применял его А. А. Шахматов, так применяют его иногда и некоторые современные исследователи.

Ф. Ф. Фортунатов расширил область применения этого термина, включив в понятие «возвратного глагола» все глаголы на *-ся*, которые сопоставляются с соответствующими глаголами без *-ся*, т. е. охватив этим термином подавляющее большинство глаголов с аффиксом *-ся* и оставив за пределами его только глаголы типа *бояться*, которые не имеют соответствия без *-ся* (а также глаголы отыменного образования типа *гордиться*). М. А. Пешковский распространил этот термин на все без исключения глаголы

[1] В дальнейшем, в целях удобства изложения, мы будем ограничиваться упоминанием только основного варианта этой морфемы — *-ся*.

с аффиксом *-ся*[2]. Встречались и другие попытки изменить границы содержания этого термина. Так, например, В. П. Брюханов[3] в понятие «возвратного залога» включал только те глаголы на *-ся*, которые сопоставляются с переходными глаголами. Ни одно из этих применений термина «возвратный залог» не получило всеобщего признания и распространения.

Наряду с этим весьма распространенным термином издавна употреблялся (иногда теми же авторами) термин «возвратные глаголы». Его применяли И. Ф. Калайдович, Н. И. Греч, Г. Павский, И. И. Давыдов, К. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, Д. Н. Овсяников-Куликовский и др. В наше время его также применяли и применяют многие исследователи: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Е. М. Галкина-Федорук и др.[4] Неудобство и этого термина состоит в том, что им называли и называют иногда все глаголы с аффиксом *-ся*, иногда же только часть этих глаголов, объединенную особым значением. Порой это приводило даже к различным недоразумениям и вызывало неудовольствие исследователей[5]. И в настоящее время употребление термина «возвратные глаголы» может вызывать недоумение в смысле объема этого термина, если автор не дает специального разъяснения на этот счет.

Необходимость в термине, охватывающем все глаголы с аффиксом *-ся*, независимо от их значения, образования и связей с производящими невозвратными глаголами несомненна. Бесспорно также и то, что выражения «глаголы с аффиксом *-ся*» или «глаголы с частицей *-ся*» являются наиболее точными и не могут вызвать никаких сомнений или недоумений. Но для термина, особенно в специальной работе, подобные выражения громоздки и неудобны, тогда как термин «возвратные глаголы» по своей краткости и гибкости наиболее пригоден для этой цели. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться термином «возвратные глаголы» применительно ко всем без исключения глаголам, имеющим в своем морфологическом составе аффикс *-ся*.

Наряду с термином «возвратные глаголы» современные исследователи, а иногда и ученые более раннего периода, употребляют также термин «возвратные формы глагола». В большинстве случаев авторы употребляют тот или иной из этих терминов безраз-

---

[2] Ср. такое же употребление этого термина в кн.: Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., 1952.

[3] В. П. Брюханов. О залогах русского языка. — «Русский язык в школе», 1940, № 1.

[4] Тем не менее «Большая советская энциклопедия» (2-е издание) термина «возвратный глагол» не дает, а дает только «возвратный залог глагола», включая в это понятие лишь некоторую часть глаголов, имеющих в своем морфологическом составе аффикс *-ся*.

[5] См., например, М. А. Тростников. Определение залогов в школьных грамматиках русских, латинских и греческих. — «Филологические записки», 1896, № 2, стр. 24.

лично, не дифференцируя их по значению. Так, еще В. К. Поржезинский, применяя термин «возвратная форма глагола», подчеркивал, что считает эти «формы» отдельными самостоятельными словами[6]. П. С. Кузнецов[7], последовательно употребляя только термин «возвратные формы глагола», также относит эти образования к самостоятельным словам, а не к формам производящих невозвратных глаголов. Стремясь подчеркнуть и выделить глагольные образования с *-ся* как отдельные самостоятельные слова, В. Н. Сидоров, напротив, употребляет по отношению к ним только термин «возвратные глаголы»[8].

Многие же авторы употребляют оба указанные термина без всякой дифференциации их по значению. Так, В. В. Виноградов в книге «Русский язык» употребляет по отношению к этим глаголам как «возвратные глаголы», так и «возвратные формы глагола», хотя часть из этих глагольных образований он рассматривает как формы производящих невозвратных глаголов, а часть — как самостоятельные слова. Е. С. Истрина также называет данные глаголы то «возвратными глаголами», то «возвратными формами глагола»[9].

Казалось бы, что разграничение двух последних терминов не столь существенно, поскольку самый термин «форма» широко применяется в лингвистических трудах не только к формам словоизменения, но и к формам словообразования, т. е. к самостоятельным производным словам. Однако именно потому, что вопрос о характере соотношения глагольных образований на *-ся* с производящими невозвратными глаголами является спорным, хотелось бы уточнить название для них и в этом направлении. А для этого необходимо прежде всего рассмотреть данное соотношение и выяснить его особенности.

Нельзя понять и изучить природу и особенности возвратных глаголов современного русского языка, пока не будет поставлен и разрешен спорный до сих пор вопрос о характере соотношения возвратных глаголов с соответствующими невозвратными, иными словами говоря, о характере и роли морфемы, объединяющей все возвратные глаголы, о характере и роли аффикса *-ся*. Если этот аффикс является словоизменительным и возвратные глаголы представляют собой только формы производящих невозвратных глаголов, то вся проблема изучения возвратных глаголов должна ставиться и разрабатываться в связи со словоизменением глагола. Если же этот аффикс является словообразовательным и возвратные глаголы представляют собой отдельные самостоятельные

---

[6] В. К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903, стр. 18.

[7] Современный русский язык. Морфология. МГУ, 1952, стр. 339 и сл.

[8] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 164—166.

[9] Грамматика русского языка, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, § 669 и сл.

слова, то тогда проблема изучения возвратных глаголов должна ставиться и решаться в связи со словообразованием глагола. Если же, наконец, этот аффикс в одних случаях является словоизменительным и образует формы производящих невозвратных глаголов, а в других случаях выступает как словообразовательный и образует новые самостоятельные слова, то тогда для успешного исследования возвратных глаголов следует прежде всего установить и разграничить случаи словоизменения и словообразования глаголов с помощью аффикса *-ся*. Каждый, кто в настоящее время приступает к анализу хотя бы части этих глаголов, неизбежно сталкивается с этим основным вопросом [10], без решения которого немыслимо плодотворное исследование всех особенностей возвратных глаголов в современном русском языке. От решения этого вопроса во многом зависит и задача, и характер, и путь изучения возвратных глаголов.

Следовательно, проблема изучения возвратных глаголов и значения аффикса *-ся* упирается в другую, более общую и во многом спорную проблему — проблему морфологических границ слова.

С грамматической точки зрения можно говорить о границах слова в предложении, т. е. о границах между словами, стоящими в одном ряду, и о границах слова, употребляемого в разных предложениях и в разное время, т. е. о границах слова в языке. Первый аспект назван А. И. Смирницким [11] проблемой «отдельности слова», в отличие от второго аспекта, названного им проблемой «тождества слова». Первая проблема более разработана в науке, хотя в ней и остаются некоторые неясности, связанные преимущественно с частными явлениями в отдельных группах слов. Основными моментами, характеризующими отдельность слова, являются выделяемость слова в речи и структурная целостность слова [12].

Если можно считать в какой-то мере разрешенной проблему слова в синтаксическом плане отдельности слова, то никак нельзя сказать того же о проблеме тождества слова в лексическом и морфологическом планах, а ведь она представляет не меньший интерес для понимания грамматического строя и особенностей словарного состава языка.

Проблема тождества слова в свою очередь может быть подразделена на две различные проблемы: 1. Проблема тождества слова при одинаковой звуковой оболочке, иначе говоря, проблема разграничения многозначного слова и омонима, и 2. Проблема тожде-

---

[10] См., например, Р. А. Маркарян. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке. Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, 1952, стр. 6—7.

[11] А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности» слова), — «Вопросы теории и истории языка...». М., 1952.

[12] См., например, М. Калинович. Поняття окремого слова. — «Мовознавство», 1935, № 6, стр. 145; В. В. Виноградов. О формах слова. — ИАН ОЛЯ. т. III, вып. 1. М., 1944, стр. 33; А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 187.

ства слова при различной звуковой оболочке, иначе говоря, проблема разграничения форм одного слова и разных слов. Говорят еще и о лексических формах слова или словообразовательных вариантах [13], однако такие явления относительно редки, нестойки, и мне кажется вполне справедливым положение Г. О. Винокура о том, что «слова с разной словообразовательной формой это безусловно разные слова» [14].

Что же касается морфологической стороны проблемы тождества слова при различном звуковом виде, то она чрезвычайно существенна для понимания всего строя языка в целом, и именно эта последняя и представляет особый интерес для лингвистов, именно в этом вопросе наибольшие разногласия и споры в лингвистической литературе. Эти разногласия и споры касаются как ряда глагольных форм (видовые пары, возвратные глаголы, причастия, деепричастия, инфинитив и др.), так и многих именных форм (формы числа и формы субъективной оценки в существительных; краткие формы, формы степеней сравнения и субъективной оценки в прилагательных и др.).

Где кончаются границы форм одного слова и начинаются формы другого слова?

На первый взгляд кажется, что это совсем просто и ясно: «Когда говорят о слове *лошадь*, то разумеют под ним весь ансамбль, всю систему его падежных форм, которые употребляются в связной речи для выражения соответствующего предметного значения. Именно в этом смысле слово *лошадь* подводится под категорию существительного» [15].

Исходя именно из подобных фактов, традиционная точка зрения, широко распространенная и в настоящее время, противопоставляла формы слов (или формы словоизменения) отдельным словам (или формам словообразования): «В формах слов различаются по значениям, как известно, два класса: формы словообразовательные (будут ли они по образованию формами основ, или формами целых слов) и формы словоизменения; первые принадлежат словам как отдельным знакам предметов мысли, а вторые существуют в словах (в знаках) как в частях предложения» [16].

Но в самом вопросе о разграничении форм словоизменения и форм словообразования не все ясно и окончательно установлено.

---

[13] См. В. В. Виноградов. О формах слова, стр. 40—41; А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»). — «Труды Института языкознания» АН СССР, т. IV, 1954, стр. 36.

[14] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. — ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 4, 1946, стр. 327.

[15] В. В. Виноградов. О формах слова, стр. 33.

[16] Ф. Ф. Фортунатов. Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке». — Сб. ОРЯС, СПб., 1897, т. 64, № 11, стр. 7; Этого же принципа разграничения форм словоизменения и форм словообразования придерживались А. А. Шахматов, А. М. Пешковский и ряд других ученых.

Кроме того, высказывались и совсем иные точки зрения на границы форм одного слова. Так, А. А. Потебня вообще отрицал наличие нескольких форм у одного слова, видя в слове соответствие одному акту мысли и принимая любую форму слова за отдельное слово [17], что не мешало ему все же постоянно употреблять слово «слово» и для названия одной морфологической формы, и для названия всей совокупности не только морфологических, но и лексических форм слова. Мысли А. А. Потебни по данному вопросу не получили широкого распространения, но все же отразились до некоторой степени в трудах отдельных языковедов, как например, у Д. Н. Ушакова, который возражал против термина «словоизменение» именно потому, что отрицал за словом возможность изменения. Но тем не менее Д. Н. Ушаков строго и последовательно различал два ряда форм:

«Различия между, напр., *стол*, *столы*, *столик*, *столовая* одинаковы, в связи ли, или вне связи с другими словами мы их скажем; а различия между, напр., *рука*, *руку*, *рукой* и т. п. не имеют значения вне сочетания этих слов с другими, и сейчас же обнаружатся, скажем ли мы *рука моет*, *руку моет* или *рукой моет*. Итак, формальными принадлежностями первого рода обозначаются различия в самих предметах мысли; формальными принадлежностями второго рода обозначаются различия в отношениях одних предметов мысли к другим; ими образуются слова, как части предложений» [18].

С другой стороны высказывался и такой взгляд на границы форм одного слова, который максимально расширял эти границы, включая в одно слово чуть ли не целое словарное гнездо слов. Так, Л. В. Щерба включал в систему форм одного и того же слова многие разряды несинтаксических форм, стоящих за пределами парадигмы. В своей работе «Восточно-лужицкое наречие» [19] он последовательно расширил границы форм одного слова, включив в формы одного слова для существительных, кроме системы падежных форм единственного и множественного числа, не только уменьшительные слова, но даже коррелятивные, парные существительные мужского и женского рода, а для глагола — все префиксальные образования от одной и той же глагольной основы. К формам одного прилагательного он относил не только степени сравнения и уменьшительные образования, но и качественные наречия, и даже существительные с отвлеченным значением, образованные от прилагательных с помощью суффиксов или путем прибавления члена к форме среднего рода. Теоретического обоснования своим взгля-

---

[17] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 15.

[18] Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке, изд. 4-е. М., 1919, стр. 58.

[19] Л. В. Щерба. Восточно-лужицкое наречие, т. I. Пг., 1915.

дам в этой работе Л. В. Щерба не дал, следуя, видимо, только тому положению, что «надо отличать образование обозначений новых понятий и образование обозначений оттенков одного и того же понятия или связанных с ним побочных представлений» [20].

В своей статье «О частях речи» [21] Л. В. Щерба в какой-то мере неопределенно сужает границы одного слова, но и в этой работе нет достаточных теоретических обоснований изложенному делению.

Взгляды Л. В. Щербы на формы слова вызвали решительные и справедливые возражения со стороны А. А. Шахматова, который писал, что «автору не удалось точно разграничить „новые понятия" от „оттенков одного и того же понятия", когда он решил включить в одну общую схему как явления словообразования, так и явления словоизменения» [22].

В. В. Виноградов также замечает по этому поводу, что «граница между понятием и оттенком того же понятия — зыбка, и само сознание говорящих при решении этого вопроса не всегда является надежным судьею» [23].

Признавая, что «по-видимому, Л. В. Щерба слишком расширил объем понятия „форма слова"» [24], В. В. Виноградов в целом весьма одобрительно и сочувственно относится к попытке Л. В. Щербы пересмотреть и расширить понятие о границах форм одного слова:

«Противопоставление словообразования формообразованию в концепции Л. В. Щербы было связано с учением о форме слова. Л. В. Щерба понимал узость, произвольность и недиалектичность традиционного различения форм словоизменения и форм словообразования. Он рассматривает слово как систему форм, обозначающих оттенки одного и того же понятия, и стремится установить границы между словами и формами слов в структуре изучаемого языка» [25].

В. В. Виноградов определяет грамматическую форму слова следующим образом: «Грамматическими формами слова называются те видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выра-

---

[20] Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. — «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. 1. ЛГУ, 1958, стр. 35.

[21] Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. — Сб. «Русская речь», II. Л., 1928, стр. 27.

[22] А. А. Шахматов. Заметки по истории лужицких языков, ИОРЯС, 1916, XXI, кн. 2, стр. 247.

[23] В. В. Виноградов. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы. — Сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л., 1951, стр. 49.

[24] В. В. Виноградов. О формах слова, стр. 36.

[25] В. В. Виноградов. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы, стр. 47.

жают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам мысли того же предложения»[26].

С небольшими изменениями это определение приводится и в академической «Грамматике русского языка»:

«Формами слова называются все те видоизменения одного и того же слова, которые, обозначая одно и то же основное понятие, прибавляют к нему то или другое дополнительное понятие, либо выражают то или другое отношение данного предмета мысли к другим предметам мысли того же предложения»[27].

Это определение, хотя в нем и нет неуловимых «оттенков понятия», все же вызывает ряд недоумений и возражений. Прежде всего, какие основания позволяют считать слово, отличающееся «дополнительными смысловыми оттенками», только формой производящего слова, а не отдельным словом, и какие основания позволяют считать «основное понятие», если к нему присоединяется «дополнительное понятие», тем же самым, а не новым понятием? Мне кажется, что граница между смысловым оттенком и новым понятием так же зыбка, как и граница между понятием и «оттенком понятия». К тому же самое построение определения (.... либо .... либо) показывает, что под одно определение, под одно понятие «формы слова» подводятся несходные факты, и из самого определения явствует, что в языке есть формы, которые различаются смысловыми оттенками, и формы, которые выражают различные отношения.

В настоящее время очень широкое распространение получил термин «формообразование», но нет достаточного теоретического обоснования заключенного в этом термине понятия, и зачастую его употребляли и употребляют как полностью совпадающий с термином «словоизменение», вместо последнего или наряду с ним[28].

Даже у весьма солидных и авторитетных авторов мы находим такое смешение терминов «формообразование» и «словоизменение». Так, П. С. Кузнецов пишет: «Некоторые лингвисты вводят более широкое понятие, чем словоизменение — именно формообразование. К формообразованию относят образование всех форм одного и того же слова, включая сюда системы склонения и спряжения, а также формы степеней сравнения прилагательных, видовые формы глагола и т. п. Объектом изучения морфологии являются в первую очередь формы словоизменения и их значения, иными словами — формообразование»[29].

---

[26] В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 34.

[27] Грамматика русского языка, т. I. Введение, стр. 15.

[28] Ср., например: Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933, стр. 113—114; Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. М., 1953, стр. 5, 43; также в кандидатской диссертации В. А. Приходько: «Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира». Л., 1953, стр. 14 и др.

[29] Современный русский язык. Морфология, стр. 32.

Несовершенство подобного толкования термина «формообразование» очевидно: если формообразование — более широкое понятие, чем словоизменение, то в чем оно состоит? И можно ли сказать, что более широкое понятие — это «иными словами» то же, что более узкое? Простое же перечисление форм, относящихся к формообразованию, ничего не дает для уяснения сущности этого понятия.

Правда, позднее П. С. Кузнецов категорически отказался от термина «формообразование», признав, что «это понятие характеризуется порой очень туманными и расплывчатыми признаками, и достаточных оснований к тому, чтобы заменить им четко определенное понятие словоизменения, не имеется»[30].

Формы одного и того же слова, называть ли их формами словоизменения или формами формообразования,— противопоставляются формам словообразования как формам других слов, отдельных от производящего слова. В чем же состоит основная, существенная разница между этими двумя рядами форм? Можно ли указать какие-либо твердые языковые основания для их разграничения, или таких оснований нет и приходится полагаться только на субъективное «языковое чутье?»

Всем формам одного слова свойственна прежде всего регулярность образования, т. е. все слова определенного грамматического класса располагают всеми данными формами словоизменения. Так, например, существительные регулярно изменяются по падежам, прилагательные — по родам, числам и падежам. глаголы — по временам, лицам и числам и т. п. Если же от какой-либо части слов данного грамматического класса те или иные формы словоизменения не образуются, то это строго регламентируется грамматическими или лексическими языковыми закономерностями, т. е. самое отсутствие форм носит тоже регулярный характер. Так, у заимствованных существительных на *-о* нет падежных форм, у глаголов совершенного вида отсутствуют формы настоящего времени, у безличных глаголов нет форм лица, у возвратных глаголов страдательного значения не образуются формы повелительного наклонения и т. п. Поэтому некоторые ученые видели в регулярности образования форм основание для выделения форм словоизменения (или формообразования): «Если под спряжением понимать ряд тех изменений, которые предстоит проходить каждому глаголу, — тогда, если не залоги, то виды, причастия, деепричастия и неопределенное наклонение должны относиться к спряжению»[31].

---

[30] П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 41. Нерешенность вопроса о границах словообразования и словоизменения, о границах форм одного слова, приводит даже к пересмотру понятия основы слова: см. И. Т. Яценко. К вопросу об определении основы слова. — «Русский язык в школе», 1961, № 5.

[31] К. С. Аксаков. Сочинения филологические, ч. I. М., 1875, стр. 468.

Такую же мысль высказывал и С. О. Карцевский: «Какая разница существует между формами одного слова и членами семейства слов? Возьмем семью слов: *учить*, *учитель*, *училище*, *ученик*, *учебник* и т. п. Если мы развернем каждое из этих слов во внешние синтагмы, то получим: *учитель* — кто (агент) учит, *училище* — где (место) учат, *ученик* — кого (объект) учат, *учебник* — чем (орудие) учат и т. д. В каждом члене этого семейства идея основного слова *учить* вновь проявляется в функции идеи класса, которая, таким образом, играет роль независимой переменной величины. Если бы эти идеи класса создали между собой систему, были одними и теми же в каждом семействе слов и не имели бы свойственного им случайного, непредвиденного характера, всякое различие между грамматикой и словообразованием, между парадигмой и семейством слов стерлось бы: мы имели бы перед собой только одну огромную парадигму» [32].

Нет никакого сомнения в том, что регулярность образования является непременным свойством всех форм словоизменения. И только в виде исключения, в единичных случаях у отдельных слов могут отсутствовать по тем или иным частным причинам (фонетическим, семантическим и т. п.) отдельные формы словоизменения, например: *победить* — нет формы 1-го лица ед. числа; *болит* — нет формы 1-го и 2-го лица; *замужняя* — нет форм мужского рода; *мечты* — нет формы родительного падежа; у некоторых глаголов непродуктивных классов отсутствуют или выходят из употребления те или иные регулярные формы, например: *соблюсти — соблюли*, *соблюла*, *наблюсти — наблюли*, *наблюла*, но формы мужского рода от этих глаголов обычно не употребляются [33]. Подобные единичные факты не могут служить свидетельством нерегулярности данных форм именно в силу своей единичности, «случайности» в системе языка. И поэтому наличие их ни в какой мере не препятствовало бы выдвижению признака регулярности в качестве основания для выделения форм словоизменения, если бы в языке не было большого количества форм словообразования, обладающих регулярностью форм словоизменения, с такой же языковой регламентацией регулярных отклонений и отступлений. Среди них можно назвать образование форм множественного числа существительных (они отсутствуют у существительных с отвлеченным значением, у существительных собирательных и т. п.), образование степеней сравнения прилагательных (они

---

[32] S. Karcevski. Système du verbe russe. «Essai de linguistique synchronique». Prague, 1927, стр. 84.

[33] Ср. употребление таких форм у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Петенька вошел как-то вяло, поцеловал у отца руку, потом *соблюл* тот же церемониал относительно бабушки» (Господа Головлевы). «Кабы мы бога помнили, и он бы об нас не забывал. Всего бы нам подал: и ржицы, и овсеца, и картофельцу — на, кушай! И за скотинкой бы за твоей *наблюл* — вишь, лошадь-то у тебя! В чем только дух держится» (Там же).

отсутствуют у прилагательных относительных) и др. Быть может, отличие формообразования от словоизменения и заключается в том, что в формообразование входят все регулярные формы, а в словоизменение только часть из них, выделенная по другому принципу? Видимо, нет, так как сторонники формообразования включают в него ряд форм менее регулярного и даже нерегулярного образования, как, например, уменьшительные и увеличительные формы существительных; формы глаголов одного вида, образованные от глаголов другого вида; часть возвратных глаголов и ряд других форм. С другой стороны, имеются и такие формы регулярного образования, которые никем не относятся к формам одного слова, как например, образования с приставкой *по-* от форм сравнительной степени прилагательных и наречий (*повыше, поближе, поумнее*); образование глаголов с приставкой *по-* от глаголов несовершенного вида (*погулять, почитать, постолярничать, постоять*); образование глаголов с приставкой *за-* в начинательном значении (*зачитать, заговорить, заплясать, заходить*); образование отглагольных существительных с суффиксами *-ниј-/-ениј-* или *ациј-/-изациј-*, образования с *полу* — от разных частей речи (*полузеленый, полулежать, полукуст — полудерево*) и др.

Таким образом, спорные вопросы не могут во всех случаях быть разрешены ссылкой на регулярность или нерегулярность образования тех или иных форм, хотя дополнительным, подкрепляющим аргументом при разграничении этих рядов форм признак регулярности служить может и должен, поскольку не бывает нерегулярных форм словоизменения.

Регулярные формы, в отнесении которых к тому или иному разряду форм нет несогласия (например, падежные формы существительных или отвлеченные существительные отглагольного происхождения), всегда являются либо только формами словоизменения, либо только формами словообразования: в ряду однотипных регулярных образований не может быть так, чтобы одни относились к формам словоизменения, а другие — к формам словообразования. Именно их регулярность поддерживает и укрепляет единство их значения и характера. Одни и те же способы (аффиксация, служебные слова, повторы и др.) могут быть использованы и для словоизменения и для словообразования, но одна и та же морфема не может, по крайней мере в современном русском языке, выступать в одних случаях в качестве словоизменительной, а в других случаях — в качестве словообразовательной, кроме, конечно, так называемой нулевой морфемы, нулевого аффикса, который используется в противопоставлении и при словоизменении и при словообразовании. Ср.: *стены — стен, входить — вход, учитель — учительница.*

Возможны, но крайне редки случайные омонимы аффиксов словообразования с аффиксами словоизменения, как, например, суффикс прилагательных *-ов-* и флексия существительных множе-

ственного числа в родительном падеже *-ов*: *отец — отц-ов(а)*, *береза — берез-ов(ый)*; *стол(ы) — стол-(ов)* и др.

Не следует упускать из виду, что хотя аффиксы словоизменения и словообразования разграничены между собой материально, но они не всегда вполне разграничены функционально: аффиксы словоизменения не безразличны для словообразования, поскольку определенные аффиксы словообразования зачастую соединяются только с определенной системой аффиксов словоизменения, например: *студенч-еств-о*, *совет-уj-ут* и даже самые аффиксы словоизменения в системе могут выступать одновременно и как словообразовательные (одновременно, но не в иных случаях), например: *супруг — супруг-а* (ж. р.), *золот-о — золот-ой*, *золот-ит*, *постель — постель-к(а)* и др.

Существеннейшим признаком форм словоизменения, отличающим их от форм словообразования, является невыводимость одной формы из другой. Формы словоизменения (мы не касаемся здесь так называемых аналитических форм) всегда равноправны, ни одна из них ни по значению, ни по форме не может быть названа производящей или производной.

«Нельзя говорить, что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит». Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обусловливают и путем ассоциации друг друга вызывают. Но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *вода* переходит в форму *воду*, как и наоборот, форма *воду* — в форму *вода*» [34].

Следовательно, с формальной, морфологической стороны и по значению формы словоизменения характеризуются тем, что они невыводимы друг из друга, а находятся в равном отношении к своей общей основе, например: *стен-а*, *стен-ы́*, *стен-е*, *стен-у*, *стен-ой*, — все формы имеют равное отношение к одной основе *стен-*. Формы же словообразования, как правило, неравноправны, производная основа обычно выводима и по значению и по морфологической структуре из производящей основы: *учитель-ниц(а)* = «*учитель* — женщина», *горош-ин(а)* = «одно зерно *гороха*», *студенчеств(о)* = «все *студенты* в совокупности», *стол-ик* = «маленький *стол*», *выучить* = «завершить процесс, обозначенный глаголом *учить*».

Формальному, морфологическому отличию форм словоизменения от форм словообразования соответствует глубокое различие в характере значения этих форм и в характере соотношений лексических значений в пределах того и другого разряда форм.

---

[34] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В. И. Чернышева, ИОРЯС АН, т. XII, кн. 2, 1907, стр. 495. Это же положение дается и в «Введении» к «Грамматике русского языка», т. I, стр. 15.

Противопоставляя формы словообразования формам словоизменения, исследователи обычно исходили прежде всего из общего характера значения этих форм и роли этих форм в предложении. Формы словообразования связывались с изменением лексического значения слов, а формы словоизменения — с изменением грамматического значения отношений, выражаемых этими словами. Однако в связи с недостаточной теоретической разработанностью вопроса о границах лексики и грамматики, возникают сомнения и разногласия и в вопросе о границах лексического (вещественного) и грамматического значений в слове.

Возьмем для примера уменьшительные существительные. Одни ученые (как, например, К. С. Аксаков, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов) считают, что в уменьшительных существительных реальное значение слова остается неизменным, тогда как другие (например, А. М. Пешковский, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов) думают, что реальное значение таких слов представляет новое, измененное значение.

Те же разногласия наблюдаются и в высказываниях о форме числа имен существительных: «Одни считают, что и эта форма является формой словоизменения, так как форма *столы* отличается от формы *стол* только тем, что выражает множественность тех же предметов. Другие же находят, что поскольку, именно выражая множественность, хотя бы и тех же предметов, эта форма выражает реально другое, чем единственное число *стол* и не зависит от других форм в предложении, множественное число существительных должно рассматриваться как форма словообразования»[35].

Приведенных высказываний достаточно для того, чтобы убедиться, что языковое чутье не может служить надежным основанием для разграничения лексических и грамматических значений; но это отнюдь не значит, что в разграничении форм словоизменения и словообразования следует ограничиваться только сопоставлением морфологических особенностей этих форм, а на лексическое значение слов при этом опираться нельзя. Напротив, поскольку определенным закономерностям в морфологическом различии этих форм должны соответствовать определенные различия в характере лексических значений этих форм, постольку необходимо рассмотреть эти лексические различия.

Формы одного слова не различаются между собой по лексическому значению, т. е. лексическое значение всех форм словоизменения тождественно, причем не только основное значение, но и производные, не только прямое, но и переносные. Любое новое значение, развиваясь в слове, непременно захватывает все формы словоизменения этого слова, ибо самое это слово, эта лексема есть не что иное, как совокупность всех форм словоизменения. Все случаи переносного или образного

[35] **Современный русский язык. Морфология, стр. 32.**

употребления непременно распространяются на все без исключения формы словоизменения. Так, например, если слово *жало*, кроме основного значения «колющая часть органа защиты и нападения» у некоторых насекомых, имеет производные значения «хоботка» комара и «раздвоенного на конце языка» змеи, а также переносное значение «чего-либо острого, язвительного», то все эти значения в равной степени свойственны всем падежным формам слова *жало*. Нет ни одного существительного, у которого имело бы место расхождение суммы лексических значений в отдельных падежных формах. То же самое можно сказать и о формах рода, числа и падежа прилагательных, которые всегда тождественны по значению.

Падежные значения связаны с лексическими в том смысле, что в различных семантических разрядах слов та или иная форма может наряду с основным, общим значением иметь то или иное сопутствующее значение, определяющееся семантикой слова (ср.: *столом, дорогой, вечером, председателем* и т. п.), но не в том смысле, чтобы некоторые из форм словоизменения одного слова имели особые системы лексических значений.

Новое значение или употребление может захватывать частично и формы словообразования, но для последних это отнюдь не обязательно. Так, в слове *лист* среди других значений имеются значения «части растения» и «предмета определенной формы». Оба эти значения проявляются и в уменьшительных словах *листок* и *листик*, но уже в словах *листва, безлистый* отражается только первое из указанных значений, а в словах *листать, листаж, налистники*, — только второе из них. Не объединяются эти значения и в формах *листья* и *листы* (в последней форме это еще как архаизм возможно). Несовпадение между суммой значений существительных единственного и множественного числа наблюдается довольно часто. Так, например, слово *ребята* может обозначать не только детей, но и молодых людей, юношей, парней, тогда как слово *ребенок* не имеет этого второго значения. Слово *крыло* среди других значений имеет значение «группировки внутри политической организации», а в слове *крылья* такого значения нет. В слове *перья* нет значения «талант писания», имеющегося в слове *перо*. Слово *чтение* единственного числа имеет несколько значений, слово *чтения* множественного числа — только одно. То же самое можно сказать и о словах *жар — жары* (множественное число), *жизнь — жизни, капля — капли, гора — го́ры* и многих других.

Развитие коррелятивных слов разного числа может происходить непараллельно: существительное множественного числа может возникнуть прежде существительного единственного числа, например, названия приверженцев определенных группировок и т. п.: *корниловцы, махновцы*.

Слово *масленок* не завоевало в языке безраздельного господства, поскольку слова *масленик* и *масляник* встречаются и в наши дни (причем и у тех авторов, которые во множественном числе

используют только *маслята*), а слово *маслята* вытеснило все другие параллельные образования и в настоящее время является единственно правильной и закономерной формой. Слово *опенок* утратило прозрачность морфологической структуры, но сохранила свой звуковой вид, а слово *опенки* постепенно сокращается в употреблении и уступает место слову *опята*.

Даже если возникает сомнение в том, что перед нами многозначное слово, и можно предположить омонимы (как, например, в слове *стол* — 1. «предмет мебели» и 2. «еда, питание»), то это не препятствует применению утверждаемого положения о тождестве лексического значения всех форм словоизменения, ибо омоним, возникающий на базе многозначного слова, пока он остается в пределах той же части речи, все равно располагает всеми теми же формами словоизменения, что и слово-источник, например: *коса́ — коса, топить — топить* и т. п.

Сопоставление характера лексических значений форм словоизменения и форм словообразования приводит к выводу, что формы числа существительных, а также уменьшительно-ласкательные образования от них — это формы словообразования, и только формы падежа могут быть отнесены к словоизменению существительных. В прилагательных же к словоизменению относятся формы и рода, и числа, и падежа.

Обладая тождеством всей суммы лексических значений слова, формы словоизменения отличаются друг от друга грамматическими значениями и служат для выражения различных отношений между словами в речи, иными словами, выполняют различные синтаксические функции в предложении. Поэтому их называют еще формами синтаксическими в отличие от несинтаксических форм словообразования.

58041

«Синтаксические формы, поскольку они имеют одно и то же реальное значение, являются видоизменениями, формами одного и того же слова, которое лишь употребляется в различных функциях в предложении. Эти формы поэтому называются также формами словоизменения. Напротив, несинтаксические формы, имея различное реальное значение, представляют собой не изменения одного и того же слова, а различные слова. Эти формы поэтому называются так же формами словообразования»[36].

Различие синтаксических функций форм словоизменения приводит к тому, что в пределах одного слова не могут дубли-

[36] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I, стр. 70. Близкие к этому мысли высказал С. И. Ожегов в своем определении формы слова: «Форма слова должна пониматься как морфологическая разновидность цельного смыслового семантического единства (слова), выявляющаяся в процессе его грамматического функционирования в словосочетании и в предложении» (статья «Вопросы лексикологии и лексикографии» в «Трудах Института языка и литературы АН Латвийской ССР», т. 2, стр. 109).

www.rustang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

роваться во всей полноте системы словоизменения. Об этом говорит, например, П. С. Кузнецов, выдвигая именно это доказательство в пользу того, что возвратный глагол никогда не является формой глагола производящего, а представляет отдельное слово: «Формы с *-ся* и формы без *-ся*, отличаясь друг от друга лишь переходным или непереходным значением, образуют в то же время разные лексемы (поскольку каждый из этих глаголов образует независимо от другого полную систему форм — все времена, наклонения, различные отглагольные образования, так же, как, например, глаголы разных видов)» [37].

Итак, формы одного и того же слова — это формы регулярного образования, невыводимые друг из друга, обладающие тождеством лексической системы и различающиеся между собой синтаксическими функциями.

* * *

Глагол обладает наибольшим количеством форм как словоизменения, так и внутриглагольного словообразования. Отличие глагола от имен в плане образования форм заключается прежде всего в том, что в каждом глаголе выделяется не одна, а две основы, абсолютно тождественные в лексическом отношении и отличающиеся лишь звуковым видом конца основы (совпадение звуковой оболочки этих основ наблюдается только в некоторых группах непродуктивных глаголов). С той или другой из этих основ и связываются все формы словоизменения или словообразования глагола.

Относительно форм наклонения, времени, лица, числа и рода глаголов расхождений во мнениях по существу не имеется: все исследователи относят их к формам словоизменения, поэтому нет нужды останавливаться на морфологических и лексических особенностях этих форм, вполне отвечающих приведенному выше определению.

Правда, формы прошедшего времени изъявительного наклонения несколько выделяются среди других спрягаемых форм тем, что в них кроме флексии, обозначающей число и род, находится еще аффикс *-л-*, обозначающий прошедшее время. Однако регулярность образования и полное тождество лексической системы форм

---

[37] Современный русский язык. Морфология, стр. 343. Дублироваться в пределах одного и того же слова могут только отдельные формы словоизменения, причем эти дублеты могут быть стилистического характера без всякого изменения вещественного или грамматического значения (например: *рукой — рукою, машу — махаю*) или грамматического характера, дифференцирующего те отношения, которые выражаются в других словах одной словоизменительной формой (например: *чая — чаю*); в таком случае, они, строго говоря, уже не дублеты.

прошедшего времени с другими формами словоизменения глагола настолько очевидны, что ни о каком словообразовании не возникает и речи, а аффикс *-л-* является типичным «формообразующим» аффиксом [38].

Инфинитив представляет, вне всякого сомнения, форму регулярного образования. Если даже допустить, как то утверждают некоторые исследователи, что безличные глаголы лишены форм инфинитива, то и это не нарушает общего положения о регулярности образования данной формы, поскольку такое отступление строго регламентировано и, следовательно, не противоречит общим принципам выделения регулярных форм. Ни по значению, ни по формальным признакам инфинитив не выводится из других глагольных форм, и ему в той же мере, как и другим формам словоизменения глагола, свойственны все производные и переносные значения, вплоть до индивидуального словоупотребления. Наконец, инфинитиву свойственны свои, отличные от спрягаемых форм синтаксические функции. Поэтому инфинитив безусловно относится к формам словоизменения глагола и аффиксы инфинитива являются аффиксами словоизменения.

То же самое можно сказать и о деепричастиях, которые образуются регулярно, невыводимы из других глагольных форм и располагают всей системой лексических значений данного глагола. При этом у них собственная синтаксическая функция — обозначать второе, сопровождающее действие, относящееся к субъекту только через другую глагольную форму. Утрачивая общность лексической системы с остальными формами глагольного словоизменения, утрачивая специфичность своей синтаксической функции, деепричастия легко переходят в наречия.

Наибольшие разногласия в разграничении форм словообразования и форм словоизменения в глаголе вызываются формами вида и формами возвратности глагола.

В учении о видах русского глагола высказывались две различные точки зрения на границу форм одного слова в отношении видовых образований глагола. Одни ученые считали любые глаголы разных видов разными словами, другие же ученые полагали, что видовые образования, все или некоторые из них, являются не самостоятельными словами, а только формами производящих глаголов. Спор этот не решен и поныне.

Регулярность образования является непременным признаком форм одного слова. Однако регулярность образования глаголов видовой пары далеко не безупречна: многие глаголы не имеют видовых пар, причем нет языковых закономерностей их наличия или отсутствия. К тому же и самое понятие «видовой пары», т. е. двух глаголов, различие в значении которых сводится только к разли-

---

[38] См. о принадлежности этой формы к словоизменению глагола: П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики, стр. 45—46.

чию вида, не вполне выработано, и зачастую там, где одни ученые констатируют видовую пару, другие ее отрицают, например: *любить — полюбить, стыдиться — устыдиться, сомневаться — усомниться* и т. п.

Глаголы видовой пары, как правило, имеют различную морфологическую структуру основы и выводятся один из другого, например: *дела(ть), — с-дела(ть), губи(ть) — по-губи(ть), подпис-а-(ть) — подпис-ыва-(ть), сда-(ть) — сда-ва-(ть), заземли-(ть) — заземл-я-(ть)* и т. п. Наличие в современном русском языке ряда глаголов, совмещающих в одном слове значения совершенного и несовершенного вида (типа *велеть, женить, атаковать, использовать*), — нисколько не препятствует тому, чтобы считать глаголы видовой пары отдельными глаголами, так же как наличие существительных, совмещающих в одном слове значения мужского и женского рода (типа *плакса, неряха*), — не препятствует признанию соотносительных существительных мужского и женского рода (типа *шалун — шалунья, красавец — красавица*), отдельными существительными.

Глаголы видовой пары могут принадлежать к различным классам и иметь различные системы спряжения, причем производные глаголы дублируют всю систему глагольного словоизменения, с теми только отличиями, которые зависят от видового значения глагола.

Система лексических значений глаголов видовой пары сплошь и рядом не тождественна, не говоря уже о том, что глагол несовершенного вида может указывать на кратную повторяемость действия, обозначаемого глаголом совершенного вида (например: *подписать — подписывать, прочитать — прочитывать*), а глагол совершенного вида может указывать на законченность действия, обозначаемого глаголом несовершенного вида (например: *строить — построить, делать — сделать*). Производные и переносные значения могут развиваться не только в обоих глаголах видовой пары, но и в одном из глаголов, который при этом может, оставаясь глаголом, перестать быть видовой парой к соответствующему глаголу. Так, например, переходные глаголы несовершенного вида легко могут становиться непереходными, приобретая значение «включенного объекта» или «потенциальное» значение, например: «Не мешайте ему: он *пишет*» (значение включенного объекта: «пишет что-то»); Мальчик красиво *пишет* (значение потенциальное, или свойства). Этих значений нет в парном глаголе совершенного вида *написать*, как нет в нем и переносных значений: «быть годным для письма» (Карандаш хорошо *пишет*) или «быть писателем, заниматься литературной деятельностью» (В молодости он тоже *писал*).

В многозначном глаголе нередко бывает так, что к одному значению глагола в качестве видовой пары выступает один глагол, а к другому значению — другой. Так, например, глагол *гладить*

имеет два значения: I. «Делать гладким, утюжить» и 2. «Проводить по чему-либо ладонью или пальцами». К первому значению соотносительный глагол совершенного вида — *выгладить*, ко второму — *погладить*. Если глаголы видовой пары — это формы одного слова, то глаголы *выгладить* и *погладить* тоже формы одного слова, либо *гладить* в разных значениях только омонимы. Но для последнего предположения нет достаточных оснований, поскольку оба значения тесно связаны между собой.

Поэтому следует признать, что глаголы разных видов, даже сводимые в видовую пару, не являются формами одного и того же слова, а представляют отдельные, самостоятельные слова.

Что касается возвратных глаголов, то здесь также мнения исследователей расходятся, хотя большинство ученых относило и относит возвратные глаголы к формам словообразования, видя в них отдельные слова.

Исходя из вышеизложенного понимания морфологических границ одного слова, мы не можем признать возвратные глаголы, ни в какой их части, формами производящего глагола. Возвратные глаголы во всех случаях представляют формы словообразования, т. е. отдельные самостоятельные слова, связанные с производящими глаголами в различной степени близости.

Многие ученые отмечают высокую степень регулярности образования возвратных глаголов или хотя бы отдельных разрядов возвратных глаголов[39], но регулярность эта далеко не абсолютна и далеко не так строго регламентирована, как регулярность образования форм словоизменения. От многих переходных глаголов не образуются личные возвратные глаголы (ср.: *благодарить, ждать, ревновать, умолять, упрекать* и т. д.), так же как от многих непереходных глаголов не образуются безличные возвратные глаголы (ср.: *греметь, капать, кипеть, течь, участвовать* и т. д.). С другой стороны, отмечаемая многими авторами невозможность образования возвратных глаголов страдательного значения от глаголов совершенного вида весьма часто нарушается, например:

«Вражда *умирится* влияньем годов, Пред временем рухнет преграда. И вам *возвратятся* пенаты отцов И сени домашнего сада (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя сама не знала, на что оно потом *употребится*» (Н. В. Гоголь. Старосветские помещики).

«Из своего детства, отрочества и раннего юношества я сделал сказку, которая еще не совсем *пережилась* мною, радует меня, это повесть „Курымушка“...» (М. М. Пришвин. Автобиография. —

---

[39] См. Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 82—83; S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 89; А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке. — «Уч. зап. Мос. Гор. пед. ин-та», кафедра русского языка, т. V, вып. 1, М., 1941, стр. 51; Грамматика русского языка, т. I, стр. 33 и 35.

Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М., 1928).

Все возвратные глаголы, связанные по значению с невозвратными, выводимы из этих невозвратных глаголов, например: *причесывать — причесываться, видеть — видеться, строить — строиться* и т. п.

Все формы словоизменения дублируются в возвратном глаголе. И если стать на ту точку зрения, что не только глаголы видовой пары, но и выводимые из них возвратные глаголы, хотя бы некоторые из них, являются формами одного и того же глагола, то, будучи последовательным, следует признать, что у одного русского глагола могут быть следующие формы:

1. Четыре инфинитива: *делать — сделать — делаться — сделаться*;

2. Четыре системы основных форм прошедшего времени (не считая усеченной формы и формы, омонимичной со 2-м лицом повелительного наклонения, и т. п.): *делал — сделал — делался — сделался;*

3. Две системы форм настоящего времени: *делаю — делаюсь*;

4. Четыре системы форм будущего времени: *сделаю — сделаюсь — буду делать — буду делаться.*

(Итого десять систем основных форм времени!);

5. Четыре системы форм условного наклонения: *делал бы — сделал бы — делался бы — сделался бы*;

6. Четыре системы форм повелительного наклонения: *делай — сделай — делайся — сделайся*;

7. Четыре формы деепричастий: *делая — сделав — делаясь — сделавшись* [40].

Однако никто из современных грамматистов не излагает подобным образом систему глагольных форм, хотя многие высказываются в том плане, что видовые пары и все или некоторые сопоставимые возвратные глаголы — формы одного глагола. И мне кажется, что совершенно прав был А. Чаплин, который еще сто сорок лет тому назад писал: «Если принять неокончательное наклонение за корень глагола, то можно утвердительно сказать, что в русском языке число глаголов определяется числом неокончательных наклонений» [41].

---

[40] Если рассматривать причастия как формы того же слова, что и спрягаемые формы, то к этому грандиозному слову можно еще присоединить: 8. Девять систем форм причастий: *делавший — сделавший — делавшийся — сделавшийся — делающий — делающийся — делаемый — деланный — сделанный.* Заметим попутно, что действительные причастия от глаголов страдательного значения — это понятно, но как можно говорить о действительном причастии от страдательной формы действительного глагола? Это совершенно лишено смысла.

[41] А. Чаплин. О разделении глаголов. — «Труды общества любителей российской словесности», ч. I, Сочинения в прозе и стихах (т. XXI), 1822, стр. 39. Положение А. Чаплина можно было бы уточнить только в том отно-

Система лексических значений возвратного глагола, даже страдательного значения, как правило, не совпадает с системой лексических значений производящего невозвратного глагола. Возьмем, например, глагол *коптить*. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова указаны три значения этого слова: 1. (неперех.) «Испускать копоть при горении», 2. (перех.) «Окуривая дымом, приготовлять в пищу» и 3. (перех.). «Покрывать копотью». Возвратный глагол *коптиться* соотносится только со вторым и третьим значением невозвратного глагола. Подобное несоответствие между лексической системой возвратного глагола и лексической системой производящего невозвратного наблюдается почти во всех случаях, когда в невозвратном глаголе совмещаются переходные и непереходные значения. Кроме того, несоответствие лексической системы возвратного и невозвратного глаголов может возникать в результате того, что переносные значения развиваются только в невозвратном или, чаще, только в возвратном глаголе. Например, в невозвратном глаголе *косить*, кроме основного значения «срезывать (траву или хлебные злаки) косой или косилкой», имеется переносное значение «уничтожать, губить массами». Этого переносного значения в возвратном глаголе *коситься* нет. Напротив, в возвратном глаголе *кипятиться* есть переносное значение «волноваться», «горячиться», соответствия которому нет в невозвратном глаголе *кипятить*. В возвратном глаголе *вращаться* также имеется переносное значение «проводить свою жизнь, бывать постоянно», например:

«Исключительной огромной просвещенностью в деле искусства обладал весь тот круг, где Серову посчастливилось с детства *вращаться*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

В невозвратном глаголе *вращать* соответствующее переносное значение отсутствует [42].

Таким образом, возвратные формы глаголов — это формы, которые и по морфологическому составу, и по значению выводятся из соответствующих невозвратных глаголов, дублируют систему глагольного словоизменения и могут расходиться по своей лексической системе с невозвратными, производящими глаголами, т. е. являются отдельными, самостоятельными глаголами, а не формами невозвратных производящих глаголов. Представляя во всех случаях отдельные слова, возвратные глаголы подтверждают то общее положение, что в русском языке одна и та же морфема не может служить в одних случаях целям словоизменения, а в других

шении, что поскольку теоретически возможны определенные случаи регулярного отсутствия тех или иных форм словоизменения, но невозможны случаи регулярного дублирования форм словоизменения, постольку возможны глаголы, не имеющие инфинитива, но невозможны глаголы с несколькими инфинитивами.

[42] Ср. комический эффект фразы из распространенного школьного анекдота: «Он *вращался* в обществе и *вращал* там свою жену».

случаях — целям словообразования. Аффикс *-ся* — аффикс только словообразовательный.

Что касается причастий, то вопрос о них представляет значительные трудности, потому что различные формы причастий не представляют единства в отношении тех или иных свойств, отличающих формы одного слова от разных слов. Так, регулярность образования действительных причастий несравненно выше, чем регулярность образования страдательных причастий. Наиболее регулярной формой причастий является форма действительных причастий прошедшего времени, наименее регулярной — форма страдательных причастий настоящего времени. Отсутствие тех или иных причастных форм далеко не всегда регламентируется особенностями глагольных основ.

Причастия всех разрядов выводимы из глагольных форм и по содержанию и по морфологической структуре, например: *читаj-ущ(ий)* — «такой, который читает», *чита-вш(ий)* — «такой, который читал», *читаj-ем(ый)* — «такой, который читают», *прочита-нн(ый)* — «такой, который прочитали» и т. п.

В отношении тождества или общности суммы значений опять-таки различные формы причастий не однородны. Так, причастия прошедшего времени действительные (наиболее регулярные) и здесь стоят ближе всего к спрягаемым формам глагола, располагая всею суммой их значений, а причастия страдательные, особенно прошедшего времени, очень часто развивают в себе новые значения, сближающие их с соответствующими возвратными глаголами, например: *сморщенные* руки — это не «руки, которые кто-то *сморщил*», а «руки, которые *сморщились*». То же самое *начитанный человек, накрашенная женщина, влюбленный юноша, разболтанный ученик, запыленное лицо* и т. п.

«К Ольге приблизился какой-то *напроборенный* модник, с восточно-томными черными глазами» (А. Малышкин. Люди из захолустья).

«Шевардин выгодно купил у военного шофера бутылку спирту, на ходу улыбался и подмигивал, как бы приглашая прохожих заглянуть под *встопорщенный* борт пальто» (Н. Ляшко. Сладкая каторга).

«Зина еще раз горестно всхлипнула и подошла к зеркалу. — Господи, *зарюмленная* какая» (Л. Пасенюк. Катя, «Дон», № 5, 1957).

«Вспомнила, как корова в упряжке воз везла, всю деревню потешила, а сын рядом шагал, вот такой же, как сейчас, *прихмуренный*» (Л. Сейфуллина. Письмо).

«Хотелось в бой, в атаку, на врага обрушиться всей ненавистью лютой! Как речка, заливая берега, весенней *разбушеванной* водою, бурлит и все сметает на пути, — так силой гнева, местью огневою с лица земли захватчиков смести!» (И. Гончаренко. Слово о гвардейской славе, сб. «Бессмертие», Киев, 1947).

Такой вывод подкрепляется еще и тем, что в ряде случаев причастия образуются непосредственно от имен, минуя стадию глагола (хотя в большинстве случаев довольно легко представить себе эту отсутствующую стадию), например: *дипломированный* инженер, *воинствующие* безбожники, *фашиствующие* элементы и т. п.

«Весь день сижу, совсем, брат, *заталмужен*, — готовлю, понимаешь, реферат» (И. Авраменко. Дом на Мойке, «Звезда», 1957, № 4).

«Нижний Останкинский пруд будет засыпан. Он *заилен*, сильно *заболочен* и лежит на трассе, где намечены большие работы» («Вечерняя Москва», 11.V.1953).

«Горы все круче, выше, *зарощены* сплошь густой зеленой тайгой» (С. Сартаков. Горный ветер, «Октябрь», 1957, № 2).

«Глину в конуса, как и прежде, завозят с сильно *запесоченных* и *запыленных* участков» («Московский Строитель», 15.II.1957).

«На всем этом *изветвленном* учреждении сказывалось противоречие эпохи» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Сколько остановок большого конвейера зарождалось в этих ладошах с *омозоленной* и неотмывающейся кожей?» (Г. Николаева. Битва в пути).

В отдельных случаях такие причастные образования соотносятся по смыслу с невозвратными глаголами, приближаясь по значению к причастиям действительным, например:

«В Нью-Йорке, Лондоне, Париже воздухом называется смесь пыли и *отработанных* газов» («Вечерняя Москва», 9.VI.1953).

«Возьмем *отработанные* цанги. Сколько лет их выбрасывали в отходы после того, как у них износится рабочая часть» («Вечерняя Москва», 19.VI.1953).

Ср.: «На многих промышленных предприятиях вторичные энергоресурсы (*отработавший* пар, горячие газы и вода) бесполезно теряются и не используются для теплоснабжения городов» («Правда», 30.V.1953).

«Большое внимание уделялось повышению температуры питательной воды за счет тепла *отработавшего* пара от вспомогательных механизмов и уходящих газов» («Водный транспорт», 9.II.1957).

«Казалось бы, что в наши дни *богемствующие* индивиды и босяцкие нравы уже невозможны» («Литературная газета», 6.IV.1954).

«В дальних селениях и городах, в деревенских клубах и на непритязательных концертных площадках выкомаривают и выкаблучивают перед смущенными и раздосадованными зрителями *шарлатанствующие* гипнотизеры, безграмотные конферансье и безвестные шпагоглотатели» («Литература и жизнь», 18.XII.1960).

«Политическая сатира наша борется на два фронта, направляет свое оружие против внешней и внутренней нечисти — бесноватых «*форрестоляющих*» генералов-провокаторов, фашистских реваншис-

стов, а также карьеристов, самодуров, тунеядцев, очковтирателей» (П. Ефимов. Радости и горести карикатуристов, «Октябрь», 1961, № 3).

Однако, сравните:

«— Мы из психиатрической... Все говорят, что у вас тут «*форрестолят*!» («Литературная газета», 2.VI.1960).

В многозначных глаголах также часто нет семантического соответствия между значением спрягаемых форм и значением страдательного причастия, например: *писанный* — прич. страд. «от *писать* в 1, 4, 6 и 7 значении» [43].

Сильное управление глагола, теснейшим образом связанное с лексическим значением слова и свойственное всем формам словоизменения, при страдательных причастиях изменяется.

Следует, видимо, признать, что причастия не являются формами того же слова, что и спрягаемые формы глагола, хотя одни из них ближе к спрягаемым формам, а другие дальше. Можно ли считать причастия отдельными словами в пределах глагола как части речи, т. е. считать, что глаголы могут быть и спрягаемыми и склоняемыми, или следует рассматривать причастия как отдельную часть речи, — это уже особый вопрос. Важно только отметить, что и между собой формы различных причастий представляют не одно слово, изменяющееся по временам и залогам, а отдельные слова; по крайней мере, действительные и страдательные причастия являются, несомненно, разными словами, иначе говоря, и в причастных формах «залог» представляет собой не формы словоизменения, а формы словообразования.

С вопросом о степени самостоятельности тех или иных возвратных глаголов в их отношении к невозвратным глаголам соприкасается другой вопрос, разрешение которого тоже чрезвычайно существенно для понимания природы возвратных глаголов, а именно: являются ли возвратные глаголы одинакового звучания, но разного значения одним многозначным словом или представляют собой ряд омонимов. Проблема лексических границ одного слова (проблема тождества слова при одинаковом звуковом виде) тоже по-разному решается различными исследователями. Так, например, А. А. Потебня, исходя из понимания языка как живой речи, по существу отрицал самое проблему многозначности и отрицал наличие лексических форм у слова так же, как он отрицал наличие морфологических форм у слова: «В словарях принято, для сбережения времени и места, под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнения, что слово может иметь несколько значений. Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук.

---

[43] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, 1939, стр. 265.

Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения» [44].

Близкие к этому мысли высказывал Л. В. Щерба в одной из своих последних работ: «Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это в сущности говоря формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений» [45].

Более распространенной в настоящее время является точка зрения, признающая наличие в языке многозначных слов и омонимов: «В случае частичного различия в значении, т. е. при условии, если говорящий сознает в одном из подобных слов видоизменение другого, как напр., *бумага* в смысле всякой писчей бумаги и *бумага* в смысле документа, можно говорить не о разных словах, а о двух вариантах значения одного и того же слова (иначе, смысловых вариантах значения одного слова); но раз такого непосредственного сознания нет, это — уже разные слова (происшедшие, понятно, из одного) [46].

Признавая наличие в языке разного качества несовпадений значений при одинаковом звуковом виде, должно признать, что провести грань между многозначным словом и омонимом зачастую трудно, так как для этого нет положительных объективных критериев, поскольку в самом языке могут быть недостаточно явственными те или иные соотношения значений. Все же об омонимах можно говорить только тогда, когда между одинаково звучащими словами, независимо от их происхождения, нет никакой лексической близости, никакой смысловой связи, а пока отдельные значения слова, пусть и далеко разошедшиеся, сохраняют лексическую близость, связаны по смыслу, следует говорить только о многозначном слове.

Возвратные глаголы не представляют в этом отношении исключения из других слов в языке: они могут быть и однозначными, и многозначными, среди них могут быть и омонимы. Многие исследователи указывали на специфическую многозначность возвратных глаголов, выводимых из одного невозвратного глагола: «Внутренняя связь залоговых значений, совмещение их в структуре одного слова (подчеркнуто мною, — *Н. Я.*) привлекали вни-

---

[44] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, IV. М.—Л., 1941, стр. 96.

[45] Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 107.

[46] Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке, стр. 71; см. также: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»), стр. 39; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 52 и 64.

мание и последующих исследователей русской грамматической системы. Так, акад. Я. К. Грот в академическом «Словаре русского языка» внимательно следил за оттенками залоговых значений, свойственных одному и тому же глаголу» [47].

Следует заметить, что признание многозначности возвратного глагола несовместимо с утверждением о том, что возвратный глагол страдательного значения — только форма производящего невозвратного глагола, так как если *мыться* (страд.) и *мыться* (нестрад.) — одно и то же слово, а *мыться* (страд.) и *мыть* — тоже одно и то же слово, то, следовательно, и *мыть* и *мыться* (нестрад.) — тоже одно и то же слово. Поэтому, если признавать многозначность возвратного глагола, то нужно признать одно из двух: либо все возвратные глаголы, связанные по смыслу с одним невозвратным глаголом, являются только формами этого последнего, либо ни один из производных возвратных глаголов не является формой производящего слова [48].

Мне кажется, что возвратный глагол может представлять собой одно многозначное слово, если смысловая близость его значений несомненна, так как последнее несовместимо с изложенным выше понятием омонима, ср. например: я *моюсь* в ванне, посуда *моется* горячей водой, шелковое полотно хорошо *моется* и т. п. — лексическая близость слова *мыться* во всех этих употреблениях не подлежит сомнению.

Омонимы встречаются среди возвратных глаголов довольно часто.

Во-первых, возвратные глаголы могут быть образованы от невозвратных глаголов-омонимов или от многозначных возвратных глаголов с значительным различием между значениями, например: *косить* — «срезывать косой или косилкой» и *косить* — «направлять вкось, помещать косо» — невозвратные глаголы-омонимы; от обоих этих глаголов, независимо друг от друга, образуются возвратные глаголы-омонимы: «сено *косилось* в июне» и «лошадь *косилась* на седока». Ср. также *нести* — «перемещать объект» и *нести* — «класть (яйца)», от которых образованы возвратные глаголы-омонимы: «пыль *несется* по дороге» и «курица *несется* ежедневно». Ср. также возвратные глаголы-омонимы *чиниться*, сопоставляемые с *чинить* — «исправлять», *чинить* — «подстругивать», *чинить* — «производить, устраивать», а также с существительным *чин*.

Во-вторых, в возвратном глаголе, как и во всяком другом слове, могут происходить изменения в значении, и эти изменения могут привести к полному расхождению в значении, к образованию омонимов, например: *проститься* — «обменяться приветствиями при расставании» и *проститься* — «быть прощенным»:

---

[47] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 648.

[48] Так, между прочим, желая быть последовательной, разрешает этот вопрос Р. А. Маркарян. См. Р. А. Маркарян. Страдательный залог и страдательные обороты, стр. 7—8.

«— А что ты про меня сказал — это тебе не *простится* никогда!» (М. Горький. Трое).

Ср. также: *смыться* — «быть смытым» и *смыться* (простореч.) — «улизнуть»:

«Лодку стали валять с борта на борт суматошные мелкие волны... Одежда на всех намокла. Каждый стал тяжелей вдвое. И хотя рыба почти вся *смылась*, лодка садилась все ниже, черпая теперь и бортами» (Н. Богданов. Был Ерошка, сб. «Кряжонок»).

Или:

«Когда Ге удалился по экстренному делу хозяйства, Анна Петровна стала горько *жаловаться*, что она с гостьей не могут ничем возвратить ему прежнее настроение» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Французы прекрасно знали, что орден с мечами *жаловался* не только строевым, но и штабным офицерам на театре военных действий» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

Границы многозначного слова и омонима в глаголе вообще, и в возвратном глаголе в частности, особенно неясны и шатки[49], поэтому всегда возможны переходные случаи. Так, будет ли, например, *ломаться* (страд. от *ломать*), *ломаться* — «распадаться на куски», *ломаться* — «изменяться в тембре», ср. «Голос у него еще *ломался*, но он прекрасно пел» (Л. Н. Толстой. Воскресение) и *ломаться* — «кривляться» одним многозначным словом или несколькими словами-омонимами, сказать труднее, хотя «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и дает все эти значения как значения одного многозначного слова.

Естественно, что во многих случаях не представляется возможным ответить точно на вопрос о лексических границах возвратного глагола, но в принципе следует исходить из наличия многозначных глаголов в современном русском языке.

---

[49] См. об этом: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 650—651.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Итак, проблема изучения возвратных глаголов и значения аффикса *-ся* в современном русском языке — это проблема глагольного словообразования, так как возвратные глаголы всегда представляют собой особые лексемы по отношению к соответствующему невозвратному глаголу.

Вопрос о выделении в слове словообразовательных аффиксов много раз ставился в научной литературе, но получал различное разрешение ввиду того, что деление слова на морфемы представляет во многих отношениях большие трудности как со стороны установления самого наличия тех или иных морфем в слове (например: *охота, спокойный, брусника, чернила, обуть* и др.), так и со стороны границы между наличными морфемами (например: *разбойничать, лапчатый, гребешок, беженец* и др.).

Со стороны морфологической структуры основы все самостоятельные слова можно подразделить на морфологически членимые (иначе, производные) и морфологически нечленимые (иначе, непроизводные). Понятие морфологической членимости основы обычно совпадает или находится в прямой зависимости от понятия лексической сопоставимости, т. е. от смысловой мотивированности слова, от возможности истолковать значение данного слова не через синонимы или различные описательные обороты, а путем непосредственной ссылки на производящую основу. Так, слово *печник* — морфологически членимо, в нем выделяется корень *печ-* и суффикс *-ник*, потому что это слово лексически сопоставимо: оно обозначает того, кто складывает, чинит или проектирует *печи*; а слово *плотник* — морфологически нечленимо, потому что оно лексически несопоставимо: в современном языке нет слова, с которым слово *плотник* сопоставлялось бы по значению как с производящим — оно не связано по значению ни со словом *плот*, ни со словом *плоть*, ни со словом *плотный*. Таким образом, мы принимаем в общем положение Г. О. Винокура, подводящее итог наблюдениям многих исследователей над морфологическим составом слова, о том, что «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной

основы»[1], и считаем, что именно это отношение производного слова к производящему и позволяет выделять в словах как корневые, так и словообразовательные морфемы.

Однако аффикс *-ся* единственный аффикс, который представляет в этом отношении исключение: он выделяется в любом возвратном глаголе, независимо от сопоставления с производящим невозвратным глаголом.

Вследствие этого среди возвратных глаголов возможно наличие непроизводных основ с морфологически выделяемым аффиксом *-ся*, например: *боять-ся, надеять-ся, остать-ся* и т. п. А также отыменных производных глаголов с выделяющимся аффиксом *-ся*, например: *гнезд-и-ть-ся, горд-и-ть-ся, шершав-и-ть-ся* и т. п. Именно эта особенность данного аффикса является самым отличительным его свойством по сравнению с другими словообразовательными аффиксами. Аффикс *-ся* выделяется в возвратных глаголах, не имеющих соответствий среди глаголов невозвратных, без всякого учета лексического значения подобных глаголов, чисто «технически» — в результате того, что этот аффикс занимает в слове необычное для словообразовательных аффиксов место, следуя за всегда выделяемыми в глаголе аффиксами словоизменения, а не предшествуя им: *боj-у-сь, боj-ишь-ся, боj-ит-ся* и т. д.

В связи с этим не вполне точным представляется утверждение, что аффикс *-ся* присоединяется к уже готовой форме невозвратного глагола: «Некоторые непереходные глаголы оканчиваются на *-ся* (*-сь*), не имея соответственных глаголов без *-ся*, напр.: *бояться, кланяться, надеяться, смеяться*. Конечное *-ся* (*-сь*) в таких глаголах прибавляется к готовым формам, образованным соответственно формам глаголов без *-ся*»[2].

Прежде всего, следует заметить, что именно для возвратных глаголов указанного типа нет в языке готовых форм невозвратных глаголов, к которым можно было бы присоединить аффикс *-ся*: например, нет форм *боять, бою, боишь* для образования форм *бояться, боюсь, боишься*, нет форм *надеять* или *надею* для образования форм *надеяться* или *надеюсь*. Но и к лексически сопоставимым возвратным глаголам, даже к той их части, которая непосредственно сопоставляется с невозвратными глаголами (типа *читать — читаться, мыть — мыться, причесывать — причесываться, кусать — кусаться*) это положение о присоединении аффикса *-ся* к г о т о в о й ф о р м е невозвратного глагола не вполне применимо, потому что, хотя возвратные глаголы, выводимые из невозвратных, в большей своей части и располагают почти такой же системой словоизменения, как и производящие глаголы, все же в них иногда наблюдаются отличия не только в ударении (ср. *на́чал — начался́, взя́л — взя́лся* и *взялся́*; *на́чали — начали́сь, взя́ли —*

---

[1] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию, стр. 317.
[2] Грамматика русского языка, т. I, стр. 33.

взялúсь), но и в образовании отдельных форм, например, деепричастий, ср.: *подписав — подписавшись, причесав — причесавшись, обняв* — обнявшись и т. п. А. А. Шахматов отмечал в свое время некоторое своеобразие деепричастий от возвратных глаголов совершенного вида: «Частица *-ся* способствовала сохранению в глаголах среднего залога некоторых форм, исчезнувших в глаголах действительного залога; так, в глаголах на *-ить* деепричастие совершенного вида на *-я* исчезает, но в глаголах на *-иться* сохраняется *-ясь* (*простив его поступок*, но *простясь с ним*)» [3].

Такие формы деепричастий от возвратных глаголов совершенного вида широко встречаются у писателей XIX века, например:

«Поступком *оскорбясь* таким, Все дружбу прекратили с ним» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Служанок била *осердясь* — Все это мужа не спросясь» (Там же)

«На ель ворона *взгромоздясь*, Позавтракать было совсем уж собралась» (И. А. Крылов. Ворона и сыр).

Необычность места в слове и связанная с этим постоянная морфологическая выделяемость, присущая аффиксу *-ся*, ставит этот последний в совершенно исключительное положение по сравнению с другими словообразовательными аффиксами современного русского языка. Некоторые ученые усматривают в этой исключительности аффикса *-ся* агглютинацию, например:

«Кроме этого аффикса (*-ся*, *-сь*), нам известен еще только один аналогичный аффикс *-те* в формах *пойдéмте*, *нате*, *нуте*, даже *пошелте* к черту. Оба аффикса имеют ясно выраженный агглютинативный характер, вопреки общему флективному строю нашего языка» [4].

Агглютинацию видит в этом аффиксе и А. А. Реформатский, хотя объединяет его в данном отношении не с *-те*, а с другим современным русским аффиксом: «В русской постфиксации как исключение могут встречаться агглютинирующие случаи, например: возвратный аффикс *-ся* (*-сь*) или «побудительный» *-ка*, присоединяющиеся к уже оформленным флексиями словам: *двигающихся*, *пошла-ка* ты вон, *двинемтесь-ка* и т. п., но для строя русской грамматики это не типично» [5].

На этой же точке зрения стоит В. В. Виноградов, когда говорит об аффиксе *-ся*, что он «приклеивается» [6] к глаголу, или когда называет его «агглютинативным аффиксом» [7] и «прицепкой»: «На формах суффиксальной агглютинации (на прицепке *-ся*, *-сь*) основана система «залогового» словопроизводства глаголов. Таким

---

[3] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4-е. М., 1941, стр. 489.

[4] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, изд. 7-е, стр. 113, примечание.

[5] А. А. Реформатский. Введение в языкознание, стр. 222.

[6] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 609 и 646.

[7] Там же, стр. 630.

образом, в системе русского глагола флексивный строй осложнен агглютинативным построением отдельных форм» [8].

Решить с непреложностью вопрос о том, является ли аффикс *-ся* агглютинативным или не является, совсем не так просто, поскольку самые понятия агглютинации и флексии недостаточно разработаны в науке. Так, например, в свое время Н. В. Крушевский находил агглютинацию еще и в префиксации русских глаголов [9]. Прав был, видимо, И. А. Бодуэн де Куртенэ, заметив: «Все то, что говорится о различиях так называемой «флексии» и так называемой «агглютинации», до такой степени неясно, неопределенно, запутанно, что навряд ли найдется человек, решающийся дать вполне сознательно точное определение того и другого морфологического типа» [10].

Совершенно откровенно признавался в этом и Л. В. Щерба: «Агглютинативные языки те, в которых суффиксы и префиксы являются отдельными словами, т. е. могут быть употреблены отдельно. С этой точки зрения «подпереть» — агглютинация (сравните «под» в печи). Что считать за сущность агглютинации не ясно. Разные авторы принимают разные определения. Деление языков на синтетические, агглютинативные и флективные, конечно, не достаточно. Я не могу понять, когда противопоставляют турецкие языки и, например, русский. Существенно в турецких языках то, что в них суффиксы склонения и множественного числа одни, но в чем агглютинативность, — не понимаю» [11].

П. С. Кузнецов дает два определения этому понятию: в синхронном плане и в диахроническом:

«Принцип образования грамматической формы, при котором новое окончание присоединяется к уже имеющемуся окончанию, носит название а г г л ю т и н а ц и и» [12].

«Мы имеем дело в данном случае с так называемым процессом а г г л ю т и н а ц и и, т. е. с объединением на протяжении исторического развития языка двух ранее самостоятельных элементов в одно слово» [13].

Ни первое, ни второе толкование агглютинации не позволяет объяснять своеобразие аффикса *-ся* в современном русском языке его агглютинативным характером, поскольку аффикс *-ся* никак не

---

[8] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 425.

[9] Н. В. Крушевский. Очерки науки о языке. Казань, 1883, стр. 83. Это мнение разделяет и А. А. Реформатский в своей книге «Введение в языкознание». М., 1955, стр. 212; 1960, стр. 221—222.

[10] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen». — «Живая старина», 1909, вып. II—III, стр. 199.

[11] Л. В. Щерба (из лекции 11 декабря 1928 г. в Тюркологическом семинаре при Ленинградском Восточном Институте) — цитирую по статье: А. К. Боровков. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — Сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы», стр. 117.

[12] Современный русский язык. Морфология, стр. 287.

[13] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 273.

может быть отнесен к окончаниям, а также не присоединяется к уже оформленному окончанием слову и поскольку происхождение этого аффикса еще ничего не говорит о его особенностях в системе современного языка. Ведь у нас имеются и другие современные аффиксы (в том числе и флексии), которые также восходят к «самостоятельным элементам», но не обладают свойствами аффикса *-ся* и никем не причисляются к явлениям агглютинации в современном русском языке.

Можно думать, что чистой агглютинации аффикс *-ся* в современном русском языке во всяком случае не представляет.

Во-первых, помимо того, что данный аффикс давно не употребляется в качестве самостоятельного слова, с ним при различном характере производящих глагольных основ связываются различные значения: так, например, при присоединении этого аффикса к глаголам переходным возникают глаголы непереходные, а при присоединении его к глаголам непереходным возникают преимущественно безличные глаголы: *причесывает* (волосы) — *причесывается*; *грустит* — *грустится*.

Во-вторых, аффикс *-ся* и с внешней и с внутренней стороны спаивается с основой гораздо теснее, чем типичные аффиксы агглютинирующих языков. Это подтверждается, с одной стороны, тем, что в современном русском языке имеется значительное количество таких возвратных глаголов, которым нет соответствия среди невозвратных глаголов. Для подобных глаголов невозможно установить, какая именно часть или сторона их значения определяется наличием в них аффикса *-ся*, например: *издеваться*, *кукситься*, *очнуться*, *стараться* и др. Это подтверждается, с другой стороны, теми звуковыми изменениями, которые претерпевает аффикс *-ся*, выступая после различных согласных окончания. Наиболее заметным и последовательным является звуковое изменение этого аффикса после твердого и мягкого *т*:

«В форме 3-го лица единственного и множественного числа, имеющей на конце *-тся*, а также в инфинитиве на *-ться*, в результате слияния согласной (*т*) или (*т'*) с последующим (*с*) произносится твердое (*ц*) с долгим затвором» [14].

Сравните например:

«Как ты можешь летать и кружи*ть*ся
Без любви, без души, без лица?
О стальная бесстрастная пти*ц*а,
Чем ты можешь прославить творца?» (А. Блок).

«Мы вас ждем, товарищ пти*ц*а,
Отчего вам не лети*т*ся?» (В. Маяковский).

[14] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 123. Ср. однако, в форме повелительного наклонения *позаботься*, *отметься*, *засекретьс*я, *не тратьс*я, *не пятьс*я и другие, где слияния звуков *т* и *с* не происходит.

«Не верю, что есть цветочная Ницца!
Мною опять славосло*вятся*
мужчины залежанные, как больница,
и женщины истрепанные, как посло*вица*» (В. Маяковский).

В-третьих, аффикс *-ся* может создавать новые значения, т. е. образовывать новые глаголы, совместно с другими аффиксами: суффиксами и префиксами, например:

а) совместно с префиксом (от глагольной основы): *раз-бежать-ся, за-играть-ся, до-сидеть-ся*;

б) совместно с суффиксом (от именной основы): *горд-иться, резв-иться, скуп-иться, гнезд-иться*;

в) совместно с суффиксом и префиксом одновременно (от именной основы): *про-худ-иться, у-досуж-иться, о-жереб-иться* и т. п.

Можно указать немало попыток подобрать этому единственному в своем роде аффиксу название, которое в какой-то мере отражало бы его своеобразие.

«Аффикс этот столь исключителен, — говорит А. М. Пешковский, — что для него даже и термина не подберешь: это и не «приставка», и не «суффикс» (потому что суффикс приставляется к основе: *уме-л-ый, чита-тель*, а этот аффикс — к целому, готовому слову: *моет-ся*), и не «флексия», конечно (потому что не обозначает ни падежа, ни лица). Скорее всего его можно было бы назвать «надставкой» [15].

В. В. Виноградов, как указывалось выше, называет его «прицепкой», В. А. Богородицкий — «прибавкой» [16]. Однако ни один из этих сравнительно молодых терминов не получил всеобщего признания и распространения. Чаще всего этот аффикс называли и называют «частицей», и это название как нельзя более соответствует природе и особенностям аффикса *-ся* [17].

В современном русском языке имеется еще несколько частиц, а именно: отрицательные частицы *не-* и *ни-* и неопределенные частицы *не-, кое-* (*кой-*), *-то, -либо, -нибудь*, близость которых к словообразовательным аффиксам несомненна [18].

---

[15] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 113.

[16] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5-е. М.—Л., 1935, стр. 166 и 168.

[17] И. Т. Яценко в своей статье «К вопросу об определении основы слова» — «Русский язык в школе», 1961, № 5, стр. 43 — называет его «частица-суффикс».

[18] Аффиксы *-те* и *ка-*, которые также называются частицами, никак не могут быть причислены к словообразовательным. Частицу *-те* не всегда даже называют частицей; так, в академической «Грамматике русского языка» она называется окончанием 2-го лица множественного числа (см. т. I, стр. 499). Во всяком случае она носит явно выраженный словоизменительный характер, хотя и может быть названа частицей. Частица же *-ка* в современном русском языке совершенно уникальна: она отличается регулярностью применения, но не образует ни отдельных слов, ни отдельных, самостоятельных форм, так как присоединяется только к некоторым, совершенно определенным готовым гла-

Совершенно справедливо присоединяют к этому разряду словообразовательных аффиксов частицы *-угодно* и *-попало*, которые отличаются от указанных выше только раздельным написанием [19].

Все эти частицы соединяются с весьма ограниченным количеством слов, выделяемых не столько по грамматическому, сколько по семантическому признаку, — с относительными местоименными словами различных грамматических классов: *кто, что, какой, чей, куда, где, сколько* и др. Одни из этих частиц, присоединяемые перед основой (корнем), не вполне срастаются со словом и в определенных случаях (при образовании предложно-падежных конструкций) могут быть отделены от остальной части слова: *кое с кем, кое о чем, ни за сколько* и т. п.; отрицательные и неопределенные местоименные наречия не выступают в предложно-падежных конструкциях, и поэтому при них префиксальные частицы не отделяются: *кое-где, никогда* и др. Особенно любопытны случаи употребления этих префиксальных частиц при местоименных прилагательных, когда предлог относится собственно даже не к прилагательному, а к определяемому прилагательным существительному, и тем не менее отрывает частицу от остальной части местоименного прилагательного: *ни о каком* отпуске, *кое о каких* делах и т. п. Другие же частицы, подобно частице *-ся*, помещаются в самом конце слова и отделяются от остальной части основы флексией, если таковая в слове имеется: *где-то, кому-либо, о чем-либо, какая-нибудь* и др.

В силу того, что местоименные слова отличаются по своей семантике от всех других разрядов самостоятельных слов, здесь не приходится искать такой лексической сопоставимости, которая присуща производным словам неместоименного типа, однако семантическая связь местоимений, образованных с помощью частиц, с местоимениями относительными как производящими совершенно ясна.

Таким образом, словообразовательные частицы — это аффиксы, которые отличаются от прочих словообразовательных аффиксов (префиксов и суффиксов) менее тесной спаянностью с производящей основой (корнем): частицы префиксального типа могут отделяться от основы предлогами, частицы постфиксального типа могут отделяться от основы флексиями. Следовательно, термин «частица» вполне соответствует особенностям аффикса *-ся*, который, как и другие постфиксальные частицы, помещается в самом конце слова и отделяется от остальной основы флексиями.

С местом частицы *-ся* в слове связана, как было указано выше,

---

гольным формам. В повелительном наклонении она образует эмоционально окрашенные дублеты форм 2-го лица, а соединяясь с формой 1-го лица единственного числа будущего времени, — специфический модальный дублет этой формы.

[19] Грамматика русского языка, т. I, стр. 651.

морфологическая членимость возвратного глагола, независимо от лексической сопоставимости, т. е. частица *-ся* обнаруживается в морфологическом составе возвратного глагола во всех случаях, независимо от того, возможно ли объяснить значение данного возвратного глагола ссылкой на значение производящей глагольной основы (например: *пугаться — пугать, мыться — мыть, сердиться — сердить, толкаться — толкать* и др.) или нельзя (например: *бояться, отчаиваться, резвиться, лениться* и др.).

Возвратные глаголы, выделенные в особый разряд на основании сходства морфологического состава (наличия частицы *-ся*), в словообразовательном отношении, в отношении сопоставимости с производящей основой представляют большое разнообразие. И не все из имеющихся разрядов в равной мере пригодны для изучения значения, возникающего в глаголе с присоединением частицы *-ся*.

Совершенно не подходят для данной цели глаголы несопоставимые, т. е. глаголы с непроизводной основой, не имеющие семантической соотнесенности с производящей основой, немотивированные в своем значении и в своей морфологической структуре. Они не сопоставляются ни прямо, ни косвенно ни с глаголами, ни с именами, например: *артачиться, барахтаться, бесноваться, бояться, валандаться, глумиться, гнушаться, ерепениться, запинаться, запнуться, запыхаться, зариться, зиждиться, карабкаться, касаться, каяться, кичиться, кланяться, кобениться, коснуться, кочевряжиться, кукситься, ластиться, лоснится, мерещиться, надеяться, надобиться, намереваться, нравиться, опасаться, осаниваться, отчаиваться, очнуться, очутиться, подвизаться, покуситься, покушаться, пресмыкаться, притворяться, рехнуться, скитаться, слоняться, случаться, случиться, сомневаться, состязаться, споткнуться, спотыкаться, стакнуться, стараться, улыбаться, чваниться, шляться* и др.

Наличие в языке несопоставимых возвратных глаголов отмечается многими исследователями, но в большинстве случаев с несопоставимыми глаголами объединяются или смешиваются возвратные глаголы различной степени и различного характера сопоставимости, что иногда приводит и к неправильным выводам об особенностях этих глаголов [20].

Появление в языке подобных глаголов обычно объясняют утратой производящих невозвратных глаголов:

«При забвении или утрате невозвратной и не осложненной префиксом формы глагола в языке могут сохраниться именно производные их, в частности только в одной возвратной форме. Так должны объясняться имеющиеся в языке глаголы, не осложненные

---

[20] См. А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 195; А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 119—121; Современный русский язык. Морфология, стр. 344.

префиксом и известные в одной возвратной форме. Ср.: *бояться, дивоваться, скупиться, смеяться, касаться, красоваться* и под.»[21].

Сравните, например: «Для глагола *каяться* действительная форма *каять* известна из памятников древнерусского языка в значении «бранить», «порицать» по XIII в., в более специальном значении «исповедывать» еще в памятниках XVI в., а в поговорках и до сих пор в обоих значениях, напр.: «Старого не бьют, мертвого не кают»[22].

В XVIII, а отчасти и в XIX в. можно встретить целый ряд невозвратных глаголов, от которых в настоящее время сохранились только производные возвратные, например: *заступать, наслаждать, насладить, соглашать, согласить* и др. Ср., например:

«Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А, впрочем, *нас* с тобой никто *не согласит*»

(А. С. Грибоедов. Притворная неверность).

«Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили. Я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец, и писал; но ничто *его не согласило*» (Л. Н. Толстой. Война и мир, из письма Багратиона).

Наличие в языке несопоставимых возвратных глаголов объясняется не только забвением или утратой производящих невозвратных глаголов. В языке может быть невозвратный глагол, соответствующий в звуковом отношении возвратному, но этот факт сам по себе еще не дает права относить возвратный глагол к сопоставимым. Для того, чтобы можно было говорить о сопоставимости возвратного глагола, необходимо лексическое соответствие между возвратным и невозвратным глаголом. Так, например, глагол *топиться* сопоставляется по значению с глаголом *топить*, *возвратиться* — с *возвратить*, и *мчаться* в определенном отношении может быть сопоставляем с глаголом *мчать*; но уже глагол *плестись* («идти медленно»)[23] не сопоставляется с глаголом *плести*, глагол *раздаться* («прозвучать») не сопоставляется с глаголом *раздать*. *задаваться* («чваниться, хвастать») — с глаголом *задавать* (м. б. только «задавать тон»), *добиться* («достичь») — с *добить*,

---

[21] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 59.

[22] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 168.

[23] Вряд ли правильно видеть именно в этих случаях словообразование с помощью частицы *-ся*, как то делают некоторые исследователи.

жаловаться («сетовать» или «доносить, ябедничать») — с *жаловать*, *находиться* («быть, помещаться») — с *находить*, *случиться* («произойти») — с *случить*, *клясться* («заверять») — с *клясть* и т. п. Ср. также:

«У них на масленице жирной *Водились* русские блины» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Живой *печется* о живом, А мертвый спи глубоким сном» (А. Н. Некрасов. В. Г. Белинский).

«Гаршин сначала *пытался* шутить, затем стал вздыхать» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«В прачечных не хватало работниц, они «*зашивались*», стирали скверно» (В. Панова. Спутники).

«Я видел, что никто мне не верил, но все *притворялись* восхищенными» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

В подавляющем большинстве случаев такие несопоставимые глаголы имеют омонимы, сопоставимые с невозвратными глаголами, например:

«Везде, поперек каким бы то ни было печалям, из которых *плетется* жизнь наша, весело промчится блистающая радость» (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

«Я ничего не скрыл. Мне *задавался* вопрос — кем я был?» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Причина возникновения таких несопоставимых возвратных глаголов, омонимов к сопоставимым глаголам, лежит в том, что возвратный глагол, как и любое другое производное слово стремится выражать свое значение целиком всем словом, а не через сопоставление с производящим глаголом и значением частицы *-ся*, а это неминуемо ведет к развитию новых значений в слове, к ослаблению и зачастую к полной утрате непосредственной сопоставимости.

В ряде случаев новое, переносное значение явно связано с основным значением возвратного глагола и не создает омонима, а умножает количество значений того же слова, причем многозначный возвратный глагол в прямом значении сопоставляется с производящим невозвратным глаголом, а в переносном значении может и не сопоставляться, например:

«Разговор долго не *клеился*, да и когда *склеился*, был как-то отрывчат, не нужен и утомителен для кандидата» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Я возьму тебя, если *сойдемся* в цене» (В. Короленко. Без языка).

«Матросы.... часто не понимали, из-за чего «*кипятится*» этот образцовый по службе матрос» (К. М. Станюкович. Отчаянный).

Наблюдаются и такие случаи, когда одно переносное значение увеличивает количество значений в пределах того же возвратного глагола, т. е. входит в многозначное слово, а другое переносное значение полностью обособилось и образует омоним, например:

«А далеко за городом, на голубом фоне неба, смутно *рисуются* нежно-лиловатые горы» (А. С. Новиков-Прибой. Лишний).

«Между этими заботами *рисовалось* ему прекрасное лицо Ольги» (И. А. Гончаров. Обломов).

Оба проиллюстрированные данными примерами значения не создают омонимов к глаголу *рисоваться* в прямом значении, а только увеличивают сумму его значений. Но к этому многозначному возвратному глаголу имеется и омоним:

«Я не *рисуюсь* перед вами, не драпируюсь в свою печаль» (И. А. Гончаров. Обломов).

Возьмем другой пример:

«Тихий человек долго *копался* в списках, составленных наспех карандашом» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«— Да ну же, скорей, няня! Ты всегда *копаешься*! — нетерпеливо и властно говорил мальчик» (К. М. Станюкович. Побег).

В последнем примере перед нами несопоставимый возвратный глагол, омоним к многозначному глаголу *копаться*.

Современное состояние языка далеко не всегда может дать указание на причину отсутствия сопоставимости в возвратном глаголе, однако, при наличии омонима, сопоставимого с невозвратным глаголом, вероятнее всего предположить постепенное развитие новых значений в возвратном глаголе.

Большинство несопоставимых возвратных глаголов обозначает процессы и состояния, свойственные только одушевленным производителям действия, и употребляются только при подлежащих, выраженных одушевленными существительными, например:

«*Грушницкий* мне *не кланяется* уже несколько времени» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Вверху среди лесов и настилок *копошились*, как муравьи, занятые постройкой *рабочие*» (В. Г. Короленко. Без языка).

«*Я* сама *гнушаюсь* вами, потому что вы мелкий, презренный человек» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Меня возмущала профанация ездоков, лезущих на лошадь, как на избу; по лестнице сбоку, даже немножко сзади, или со скамеечки, с тумбы *карабкаются они* с опасностью для жизни на лошадь» (И. Е. Репин. Далеко близкое).

Конечно, все подобные несопоставимые глаголы могут быть использованы и при отсутствии подлежащего в формах, допускающих неопределенно-личное и обобщенно-личное значение, так как эти значения предполагают только одушевленного производителя действия. Используются такие глаголы и при олицетворении предметов неодушевленных, например:

«*Тишина* баюкала слух, точно *состязаясь* с плеском и хлестаньем ливня за зеркальными стеклами окон» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Впервые ее честного сердца *коснулась ревность*» (В. Панова. Спутники).

Значительно реже среди несопоставимых возвратных глаголов встречаются такие, которые употребляются и при одушевленном и при неодушевленном подлежащем или только при неодушевленном, например:

«Ей рано *нравились романы*; Они ей заменяли все» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«*Одна из* первых *минут* восхищения *случилась* со мною еще в раннем детстве на Осиновской улице» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«По счастью тут *журавль случился*» (И. А. Крылов. Волк и журавль).

«*Лысина была* круглая, чиста и так *лоснилась*, как будто была выточена из слоновой кости» (И. А. Гончаров. Обломов).

Несопоставимые возвратные глаголы не представляют особого словообразовательного разряда и об их продуктивности не может быть и речи, хотя состав их и может расширяться за счет утраты производящих глаголов или развития новых значений в производных возвратных глаголах.

В несопоставимых возвратных глаголах нельзя выделить ту сторону значения, которая создается именно частицей *-ся*. Самые значения несопоставимых возвратных глаголов не связываются для нас с непременным наличием в них частицы *-ся*, с непременной возвратностью. Ведь ко многим несопоставимым возвратным глаголам имеются синонимические, близкие по значению, невозвратные глаголы, например: *бояться — трусить, гнушаться — брезговать, лосниться — блестеть, пресмыкаться — раболепствовать, скитаться — странствовать, случиться — произойти, смеяться — хохотать* и т. п.

Следует заметить, что не только в несопоставимых возвратных глаголах, но и в глаголах, обладающих различным характером сопоставимости, частица *-ся* ничего не говорит нам о значении того или иного глагола, если мы рассматриваем такой глагол вне сопоставления с соответствующим невозвратным. Здесь также сходные лексические значения могут выражаться и невозвратными глаголами, например: *влюбиться — полюбить, литься — течь, нажиться — разбогатеть, нестись — бежать, подняться — встать, приблизиться — подойти, печалиться — грустить, радоваться — ликовать, ссориться — враждовать, торопиться — спешить* и даже: *объесться — переесть*. Только некоторые разряды прямосопоставимых возвратных глаголов, как например, глаголы страдательного значения, совсем не могут иметь невозвратных синонимов.

Можно привести также параллели из других языков, в которых русским возвратным глаголам соответствуют невозвратные, и наоборот, например: *оставаться* — франц. *rester*, *уменьшаться* — франц. *diminuer*, *смеяться* — немец. *lachen*, *надеяться* — немец. *hoffen*. Правда, во французском и в немецком языках нет специальной частицы для образования глаголов соответствующих значений, поэтому здесь могут иметь место серьезные отличия по сравнению

с русскими глаголами. Но если мы обратимся к сопоставлениям со славянскими языками, в которых характер и значение возвратных образований имеют много общего с русским языком, то и тут обнаружится ряд несоответствий между словообразовательными формами глаголов сходного значения, например: *бороться* — чешск. *bojovati*, *провалиться* — чешск. *ztroskotati*, *нуждаться* (в чем-либо) — чешск. *potřebovati*, *согласиться* — чешск. *souhlasiti*; *полагаться* — польск. *ufać*, *насмехаться* — польск. *drwić*, глумиться — польск. *czydzić*, *находиться* — польск. *zostawać* и т. п.

Наконец, в украинском языке, наиболее близком к русскому языку в отношении характера возвратной частицы и значения возвратных глаголов, находим такие параллели, как: *стремиться* — *прагнути*, *радоваться* — *радіти*, *охотиться* — *полювати*, *торопиться* — *поспішати*, *гнушаться* — *гребувати*, *издеваться* — *глузувати* и т. п.

Второй разряд возвратных глаголов, который также не может именоваться словообразовательным, а представляет собой результат тех же процессов в языке, — это возвратные глаголы со связанной, но выделяемой в результате сопоставления с другими глагольными образованиями, невозвратной основой, например: *вторгаться* (исторгать), *вторгнуться* (исторгнуть), *задыхаться* (отдыхать), *ложиться* (положить), *любоваться* (облюбовать), *наслаждаться* (усладить), *наслаждаться* (услаждать), *общаться* (приобщать), *рушиться* (разрушить), *проснуться* (заснуть), *прохлаждаться* (охлаждать), *смеяться* (осмеять), *условиться* (обусловить), *ютиться* (приютить) и т. п.

У этих глаголов производящая глагольная основа не встречается в свободном изолированном виде, а всегда связана с теми или иными префиксами, видоизменяющими ее значение. Поэтому установить в этих глаголах ту сторону значения, которая создается присоединением частицы *-ся*, учитывая при этом, что данная группа глаголов по самой природе своей не может быть продуктивной, не представляется возможным.

Встречаются и такие случаи, когда ввиду того, что непроизводный глагол употребляется крайне редко или выходит из употребления, а приставочный глагол употребляется так же широко, как и возвратный, последний может восприниматься как глагол со связанной основой, например: *бороться* (побороть, перебороть). Однако иногда употребляется и производящий, невозвратный глагол *бороть*:

«Разве я не вижу по лицу вашему, что вас *борет* какая-то грозная, новая мысль» (Ф. М. Достоевский. Бесы).

«Весна *борола* зиму» (Л. Леонов. Барсуки).

«— Вы убеждены, что разум переборет страсти прежде, чем они подчинят себе события? — Он не собирается *бороть* страсти, это было бы гибелью. Он их направляет» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Женщина не просыпалась, когда машина *борола* дорогу, но сейчас внезапный покой разом скинул с нее сон» (Ю. Нагибин. Человек и дорога).

В XIX веке, видимо, такой невозвратный глагол был вполне обычным. Так, И. И. Давыдов писал:

«Глаголы: *движу, борю,* вместо *движимый,* и *боремый,* употребляют причастие: *движимый, боримый*» [24].

Следовательно, для И. И. Давыдова глагол *бороть* был существующим, употребляющимся глаголом.

И косвенно-сопоставимые возвратные глаголы не столь показательны и удобны для характеристики и обнаружения собственного значения частицы *-ся,* поскольку основа, с которой они соединяются, не встречается в изолированном виде, а всегда связана с теми или иными префиксами, видоизменяющими ее значение.

Что касается сопоставимых возвратных глаголов, то они в отношении сопоставимости распадаются на две неравные части: преимущественное большинство их сопоставляется с невозвратными глаголами как с производящими, и только незначительное количество не имеет в языке соответствия в невозвратных глаголах, а соотносится по значению с именами (прилагательными, существительными и др.). Чаще всего отыменные возвратные глаголы представляют собой основу имени, распространенную глагольным суффиксом совместно с частицей *-ся* (суффиксально-частичный способ образования). Эти глаголы нельзя назвать несопоставимыми, поскольку их значение представляется мотивированным в языке — они могут быть истолкованы через основу другого слова, хотя и принадлежащего к иной части речи, например: *банкротиться* (банкрот), *колоситься* (колос), *петушиться* (петух), *толпиться* (толпа), *резвиться* (резвый), *скупиться* (скупой), *храбриться* (храбрый), *виднеться* (видный) и т. п.

Из глагольных суффиксов чаще всего используется суффикс *-и-,* и возвратные глаголы попадают в IV продуктивный класс глаголов: *божиться, гордиться, котиться, куститься, лениться, невеститься, пузыриться, пыжиться, сторониться, сутулиться, теплиться, туманиться, церемониться, чиниться* («церемониться»), *щетиниться* и др. Реже используются другие глагольные суффиксы: *-а-*: *нуждаться, чуждаться, чокаться, -е-*: *виднеться*; *-ова-*: *красоваться, руководствоваться*; *-изирова-*: *климатизироваться* и др.

Далеко не всегда можно установить относительно таких глаголов, были ли они на самом деле образованы непосредственно от имен или сопоставляются с именами только в результате нарушения былых соотношений, в результате утраты производящего невозвратного (в свою очередь отыменного) глагола. Многие из гла-

---

[24] Опыт сравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением императорской Академии Наук, изд. 3-е. СПб., 1854, стр. 94.

голов, сопоставимых в настоящее время с именами, в свое время были произведены от глаголов, которые позже вышли из употребления, как например: *брататься, слезиться, лениться* и др.[25]

Об этом свидетельствует и то, что в современном языке встречаются такие возвратные глаголы, у которых соответствующие невозвратные (отыменные) глаголы употребляются столь редко, что возвратный глагол сопоставляется непосредственно с наличным в языке и более широко употребляющимся именем.

Так, например, к отыменным относят глагол *куражиться*[26]. Соответствующего невозвратного глагола *куражить* нет в современных толковых словарях. Тем не менее в художественной литературе XIX в. глагол *куражить* встречается, например:

«Я для куражу хочу выпить. Разговаривать с вами хочу, а смелости не хватает... Да нет, погодите, еще не подействовало, что-то не *куражит*... Так я еще стаканчик пропущу» (А. Н. Островский. Сердце не камень).

Слово *ежиться* также сопоставляют непосредственно со словом *еж*[27], хотя слово *ежить* встречается не только в произведениях дореволюционных писателей, но и у писателей современных. В академическом «Словаре современного русского языка» это слово приводится и иллюстрируется примерами из произведений И. С. Тургенева, Д. Н. Мамина-Сибиряка и М. А. Шолохова.

То же самое можно сказать и о глаголе *суетиться*, который непосредственно сопоставляется с существительным *суета*, хотя в произведениях художественной литературы можно встретить не зарегистрированный современными толковыми словарями глагол *суетить*:

«Вот начались маневры. Большой двухсторонний бой. Полковник Шульгевич не понимает диспозиции, путается, *суетит* людей и сам *суетится*, — ему уже делал два раза замечание через ординарцев командир корпуса» (А. И. Куприн. Поединок).

Сравните также *христосоваться*:

«И не старь-старину ли неотесанную Ты пудовою балкой *христосуешь*?» (Н. Асеев. Разговор с Москвой).

И тем не менее самый факт образования возвратных глаголов непосредственно от имен признается и доказывается исследователями:

«Большое число возвратных глаголов, соотносительных в современном языке с именами, исторически произведено непосредственно от этих имен с помощью суффикса *-ся* и соответствующих глагольных суффиксов (*гнездо — гнездиться, студень — студе-*

---

[25] А. В. Знаменская. Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 12.

[26] См. В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 638.

[27] См. Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. — «Труды Института русского языка», т. I. М.—Л., 1949, стр. 183.

ниться, икра — икриться, охота — охотиться (заниматься охотою), *церемония — церемониться*). Невозвратные формы к этим и многим другим глаголам... не отмечены нами ни в одном из словарей русского языка. При этом ряд глаголов, будучи впервые зафиксирован в XIX в., приводится соответствующими словарями в одной возвратной форме» [28].

При изучении современных соотношений в области возвратных глаголов отыменными возвратными глаголами следует считать не только те глаголы, которые исторически образовались от различных именных основ, но все те глаголы, которые в настоящее время по своему лексическому значению сопоставляются с именами, выводятся из них.

Большое количество неологизмов этого образца, а также факты словотворчества отдельных писателей свидетельствуют о том, что данный способ для производства возвратных глаголов является живым и весьма продуктивным, например:

«А ночь по комнате *тинится* и *тинится*, — из тины не вытянуться отяжелевшему глазу» (В. Маяковский. Облако в штанах).

«Справа *дубравились* угольники и овалы чернолесья» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Щели как ни *тусклятся*, разожмем челюскинцам льдины пасть. Под волною шарящей не дадим товарищам пропасть» (Н. Асеев. Песня о челюскинцах).

«Марь зеленая на поляне, травы *лепестятся* непонятно. Зверь пыхтит в травах» (Вс. Иванов. Глухие маки).

«Я мог бы! ... мертвые глаза *Стеклянятся* в прорезах узких, И ни усмешка, ни слеза Не оживит их отблеск тусклый» (М. Кузмин. Новый Гуль).

«Каменоломни радужными террасами *ступенились* вниз, в ущелья» (Ф. Гладков. Цемент).

«А далеко-далеко чуть уловимо выточенной льдиной *миражится* Казбек» (П. Яровой. В горном блеске, сб. «Повесть о человеке»).

«Тонули дни в пороховом дыму. Пухло все тело от больших переходов, *мозолились* от ружейных затворов руки, болела голова от бессонных ночей, но сердце так же радостно билось» (А. Ягунов. Записки старого комсомольца).

«Ее глаза блестят, нос задорно *курносится*» (Б. Анибал. Время, дела и люди).

«Вдали ласково *шершавились* драные сосновые перелески, меж них и среди пеньков, точно вылупившиеся цыплята, желтели новые домики дачного поселка» (С. Юрин. Любовь и коммуна).

«Прохладные сумерки *густятся* над городом» (М. Кольцов. Вместилище спокойствия).

---

[28] А. В. Знаменская. Словообразовательное значение суффикса -ся, стр. 12.

«В руках у мальчиков *хрусталятся*, как брошки женские, рачки» (Е. Евтушенко. Работа давняя кончается, сб. «Обещание»).

«Ты помнишь, как война *июнясь*, Вломилась в дом, умчала юность?» (С. Сорин. О времени и о себе, «Юность», 1960, № 1).

«Лисицы стали *ноpиться*» (В. Барков. Признаки весны. «Советская Россия», 1.III.1960).

«Таль победил Толуша, а Спасский *реваншировался* за своего учителя, выиграв у Таля» («Шахматная Москва», 1959, № 24 от 26.XII).

Суффиксально-частичный способ используется также и для образования возвратных глаголов от заимствованных основ, например: *ретир-овать-ся* (от франц. *retirer* — «отступать»).

Все отыменные возвратные глаголы, образованные суффиксально-частичным способом, принадлежат к несовершенному виду, но от них с помощью префиксов широко образуются глаголы совершенного вида, например: *гордиться — возгордиться, колоситься — заколоситься, петушиться — распетушиться, резвиться — порезвиться, сторониться — посторониться, толпиться — столпиться, храбриться — расхрабриться* и др.

Некоторые возвратные глаголы находятся в более сложных отношениях с другими словами в языке, выступая, с одной стороны, как глаголы со связанной основой, а с другой стороны, сопоставляясь с именами, например: *близиться* (приблизить, близь, близкий), *выситься* (повысить, *высь, высокий*), *двоиться* (удвоить, двое), *заботиться* (озаботить, забота), *лучиться* (облучить, луч), *нуждаться* (понуждать, нужда), *силиться* (усилить, сила), *совеститься* (усовестить, совесть), *трудиться* (натрудить, труд), *упрямиться* (переупрямить, упрямый), *чуждаться* (отчуждать, чуждый), *ширuться* (расширить, ширь, широкий) и др.

Отыменный возвратный глагол может быть образован с одновременным присоединением префикса (п р е ф и к с а л ь н о - с у ф ф и к с а л ь н о - ч а с т и ч н ы й способ образования), например: *о-прост-ить-ся, о-стебел-ить-ся, про-худ-ить-ся, у-досуж-ить-ся, от-почк-овать-ся* и под.

«— Ужасно, голубчики! — говорил он мне по секрету, в отчаянии взмахивая руками. — Оказывается, что наша ingénue осталась играть еще и в водевиле. *Опсихопатилась* до мозга костей!» (А. П. Чехов. Хорошие люди).

«Стало немного пасмурно; небо *ожемчужилось* сплошным облачным налетом; воздух был тих, чист и влажен» (Ф. Сологуб. Заклинательница змей).

«Инженер *измефистофелился*, насколько это можно было сделать на ресторанном балконе» (там же).

«Шубников мгновенно *размефистофелился*, обозлился совсем по-обывательски, и чуть было не обругал клерка желтогубым идиотом» (там же).

И в этих образованиях используются те же глагольные суф-

фиксы, в основном суффикс *-и-*, и самые разнообразные префиксы. Хотя и не столь продуктивный, как суффиксально-частичный, способ этот все же широко используется в новообразованиях, особенно индивидуальных и эмоциональных.

«На буксире — бормашина и зубной врач, лейтенант медицинской службы, женщина. Она *оморячивалась* впервые» («Литературная газета», 26.V.1955).

«Я бывший солдат русского экспедиционного корпуса. Попал сюда в 1916 году и вот теперь живу здесь, так сказать, *опарижился*» (Б. Полевой. Американские дневники).

«Старый местный падеж, употреблявшийся без предлога, неизбежно *опредложивается*» (Л. П. Якубинский. История древнерусского языка).

«Но с твоей стороны это превышение власти. Ты определенно *закомиссарился*, и ты за это ответишь» (А. Фадеев. Рождение Амгуньского полка).

«Если над морем *затучатся* тучи,— Волны темнеют, играют над кручей» (М. Годенко. Людское счастье, «Октябрь», 1958, № 9).

«Воронин. Опят немец. Лыков, *Разнахалились*! Ударить бы из счетверенного!» (С. Смирнов. Крепость над Бугом, «Знамя», 1955, № 9).

«Тучи обтаяли, ярко и широко *расположводились* между ними просинки» (В. Ревунов. В грозный час).

«Может быть, в самом деле сорвался бы вниз, если бы рука впереди лезущего человека не *вклещилась* ему в локоть» (А. Малышкин. Севастополь).

«Я ехал сперва на буферах... *Вштопорился*, вкрутился в вагон, влез» (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие).

«При нагреве до восьмисот градусов железо, будучи окружено веществом, содержащим углерод, воспринимает его и таким образом *науглероживается*» (А. Кондаков. Записки фабзайца).

«Сын Умкатолена *обессобачился*: то в жертву принесет духам, то шаманам отдаст» (Т. Семушкин. Алитет уходит в горы).

«— Постарайтесь же напоследок, не оконфузьте перед дивизией меня, старика,— Что *пристариваешься*? — хриплым, простуженным голосом гаркнул подходивший Малыгин. — Я, чать, постарше тебя и то за молодого схожу» (А. Гайдар. Школа).

Глагол *приземлиться* в настоящее время сопоставляется с глаголом *приземлить* как образованный частичным способом, но морфологический состав этого возвратного глагола настолько прозрачен и употребление его настолько шире, чем невозвратного, что по его образцу легко создаются новые возвратные глаголы префиксально-суффиксально-частичным способом с заменой корня *-земл-* другими соответствующими корнями. Обычно подобные новообразования носят полушутливый характер, например:

«Трудно передать мою радость, когда самолет приземлился,

вернее «*приледнился*», благополучно» (М. Водопьянов. Полярный летчик).

«Я *придеревился*, опустился на огромную березу» (Д. Медведев. Это было под Ровно).

«Легко приземляться или *приводняться* птицам с тяжелым телом, с небольшими крыльями» (Н. И. Тарасов. Море живет).

Слово *приводняться* употребляется довольно широко:

«Макеты последней ступени „тихоокеанских" ракет были специально приспособлены для возвращения на Землю. И они не сгорели в атмосфере, не разрушились, а благополучно *приводнились* в намеченном районе акватории» («Советская Россия», 3.II.1960).

«Приземлилась или, вернее, *приводнилась* новая баллистическая ракета» (Радио, 24.I.1960).

В сентябре 1959 года советская космическая ракета достигла поверхности Луны. На всех устах, а также на страницах газет и журналов запестрели слова *прилуниться* и *прилунение*. Однако следует заметить, что слово *прилуниться* встречалось и раньше в научно-фантастической литературе для детей, например:

«Звездолет к ракетодрому *прилунился* в семь утра» (В. Чухров. Полет на Луну, 1953).

Правда, тогда это слово производило впечатление не только необычности, но и некоторой шутливой нарочитости, как *придеревиться* у Д. Медведева, *приледниться* у М. Водопьянова и др. После широкого применения слова *прилуниться* образец этот еще более активизировался:

«Боги оставили Олимп, с космической скоростью мчались в Вильнюс... боги *приолимпивались*» (Н. Коновалов. Сошествие богов, фельетон, «Известия», 19.II.1959).

«Сириус» стоял на почве этой таинственной планеты не менее твердо и устойчиво, чем Александринская колонна в Ленинграде.— *Привенсрились*! — торжественно объявил Сергей. — Теперь будем терпеливо ждать появления венерозавров» (Л. Оношко. На оранжевой планете).

«Я не успел опомниться, как раздался треск рвущегося полотна. Меня сильно дернуло и ударило плечом о каменную стену трубы. Вот это «*притрубился*!» (Ю. Иванов. Небо — Земля, «Огонек», 1959, стр. 26).

Ср. также:

«Приказываю: Пора! Вперед!! И до Марса винт отмашет! *Отземлились*, подняли рупора» (В. Маяковский. Летающий пролетарий).

Среди глаголов этого способа образования изредка встречаются и образования от заимствованных глагольных основ типа: *про-ферпил-ить-ся* (от немецкого *verspielen* — «проиграть»).

Для выяснения собственного значения морфемы необходимо взять ее в максимально независимом положении, т. е. когда она

одна, самостоятельно, без сопровождения других словообразовательных аффиксов, образует слово, а в рассмотренных отыменных глаголах она образует глаголы совместно с суффиксами и префиксами, и потому собственное ее значение выяснить затруднительнее. Во всяком случае для начального выявления и установления собственного значения частицы *-ся* эта группа глаголов, так же как и предыдущие, не является показательной.

Для установления значения частицы *-ся* следует обратиться к таким возвратным глаголам, которые сопоставляются только с глаголами. Однако и сопоставимые с глаголами возвратные глаголы в словообразовательном отношении не представляют единства. По способу образования возвратные глаголы, сопоставимые с глаголами, делятся на две группы: глаголы, образованные присоединением одной частицы *-ся* к производящему (беспрефиксальному или префиксальному) глаголу (частичный способ образования), и глаголы, образованные путем одновременного присоединения к производящему глаголу частицы *-ся* и какого-либо префикса (префиксально-частичный способ образования), например: *раз-бежать-ся, за-играть-ся, до-сидеть-ся, выспать-ся, на-есть-ся, на-пить-ся, на-плакать-ся, в-думать-ся, с-бежать-ся, у-хитрить-ся* и др.

Эта многочисленная и продуктивная группа возвратных глаголов, при всем разнообразии используемых в ней префиксов и связанных с этим частных лексических значений, более компактна и единообразна по своему словообразовательному значению, чем все другие. Во-первых, все возвратные глаголы этого способа образования всегда личные и связаны по значению с высокой интенсивностью, насыщенностью, исчерпанностью и результативностью действия, которое в производящем глаголе лишено этого оттенка значения, например:

«Лишь бы люди научились думать, а до правды они *додумаются*» (М. Горький. Мои университеты).

«А отец и мать будут ждать его и никогда уже больше не *дождутся*» (А. С. Новиков-Прибой. Среди топи).

«Азинус же часто... ругался и лгал, выпрашивая кусок булки, яйцо или клок масла у своих товарищей. При таком характере он совершенно *изолгался*» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Сорок лет хожу, весь *исходился*, видно, память временами отшибать стало» (В. Г. Короленко. Соколинец).

«*Раздышались* цветы — и на темный карниз Передвинулись тени ликующих риз» (А. Блок. Запевающий сон, зацветающий цвет).

«Я глядел, как Вера ловила свой газовый шарф, сдуваемый ветром, глядел и не мог *наглядеться* на это лицо» (О. Форш. Одеты камнем).

Во-вторых, все глаголы этого типа образуются только от глаголов несовершенного вида (чаще переходных), а сами являются

глаголами совершенного вида. Следовательно, постоянное свойство любого префикса изменять несовершенный вид глагола в совершенный полностью проявляется и при совместном использовании префикса с частицей *-ся*. Однако по общему правилу с помощью суффиксов от этих возвратных глаголов могут быть образованы глаголы несовершенного вида, например:

«Ребенком будучи, когда высоко Звучал орган в старинной церкви нашей, Я слушал и *заслушивался*» (А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери).

«Наскучив беседою, все трое садились за карты и *засиживались* до поздней ночи, играя в дураки» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Что касается менее постоянного свойства русских префиксов — переводить основы непереходного значения в основы переходного значения, как например: *сидеть — отсидеть* (ногу), *спать — проспать* (завтрак), *стоять — отстоять* (город), *играть — выиграть* (партию) и т. п., — то в рассматриваемых глаголах оно нейтрализуется противоположным свойством частицы *-ся* — сообщать основам переходного значения непереходное. Поэтому все глаголы префиксально-частичного образования, как и все вообще возвратные глаголы, являются непереходными.

Общие черты всех возвратных глаголов данного способа образования создаются именно одновременным присоединением префикса и частицы *-ся*, причем новое значение создается, видимо, в большей степени префиксом, чем частицей *-ся*, ибо не только значение совершенного вида, но и значение интенсивности, насыщенности, исчерпанности действия может создаваться одним префиксом без частицы *-ся*, например: *исходить* (весь край), *накупить* (книг) и т. п.

Заметим попутно, что иногда могут возникать словообразовательные омонимы между возвратными глаголами, образованными путем префиксации возвратного глагола, и возвратными глаголами, образованными префиксально-частичным способом от невозвратных глаголов, например: *про-сморкаться* — «сморкаться в течение некоторого времени», как *про-любоваться*, и *про-сморкать-ся* — «сморкаясь, очистить как следует нос», как *про-чихать-ся*.

Этот способ образования возвратных глаголов весьма продуктивен и в наши дни:

«— Ишь, *расспорились*, — потирая руки, чуть улыбнулся наивно Терентий после одной из очередных схваток Федора с Андреевым» (Д. Фурманов. Чапаев).

«Пахло цветами. После дождей они вдруг *расцвелись* к осени в городских скверах, *разблагоухались*» (В. Кочетов. Журбины).

«Радуясь этому изобилию света, еще раз думаешь о том, как неузнаваемо похорошела и *рассиялась* за сорок исторических лет наша Москва» (Л. Кассиль. Свет Москвы, «Вечерняя Москва», 10.XI.1957).

«Петя, хорошо помнивший случай с бабушкиным вареньем, вел себя в отношении сладостей аккуратно. Зато Павлик не стеснялся. Он так *разъелся*, что его невозможно было остановить» (В. Катаев. Хуторок в степи).

Сравните в детской речи: «Мы, папа, здесь так *расстрога́лись*».

«Теперь и Ерошка увидел. Что за лодки в открытом море? Откуда они *сплылись*? Что за люди явились на чужие тони?» (Н. Богданов. Был Ерошка, сб. «Кряжонок»).

«Мы сквозь стены *состучались*, *сговорились*, перетянули на свою сторону парочку надзирателей и решили всей матросской силой разнести тюрьму и вырваться из нее» (Н. Ляшко. Соловей).

«Над цветущим картофелем всегда летают белые бабочки, как будто некоторые цветы довольно *нацвелись*, или захотелось полетать, и это теперь не бабочки, а цветки же летают над цветами картофеля» (М. М. Пришвин. Глаза земли).

«Вы хотели побеседовать с трактористами, работавшими на подорвавшихся тракторах. С одним из них вы, кажется, уже *набеседовались*» (Г. Николаева. Битва в пути).

«— Я на сегодня *отмастерился*, — заявил мастер, подходя к станку Голосова и вытирая тряпкой пропитанные маслом руки» («Вечерняя Москва», 5.I.1956).

«Самолеты летят сквозь тучи, Ходят по морю корабли, — Как до этих вещей могучих *Домечтаться* люди смогли?» (В. Шефнер. Техника).

«— Условились с Пушкаревым рисовать на животрепещущие темы ... Вот и *доживотрепетался* до виселицы!» (И. М. Майский. Перед бурей).

«Он *выхохотался*, вытер кончики глаз, помахал на себя носовым платочком и принял серьезный вид» (М. Шагинян. Приключение дамы из общества).

Возвратные глаголы, образованные при помощи одновременного присоединения префикса и частицы *-ся*, также не могут служить основой для изучения собственного значения частицы *-ся*, так как и в этом случае новое значение создается не одной частицей *-ся*, а частицей *-ся* совместно с другими словообразовательными морфемами.

Краткий обзор различных по способу и характеру производства возвратных глаголов приводит к выводу, что наиболее пригодными для выявления собственного словообразовательного значения частицы *-ся* являются прямо-сопоставимые возвратные глаголы, т. е. такие возвратные глаголы, которые выводятся по значению из соответствующих в звуковом и морфологическом отношении невозвратных глаголов и отличаются от последних только наличием частицы *-ся* (частичный способ образования), как например: *белеться* (белеть), *держаться* (держать), *житься* (жить), *знакомиться* (знакомить), *мириться* (мирить), *мыться* (мыть), *нестись* (нести), *отделиться* (отделить), *разбиться* (раз-

бить), *расписаться* (расписать), *решиться* (решить), *стучаться* (стучать), *торопиться* (торопить), *читаться* (читать), *шептаться* (шептать) и т. д.

У многих исследователей находим замечания о том, что образование возвратных глаголов возможно от всех или почти от всех невозвратных глаголов. В наиболее категорической форме высказал эту мысль Н. П. Некрасов, который утверждал, что «каждый русский глагол может быть употреблен в своей прямой первоначальной форме на *-ть* и в форме обратной, или возвратной на *-ть-ся*»[29].

А. А. Шахматов полагал, что далеко не все невозвратные глаголы могут присоединять частицу *-ся* и приводил в качестве примеров следующие глаголы, от которых возвратные не образуются: *идти, долженствовать, телеграфировать, возненавидеть, вознегодовать*[30]. Это замечание А. А. Шахматова вызвало возражение со стороны С. О. Карцевского, который считал, что А. А. Шахматов «забывает безличные обороты: *мне не шлось, не телеграфировалось* и т. д.» и что «Некрасов совершенно основательно утверждает, что все русские глаголы могут принимать возвратную форму»[31].

Тем не менее, пусть А. А. Шахматов привел и не вполне удачные примеры, но по существу вопроса прав он, а не Н. П. Некрасов и вслед за ним С. О. Карцевский, так как имеются глаголы, хотя, может быть, и не в столь большом количестве, от которых возвратные глаголы в современном русском языке не образуются. Так, например, не образуются безличные глаголы от таких непереходных невозвратных глаголов, как: *быть, изобиловать, кипеть, капать, греметь, глупеть, умнеть, принадлежать, участвовать, осатанеть, осточертеть, надоесть, поседеть, одуреть, свирепеть, толстеть, облезть, покраснеть, течь* и т. п. Думаю, что невозможны безличные глаголы и от приводимых А. А. Шахматовым глаголов: *долженствовать, возненавидеть, вознегодовать*. Можно указать и переходные глаголы, от которых нет в современном языке соответствующих возвратных, например: *ждать, провожать, умолять, упрекать, растить, уронить, победить, усадить, ранить, превосходить, ревновать, благодарить* и др.

Возможность образования возвратных глаголов от невозвратных, переходных и непереходных, во многом ограничивается свойствами производящего глагола: особенностями его лексического значения и морфологической структуры, а также характером его управления. Высказывания Н. П. Некрасова и других исследователей русского глагола об универсальности образований с *-ся*

---

[29] Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 82.

[30] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 190; см. также С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 59.

[31] S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 89.

можно принять только как указание на потенциальную возможность, на высокую продуктивность в языке на протяжении веков данного типа словопроизводства, а не как утверждение непременного наличия их в современном литературном языке. Об этом свидетельствуют и примеры Н. П. Некрасова, извлекаемые им из древнерусских памятников и из фольклора.

«Почти все наши глаголы, если не в нынешнем и не в литературно-письменных языках, то в языке славяно-церковном и в памятниках устной народной поэзии, способны принимать на конце *-ся*»[32].

В системе языка всегда имеются такие продуктивные образцы словообразования, которые широко возможны почти от каждой соответствующей основы, и которые как бы живут потенциально около этих производящих основ, не будучи засвидетельствованы и словарно зафиксированы в каждом отдельном случае, как например, уменьшительные образования от существительных и прилагательных, в значительной степени парные женские образования к существительным мужского рода, называющим лиц по профессии, некоторые образцы отглагольных существительных и другие регулярные образования.

* * *

Частица *-ся*, как известно, обязана своим происхождением форме винительного (может быть, частично и дательного) падежа возвратного местоимения, однако возвратные глаголы современного русского языка, даже если мы будем говорить только о сопоставимых, никогда полностью не равняются по значению производящему невозвратному глаголу + возвратное местоимение *себя* (*себе*), например: *сердиться* ≠ *сердить себя*, *проиграться* ≠ *проиграть себя*, *разориться* ≠ *разорить себя*, *видеться* ≠ *видеть себя*, *чувствоваться* ≠ *чувствовать себя* и т. п.

Очень часто, может быть, в большинстве возвратных глаголов древнейшего образования, семантические отношения между производящими и производными глаголами были в момент образования возвратных глаголов иными по сравнению с тем, какими они представляются нам в настоящее время. Об этом явственно свидетельствуют возвратные глаголы, утратившие (в силу ли изменения лексического значения и грамматических особенностей производящего глагола, в силу ли изменения лексического значения и грамматических особенностей возвратного глагола, или же в силу постепенного изменения значения и грамматических особенностей самой частицы *-ся*) в той или иной степени грамматическую и лексическую сопоставимость. Если бы, углубляясь в частные истории

---

[32] В. Классовский. Нерешенные вопросы в грамматике. СПб., 1870, стр. 67—68.

отдельных глаголов, мы попытались установить, каковы были эти отношения в прошлом, то, во-первых, это только отчасти осветило бы нам картину былых соотношений, так как засвидетельствованное памятниками положение уже не является первичным ни для образования возвратных глаголов, ни для значения возвратного местоимения *ся*, а во-вторых, это не приблизило бы нас ни в какой мере к разрешению наиболее существенного вопроса о соотношении возвратных и невозвратных глаголов в современном русском языке, а также вопроса о частице *-ся* как средстве образования новых глаголов. При такой основной задаче исследования обращение к истории возникновения возвратных глаголов в русском языке никакого положительного результата дать не может, так как былые взаимоотношения возвратных и невозвратных глаголов могут лишь помешать уяснению современных отношений. Известно немало случаев, когда, опираясь на историческое происхождение частицы *-ся*, исследователи невольно или вольно подгоняли значение частицы *-ся* в современных возвратных глаголах под значение возвратного местоименяи *себя*, искали и находили эту близость между частицей *-ся* и местоимением *себя* там, где ее теперь нет.

Так, например, И. И. Давыдов, исходя из древнейшего значения частицы *-ся*, пытался показать, как из собственно-возвратного значения, являющегося как бы первичным, возникало значение среднее и даже страдательное [33].

Вопрос о возникновении различных значений возвратного глагола в связи с первоначальным значением и функциями *-ся* интересовал и К. С. Аксакова. Он довольно искусно и пространно выводит из прямо возвратного значения значение среднее, страдательное, взаимное, значение свойства, пытаясь *-ся* любого возвратного глагола свести прямо или косвенно к значению винительного падежа *себя* и даже намекая на то, что прежде могло быть беспредложное *ся* там, где теперь возможно только *себя* с предлогом [34].

Даже в более позднее время можно встретить такие попытки уловить смысловую зависимость между различными значениями возвратных глаголов и объяснить переход из одного значения в другое [35].

Однако все рассуждения по этому вопросу носят во многом чисто умозрительный характер и относятся к предположениям насчет того, как могло быть некогда в языке, а не являются выводами из фактического материала, который мог бы показать, как на самом деле развивались и дифференцировались значения возвратных глаголов в русском языке.

---

[33] Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением императорской академии наук, изд. 3-е. СПб., 1854, стр. 77.

[34] К. С. Аксаков. Сочинения филологические, ч. I, стр. 548—554.

[35] Б. Гвоздиков. Опыт классификации залогов русского глагола. — «Русский филологический вестник», т. 51, 1904, стр. 185.

Для того, чтобы понять в чем специфика словообразования при помощи частицы *-ся* в современном русском языке, следует прежде всего выяснить, какие именно соотношения возвратных и невозвратных глаголов характерны для современного языка, а уже вслед за этим можно установить, какие из этих соотношений повторяются в новообразованиях, в индивидуальном и поэтическом словотворчестве, т. е. являются не только живыми, но и продуктивными для современного состояния русского литературного языка.

Несомненно, что в настоящее время частица *-ся*, как было сказано, не равняется по значению возвратному местоимению *себя*. Более того, в отдельных случаях она полностью теряет не только свое первоначальное значение возвратного местоимения, но и вообще теряет свое собственное значение словообразовательного элемента. Об этом косвенно свидетельствует и возможность сведения в видовую пару глаголов возвратных с глаголами невозвратными, например: *стать — становиться, лечь — ложиться, сесть — садиться, лопнуть — лопаться*. Между прочим, это свидетельствует также и о том, что в глаголах типа: *ложиться, садиться* и т. п. субъект действия не является ни в коем случае объектом действия, как то утверждают некоторые исследователи.

Довольно часто можно встретить утверждение о том, что *-ся = себя* только в одном разряде возвратных глаголов, выделяемом именно на основании этого равенства, например: *покрываться — покрывать себя*[36].

Действительно, среди возвратных глаголов имеется небольшое количество таких, которые синонимичны невозвратному глаголу с дополнением *себя*, например: *защищаться — защищать себя*, но только синонимичны, полной же равнозначности, как правило, не бывает[37].

Первоначальное значение *-ся* и установившаяся традиция привели к тому, что большинством ученых значение частицы *-ся* и возвратных глаголов в современном русском языке связывается с учением о залогах русского глагола.

---

[36] См., например: М. А. Тростников. Определение залогов, стр. 3; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, 1952, стр. 175; Грамматика русского языка, т. I, стр. 418—419.

[37] Об этом разряде возвратных глаголов и о синонимичности их с невозвратными глагалами + *себя* подробнее см. в IV главе. Заметим, между прочим, что хотя *-ся* никогда не равняется *себя*, последнее может иногда равняться *-ся*: ср. глагол *вести себя* (в значении «проявлять себя в своих поступках»), который имеет цельное значение и функционирует как одна лексема; *себя* в данном случае не является отдельным самостоятельным словом, не может выступать как член предложения и, хотя и не сливается с глаголом так тесно, как *-ся*, но по значению и функции в слове — это *себя* весьма сходно с *-ся*. Ср. «Вы *повели себя* исправно: давно полковники, а служите недавно» (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Ср. также украинское *поводитися* и русское *поведение*, а также *чувствовать себя*.

Известно, что единства мнений в вопросе о залогах русского глагола не было и нет. Не говоря уже о том, что некоторые ученые (как, например, Н. П. Некрасов, В. И. Даль, в наше время — В. Н. Сидоров и др.) отрицают самое наличие залогов в русской глагольной системе, нет единства в понимании залога и среди тех исследователей, которые считают правомерной постановку проблемы залогов в русском глаголе. Понятие залога трактуется настолько различно, что одни ученые относят залоги к лексике, другие — к грамматике, третьи — к словообразованию, четвертые — к области синтаксиса.

Нет единодушия и в отборе языкового материала, подлежащего изучению при решении проблемы залогов. Так, если большинство ученых XIX века, при всем несходстве отдельных залоговых классификаций, включало в категорию залога все глаголы вообще, то ученые XX века и в этом отношении расходятся между собой. Одни из них (как, например, Б. Гвоздиков, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, в наше время — Б. Н. Головин), следуя в этом отношении традиции или находя новые основания для такого объединения всех глаголов, включают в категорию залога все возвратные глаголы без исключения; другие ученые (как, например, А. Б. Шапиро, частично В. В. Виноградов) — все сопоставимые возвратные глаголы; третьи (как, например, Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон, Л. А. Булаховский, И. П. Мучник, Е. С. Истрина, П. С. Кузнецов и др.) — возвратные глаголы, сопоставимые только с переходными невозвратными глаголами, и, наконец, четвертые (С. О. Карцевский, отчасти В. В. Виноградов) — возвратные глаголы только страдательного значения. При этом большинство исследователей при изучении залогов присоединяет к спрягаемым формам возвратных глаголов формы причастий, а некоторые ученые — и краткие прилагательные (например, А. Х. Востоков), или словосочетания глагола с возвратным местоимением *себя* (например, Ф. И. Буслаев, А. Маргулиес), и даже личные формы 3-го лица множественного числа невозвратных глаголов в неопределенно-личном значении (например, В. А. Богородицкий). Можно смело утверждать, что нельзя указать двух ученых, которые, трактуя проблему залогов русского глагола, сошлись бы во мнениях относительно классификации залогов русского глагола и границ привлекаемого к классификации материала. Это несогласие весьма показательно и косвенным образом свидетельствует о том, что возвратные глаголы — это формы словообразования. Мы не берем на себя смелости разрешить все спорные вопросы, связанные с проблемой залогов в русском языке, но заметим, что понимание возвратных глаголов как отдельных самостоятельных слов исключает возможность толкования их как залоговых форм глагола в ряду других словоизменительных форм.

В связи с тем, что почти никто из русских ученых не ставил специально вопроса о возвратных глаголах, а возвратные глаголы только привлекались в большем или меньшем объеме к изучению проблемы залогов в русском языке, определения общего значения частицы *-ся*, как правило, основывалось только на части возвратных глаголов, преимущественно на возвратных глаголах, сопоставимых с невозвратными переходными глаголами. Возвратным же глаголам других групп либо не уделялось внимания совсем, либо давались отдельные, частные определения.

Наиболее полные общие определения значения возвратных глаголов и частицы *-ся*, даваемые при изучении залогов, находим у последователей Ф. Ф. Фортунатова — В. К. Поржезинского и А. М. Пешковского. В. К. Поржезинский, правда, на материале не русского, а литовского и латышского языков, приходит к следующему выводу: «Общее значение формы возвратного залога (значит, за исключением тех глаголов, которые имеют возвратную форму, но не имеют значения залога) и в литовском и в латышском языке 1) то, что признак, обозначаемый глагольною основою, при посредстве возвратной формы становится непереходным, и 2) то, что субъект признака, обозначаемого глагольною основою, имеет к нему еще другое отношение помимо обычного, существующего между признаком и субъектом этого признака. Те глаголы, которые не имеют формы залога, но имеют возвратную форму, однородны с глаголами с формою возвратного залога в том отношении, что ими обозначаются признаки непереходные» [38].

Из данной очень четкой формулировки видно, что все определение строится с учетом только личных возвратных глаголов, поскольку в нем говорится об отношении признака к субъекту, и сопоставимых только с переходными глаголами, поскольку говорится об изменении признака переходного в признак непереходный. При этом в качестве добавления указывается на непереходность как на общее свойство всех возвратных глаголов.

А. М. Пешковский рассматривает возвратные глаголы, сопоставимые с непереходными глаголами, в одном ряду с теми возвратными глаголами, которые сопоставляются с переходными глаголами, поэтому его определение базируется на более широком круге возвратных глаголов:

«...общее значение категории залога можно определить как особое отношение глагольного признака к его субъекту помимо того отношения, которое выражено в самой категории глагольности» [39].

Все же определение, данное А. М. Пешковским, не является универсальным определением значения частицы *-ся*, так как без-

---

[38] В. К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, стр. 98.

[39] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 122.

личные возвратные глаголы, даже сопоставимые, здесь не учитываются: речь все время идет о субъекте данного действия. К тому же, основываясь в своем определении на всех личных сопоставимых возвратных глаголах, А. М. Пешковский естественно не может говорить об изменении переходного значения в непереходное, и тем самым вообще опускает такую характерную для возвратных глаголов черту, как непереходность. Необходимо отметить, что и В. К. Поржезинский, и А. М. Пешковский, говоря о субъекте действия, имеют в виду только грамматический субъект, выраженный подлежащим или формой глагола. Иначе применяет этот термин А. А. Шахматов в своем определении общего значения частицы *-ся*: называя возвратное местоимение «названием субъекта» [40], он имеет в виду не грамматический субъект и не психологический субъект, а реального производителя того или иного действия, поскольку *себя* может указывать не только на подлежащее, но и на второстепенный член предложения. Возвратное местоимение никогда не выступает в функции грамматического субъекта, с чем связано и отсутствие у него формы именительного падежа. Оно может выступать только в функции грамматического объекта при реальном совпадении производителя действия и предмета воздействия. Кроме того, не утверждая этого прямо, А. А. Шахматов, видимо, считает действие, выраженное невозвратным глаголом, и действие, выраженное возвратным глаголом, одним и тем же действием, и в связи с этим различие в значении возвратного и соответствующего невозвратного глагола видит в различном отношении этого действия к реальному производителю его.

Исключительно интересные мысли о роли и значении частицы *-ся* в русском глаголе были высказаны в свое время Н. П. Некрасовым, отрицавшим, как известно, наличие залогов в русском языке: «Общий смысл соединения *ся* с глаголами в русском языке состоит в том, что оно (т. е. возвратное местоимение *ся*) относится не столько к лицу, или вообще предмету действующему, сколько к самому действию, и определяет преимущественно не отношение действия к предмету, а самое значение действия, придавая ему смысл самостоятельного проявления» [41].

«По нашему мнению, — писал также Н. П. Некрасов, — глагол имеет возвратное значение по отношению к тому действию, которое им выражается, а не по отношению действия к лицу или предмету действующему. Мы доказали, что глагол, принимая возвратную форму *ся*, стремится к выражению самостоятельности действия, или, употребляя грамматический термин, — к ограничению своего переходного значения. Через форму *ся* русский глагол выражает действие, сосредоточивающееся само в себе, ограничи-

---

[40] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, Л., 1941, стр. 476.

[41] Н. Некрасов. О значении форм русского глагола, стр. 76.

вающееся самим собою — и в этом только смысле мы называем глаголы на *ся* — возвратными»[42].

Эти высказывания Н. П. Некрасова о том, что частица *-ся* не столько ставит действие в какое-то особое положение по отношению к субъекту этого действия, сколько видоизменяет самое значение этого действия, кажутся мне заслуживающими самого серьезного внимания, и можно только пожалеть, что дальнейшее изучение значения возвратности в русском языке пошло по другому пути и почти не затрагивало тех основных положений, которые развивал Н. П. Некрасов.

Чаще встречаются в литературе определения значения частицы *-ся* только в тех возвратных глаголах, которые сопоставляются с переходными глаголами. Так, Ф. Ф. Фортунатов писал: «Общее значение формы на *-ся*, образуемой от переходных глаголов, состоит в том, что она изменяет значение переходного признака (действие в его переходности) в значение признака непереходного, т. е. такого, который заключает в себе отношение только к предмету мысли, являющемуся субъектом этого признака»[43].

В наши дни с непереходностью возвратных глаголов связывают наиболее общее значение возвратности, например:

«В русском языке два залога — непереходный (называют его также возвратным), с формальной принадлежностью *-ся*, и переходный (его называют и невозвратным), с отрицательной формальной принадлежностью (отсутствие *-ся*)»[44].

Таким образом, связывая значение частицы *-ся* с категорией залога или не связывая, исследователи, как правило, отмечают непереходность возвратных глаголов как наиболее характерную черту всех возвратных глаголов.

Однако имеются и иные высказывания, например: «К переходным принадлежат также возвратные и взаимные глаголы, в которых *-ся* является сокращением *себя*»[45].

Употребляя термин «субъект» и «объект» не только в грамматическом значении, но и в значении реального производителя действия и реального предмета воздействия, А. А. Шахматов также отказывает части возвратных глаголов в «безобъектности»: «Относительно залогов замечу следующее. Формы на *-ся* во всех

---

[42] Там же, стр. 82—83.

[43] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4, 1899, стр. 1155. То же самое находим и у А. А. Шахматова в «Очерке современного русского литературного языка», стр. 494.

[44] М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку. Пособие для студентов пединститутов. М., 1941, стр. 81. Минуя учение о залогах, сходную по существу характеристику общего значения возвратных глаголов дает и В. Н. Сидоров, см. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 161.

[45] A. Garbelle. Das russische Zeitworte. Берлин—СПб.—М., 1901, стр. III.

случаях, кроме собственно-возвратного залога (*я моюсь*), указывают на безобъективность глагола»[46].

Однако такие высказывания, основывающиеся на своеобразном понимании терминов «объект» и «переходность глагола», встречаются крайне редко, обычно же указывают на непереходность как на наиболее общее свойство всех возвратных глаголов.

В самом деле, если перед нами глагол с частицей *-ся*, то что можем мы сказать о нем, не зная, какова остальная часть его основы, т. е. сосредоточив все свое внимание только на свойствах и особенностях частицы *-ся*? Только то, что это непереходный глагол. Поэтому значение непереходности следует считать наиболее общим значением частицы *-ся* и возвратного глагола, независимо от характера основы производящего невозвратного глагола.

Не иначе как недосмотром, ошибкой В. И. Даля является следующее его замечание: «И безличные глаголы: *меня тошнило, тебя вырвало*, правят винит. падежом, как даже и некоторые общие глаголы на *-ся*: *я тебя не боюсь*; он *тебя хватился*; *не спохватясь ума* делаешь; *держаться, допроситься, дознаться, дозваться, докликаться, докричаться, доискаться, дощупаться*; также *меня гадит, тошнит*; он *отвергся меня* и множество других»[47]. Дополнения при возвратных глаголах в этих примерах все без исключения стоят в родительном падеже.

Правда, имеются два возвратных глагола: несопоставимый глагол *бояться* и сопоставимый с переходным глаголом *слушаться* (а также производные от них), которые в просторечии иногда употребляются с винительным падежом прямого дополнения[48].

«И мне было приятно, что все *слушаются Парушу*, что она жалеет и любит мать» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Вера Филипповна. Разве я могла не послушаться маменьки, не утешить ее! Аполлинария Панфиловна. *Послушались маменьку* и полюбили богатого старичка» (А. Н. Островский. Сердце не камень).

«(Вася)... *Боюсь... тятеньку* до смерти... [и через несколько реплик] ... а *я тятеньки боюсь*» (А. Н. Островский. Не так живи, как хочется).

Указанное частное отступление устной речи, касающееся нескольких возвратных глаголов, хотя и может иметь свои причины

---

[46] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 476. Ср. также в диссертации: А. А. Кудрявцев. О категории залога и о залогах в русском языке. М., 1946, стр. 59.

[47] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, Предисловие. М., 1955, стр. XXVI—XXVII.

[48] См. Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 174; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 623. Нормативные толковые словари, а также академический «Словарь современного русского литературного языка» (последний пока только для глагола *бояться*) указывают при этих глаголах управление только родительным падежом.

и основания существования, но не опровергает отмечаемой всеми общей закономерности — непереходности возвратных глаголов.

Таким образом, основным и наиболее общим значением возвратных глаголов является непереходность. Что же касается невозвратных глаголов, то они могут быть как переходными, так и непереходными. В данном случае вполне оправдывается наблюдение Р. О. Якобсона над общими значениями коррелятивных категорий: «Если категория I указывает на наличие А, то категория II не указывает на наличие А, т. е. она не говорит о том, присутствует ли А или нет. Общее значение категории II по сравнению с категорией I ограничивается отсутствием «сигнализации А» [49].

И дальше, в применении уже к данному конкретному случаю, к возвратным и невозвратным глаголам, Р. О. Якобсон пишет: «Всеобщее залоговое отношение: формы, указывающие на непереходность действия (обладатели признака) — формы без такого указания, т. е. «activa» в широком смысле этого слова. Понимание «activa» как категории, лишенной признака, дано, собственно, уже у Фортунатова» [50].

На это соотношение между возвратными и невозвратными глаголами указывают и многие советские ученые: «Противопоставлению возвратных и невозвратных глаголов друг другу, как глаголов с выраженной и невыраженной непереходностью, соответствуют чисто внешние формальные признаки» [51].

Указывается в литературе и на то, что возвратные глаголы весьма различны по своим значениям, причем это различие значений связывается по преимуществу с многозначностью частицы *-ся*. Особенно часто указывают на различие в значениях возвратных глаголов, сопоставимых с переходными глаголами [52].

«Глаголы переходного залога, переходя в результате присоединения *-ся* в непереходный залог, могут при этом приобретать и некоторые дополнительные значения, варьирующие основное

[49] R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. — «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et circuli linguistici pragensis sodalibus oblata». Praga, 1932, стр. 74.

[50] Там же, стр. 77. Что же касается второго, дальнейшего соотношения, намечаемого Р. О. Якобсоном для возвратных глаголов, противопоставления страдательного причастия от переходного глагола причастию действительному от возвратного глагола, то оно неправомерно, произвольно, ничего не разъясняет и не доказывает, кроме того, что могут быть страдательные причастия от переходных глаголов, которые синонимичны действительным причастиям от возвратных глаголов страдательного значения, как например: *продаваемый — продающийся, предполагаемый — предполагающийся* и т. п. (ср. такую же синонимичность страдательных причастий с действительными причастиями от возвратных глаголов нестрадательного значения: *терзаемый* сомнениями — *терзающийся* сомнениями, *погруженный* в думу — *погрузившийся* в думу и т. п.).

[51] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 162; см. также Современный русский язык. Морфология, стр. 339.

[52] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 164; Грамматика русского языка, т. I, стр. 417.

значение непереходности признака и представляющие собою частные виды этого основного значения»[53].

Некоторые исследователи указывают на характер лексического значения производящих глаголов как на причину различия значений возвратных глаголов. Ф. Ф. Фортунатов, не давая общего указания на роль лексического значения производящих глаголов в формировании значения производных возвратных глаголов, останавливается на лексическом значении некоторых разрядов переходных глаголов, от которых образуются возвратные глаголы, например: «Значение возвратное, и притом прямое возвратное, от глаголов, обозначающих действие на внешнюю сторону объектов», или «Значение изменения, происходящего в состоянии самого субъекта признака, от глаголов, обозначающих в невозвратной форме действия, производящие изменения в состоянии объектов»[54].

На различия в значении производящих основ в качестве основного фактора, создающего различия в значениях возвратных глаголов, ссылается М. Н. Петерсон, но не раскрывает более подробно своего положения: «Глаголы непереходного залога, в зависимости от значения основной части, имеют различные оттенки значения (иначе говоря, различные функции)»[55].

О значении производящих основ говорит В. В. Виноградов: «Значения и оттенки аффикса *-ся* зависят от лексических значений тех глагольных основ, к которым этот аффикс присоединяется. Общая функция *-ся* — устранение переходности глагола или усиление его непереходности — осложняется разнообразными оттенками соответственно лексической природе тех или иных разрядов глаголов, соответственно их семантической дифференциации»[56].

Кроме лексического значения производящей основы, В. В. Виноградов указывает еще на некоторые небезразличные к значению возвратного глагола моменты: «Развитие этих значений и оттенков возвратности зависит от лексического содержания, синтаксических свойств и грамматических возможностей основного производящего глагола»[57].

К сожалению, не указывается, какие именно синтаксические свойства и грамматические возможности и как именно влияют на значение производного возвратного глагола.

---

[53] А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 52. См. также «Современный русский язык. Морфология», стр. 339, где П. С. Кузнецов связывает разнообразие значений возвратных глаголов как с многозначностью частицы *-ся*, так и с вариантностью непереходного значения.

[54] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, стр. 1155.

[55] М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку, стр. 81.

[56] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 630, см. также стр. 649. Вслед за В. В. Виноградовым и другие исследователи говорят о взаимодействии значений возвратной частицы и лексического значения производящих основ. См., например, А. В. Знаменская. Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке, стр. 5—6.

[57] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 650.

И. П. Мучник считает, что «конкретное залоговое значение глагольных образований с *-ся* определяется целым рядом условий, из которых основными являются следующие: 1. Значение (или значения, если слово полисемантично) основы (формы без *-ся*). 2. Синтаксические связи, в которые может вступать форма без *-ся*. 3. Наличие параллельных синтаксических оборотов и 4. Синтаксические связи, в которые вступает форма с *-ся*» [58].

Что касается последнего, четвертого пункта, то вряд ли можно объединять его с предшествующими, поскольку синтаксические связи производного слова не являются первичными по отношению к его значению, а возникают одновременно с значением слова и создаются теми же факторами, которыми создается и значение слова.

Итак, исследователи отмечают следующие факторы, формирующие значение возвратных глаголов: многозначность возвратной частицы *-ся*, возможность различных оттенков в непереходном значении глагола, лексическое значение производящего невозвратного глагола, синтаксические связи этого производящего глагола и наличие параллельных синтаксических оборотов (т. е. синтаксических конструкций с невозвратными глаголами, синонимичных конструкциям с возвратными глаголами). Все эти факторы, действительно, в большей или меньшей степени причастны к образованию значения возвратного глагола, но ни один из них в литературе до конца не рассмотрен и не изучен.

Мне представляется важнейшим из этих факторов — лексическое значение производящего невозвратного глагола и связанное с ним теснейшим образом управление этого невозвратного глагола.

Положение о том, что управление связано с лексической стороной управляющего слова, в наши дни стало почти общепризнанным [59]. Конечно, не всякое управление связано с лексической стороной управляющего слова, а только так называемое «сильное управление». Именно глаголам, с их специфической семантикой, свойственно в наибольшей степени сильное управление, представляющее собой «один из тех способов, при помощи которого глагол проявляет свое значение» [60]. Богатство и разнообразие значений одного глагола зачастую проявляется в разнообразном управлении глагола. Именно к глагольному управлению относится и следующее замечание А. Б. Шапиро: «Наличие представления об объекте, на который переходит действие (признак в его проявлении), может составлять, а часто неизменно составляет часть значения самого глагола» [61].

---

[58] И. П. Мучник. О залогах русского глагола. — «Уч. зап. Мос. гос. пед. ин-та», вып. 2, М., 1938, стр. 142.

[59] Ср., например, Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, М. Ф. Дусс. Русско-французский словарь. М., 1936, предисловие (без пагинации).

[60] И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. — «Уч. зап. Мос. гор. пед. ин-та, кафедра русского языка», т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 78.

[61] А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 48.

Все, занимавшиеся возвратными глаголами разграничивали возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, и возвратные глаголы, образованные от непереходных глаголов, т. е. фактически брали за основу первоначального деления возвратных глаголов именно этот фактор — лексическое значение производящего невозвратного глагола и связанное с ним управление, потому что переходность глагола является частным, но весьма типичным и наиболее распространенным случаем сильного управления глаголов.

Вопрос о переходности и непереходности глаголов необходимо рассмотреть несколько подробнее, так как он имеет непосредственное отношение к изучению возвратных глаголов, наиболее общей и характерной чертой которых, как было указано, является именно непереходность.

* * *

Переходными глаголами обычно называют глаголы, которые управляют винительным падежом со значением объекта. Однако в литературе встречаются возражения против такого выделения в особый разряд глаголов, управляющих только винительным падежом [62]. Некоторые исследователи, например, Ф. И. Буслаев, В. Гвоздиков, термин «переходность» использовали для обозначения сильного управления (чаще всего только беспредложного, но иногда и предложного). Наиболее последовательно и обстоятельно такая точка зрения изложена Д. Н. Овсянико-Куликовским, который видел переходность в том, что «деятельность подлежащего представлена в ее отношениях к посторонним предметам, к объектам, которые выражаются дополнениями. Дополнения при этих глаголах указывают — на что именно обращена деятельность подлежащего, и такое указание необходимо для того, чтобы дать точное и полное представление о самом этом действии; иначе последнее останется недосказанным, невыясненным» [63].

Расширив понятие переходности, отождествив переходность с сильным управлением, Д. Н. Овсянико-Куликовский вынужден был подразделить все «переходные», т. е. сильно-управляющие глаголы, на «переходные в тесном смысле, требующие прямого дополнения, т. е. дополнения в винит. пад.», и «переходные в обширном смысле, не могущие иметь прямого дополнения», в которых «значение глагола поясняется дополнением в род., дат., твор. и предлож. падежах» [64].

Обычно же глаголы, управляющие другими косвенными паде-

---

[62] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Предисловие, стр. XXVI.

[63] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 127.

[64] Там же, стр. 127.

жами, объединяют с глаголами, лишенными вообще сильного управления, в одном разряде непереходных глаголов, хотя и отмечают, что части непереходных глаголов свойственно сильное управление. «Такие глаголы нередко называют косвенно-переходными (в отличие от собственно переходных), но термин этот не является общепринятым» [65].

Неоднократно указывалось на то, что нет абсолютной грани между переходными и непереходными глаголами и что вопрос о переходности или непереходности того или иного глагола не всегда решается просто.

Так, во-первых, указывают на то, что с винительным падежом без предлога сочетаются не только переходные глаголы: «Глаголы движения (или положения в пространстве) могут быть сопровождаемы обстоятельствами меры в винительном падеже, например, *идти всю ночь, ехать сотню верст, сидеть полчаса* и т. д.» [66].

Тот факт, что винительный падеж существительного может иметь, кроме объектного значения, также и значение обстоятельственное, сам по себе еще ничего не говорит о сближении переходных и непереходных глаголов, так как обстоятельственные значения винительного падежа возможны при любом глаголе, а не только при глаголах движения, причем при переходных глаголах возможны два не сочиненных между собой винительных падежа (один со значением объекта, другой — со значением обстоятельства: *весь вечер читал книгу, писал письмо целый час*), тогда как двух несочиненных прямых объектов при глаголе быть не может.

Правда, отмечают и то, что «грани, отделяющие объектные значения этого падежа от обстоятельственно-определительных, не всегда можно установить с достаточной четкостью» [67].

Действительно, разграничение значений винительного падежа теснейшим образом связано с разграничением переходных и непереходных глаголов, однако в современном русском языке объектные и обстоятельственные значения винительного падежа разграничиваются довольно четко, и весьма немногочисленны случаи, когда вопрос об объектном или обстоятельственном значении данного падежа может вызывать сомнение, — столь же немногочисленны случаи, когда в силу недостаточной дифференцированности значения винительного падежа можно колебаться в отнесении глагола к переходным или непереходным. Так, например, при префиксальных глаголах, образованных от непереходных глаголов со значением движения и состояния, может иметь место винительный падеж, и затруднителен в этих случаях вопрос о том, что это —

---

[65] Грамматика русского языка, т. I, стр. 414.

[66] S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 85.

[67] А. В. Десницкая. Из истории развития категории глагольной переходности. — Сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л., 1951, стр. 142.

переходные глаголы с прямым дополнением или непереходные глаголы с обстоятельством меры пространства и времени [68].

Во-вторых, при исследовании вопроса о границах переходных и непереходных глаголов отмечают тот факт, что в роли прямого объекта, или близкой к нему, выступает не только форма винительного, но и форма родительного падежа: «Родительный падеж выступает для выражения прямого объекта при следующих условиях: а) если управляющий глагол имеет при себе отрицание... б) если действие глагола распространяется не на весь прямой объект, а на его часть» [69].

Некоторым исследователям казалось, что включение этих форм в способы выражения прямого объекта является только данью латинской грамматике, оказывавшей значительное влияние на русскую грамматику [70]. Мне думается, что дело здесь не столько в посторонних влияниях, сколько в специфических особенностях указанных форм, которые, действительно, близки к винительному падежу объекта. Рассмотрим каждое из указанных значений родительного падежа.

Не раз высказывалось мнение, что родительный при отрицании не является прямым объектом [71]; мнение это небезосновательно, так как между этими падежами довольно ярко выражено несходство. Об этом свидетельствует, например, то, что родительный падеж возможен и при непереходных глаголах с отрицанием:

«Родительный падеж употребляется также после непереходных глаголов с отрицанием, если соответствующий глагол без отрицания сочетается с винительным падежом меры; ср. *сидел целый час — не сидел и часу; ступил шаг — и шагу не ступил*» [72].

Следовательно, родительный падеж после глаголов с отрицанием может корреспондировать не только с винительным объекта, но и с винительным обстоятельственным. Больше того, родительный падеж после глаголов с отрицанием может употребляться и при безличных формах различного значения, где он корреспондирует не только с винительным падежом обстоятельственного значения, но и с именительным падежом подлежащего утвердительного оборота, причем он возможен в этом случае как при невозвратных, так и при возвратных глаголах, например:

«В эту ночку *не уснулося Ни минуточки* ему» (Н. А. Некрасов. Коробейники).

«*Памятника* еще *не существовало*, а стоял простой белый крест,

---

[68] «Грамматика русского языка» решает этот вопрос непоследовательно, называя эти глаголы — переходными, а винительные падежи при них — обстоятельственными. См. т. I, стр. 125.

[69] Грамматика русского языка, т. I, стр. 123.

[70] См., например, М. А. Тростников. Определение залогов, стр. 22.

[71] Б. Гвоздиков. Опыт классификации залогов, стр. 167 и 168.

[72] Там же, стр. 168.

на котором даже *надписи не значилось*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Никаких *сплетен* про вас *не собиралось*, а Лизаньку никто даже и не назвал по имени» (К. Федин. Первые радости).

Поэтому родительный падеж после глагола с отрицанием нельзя безоговорочно считать прямым объектом даже при переходных глаголах. Употребление такого родительного падежа не связано непосредственно с значением управляющего глагола, а скорее приближается к тем случаям употребления косвенных падежей, когда «они являются необходимыми средствами для осуществления того или иного грамматического оборота, входя в него как один из элементов его структуры» [73]. Родительный падеж рассматриваемого значения характеризуется тем, что употребление его после переходных глаголов с отрицанием не отличается строгой обязательностью, и название объекта и в этих случаях может выступать в форме винительного падежа, особенно, если в качестве объекта выступает название живого существа, например: *я не читала этой книги — я не читала эту книгу, я не люблю этой собаки — я не люблю эту собаку, я не видела сестры — я не видела сестру* и т. п., хотя в некоторых случаях и можно уловить различные оттенки в значении оборотов с винительным падежом и оборотов с родительным падежом.

Что касается второго значения родительного падежа при переходных глаголах, т. е. значения части предмета, то с ним дело обстоит сложнее. С одной стороны, можно считать, что, употребляясь при переходных глаголах, он выступает в роли прямого объекта, хотя и с собственным оттенком значения. Это доказывается прежде всего тем, что винительный прямого объекта и родительный части могут вступать в сочинительное словосочетание, что свойственно только однородным членам предложения, например: *купи ручку и перьев, принеси гвоздей и молоток* и т. п. К тому же лексическое значение глагола при замене винительного падежа объекта родительным падежом части предмета не претерпевает никакого изменения, например, в словосочетаниях: *выпить воду* и *выпить воды*, — лексическое значение глагола *выпить* абсолютно одно и то же. Но с другой стороны, этот родительный падеж части широко используется и при одном продуктивном типе возвратных глаголов, образованных от переходных глаголов префиксально-частичным способом, преимущественно с помощью приставки *на-*, и обозначающих полноту и даже чрезмерность действия, например: *наесться, напиться, наклеваться, налакаться, начитаться, объесться* и т. п. (чего-либо).

«Он *наглотался* этой тонкой, сладкой, щекочущей горло *пыли* и кашлял» (К. Федин. Необыкновенное лето).

---

[73] И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики, стр. 141.

«Гашиш испробуем. Если *его* как следует *накуриться*, то душа в райские обители переносится» (А. С. Новиков-Прибой. Шалый).

«Куда ей шелковые платья? Ей и *ситцевых не напасешься*: так вот на ней все и горит» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Поющих *колокольчиков*, воркующих *бубенчиков Наслушаешься* всласть» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«По торговым селам, по большим городам Я не даром живал огородник лихой. Раскрасавиц *девиц насмотрелся* я там, А такой не видал, да и нету другой» (Н. А. Некрасов. Огородник).

«Я в детстве, должно быть, уж очень много *насмотрелась рабства* и натерпелась от него» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Почтальон, пока из дома в дом ходит, *мало ли чего наслушается*» (А. Гайдар. Школа).

Здесь, конечно, не может быть и речи о прямом объекте, так как винительный падеж прямого объекта при этих глаголах исключается.

Таким образом, переходные глаголы — это глаголы, управляющие винительным падежом объекта, роль которого при соответствующем значении управляемого существительного может выполнять родительный падеж со значением части предмета.

Большинство исследователей считает, что принадлежность глаголов к переходным или непереходным связана с их семантикой[74]. Однако в настоящее время мы не располагаем такими лексическими критериями (да и вряд ли они вообще возможны), на основании которых можно было бы безошибочно относить глаголы к тому или другому разряду, и производим деление наличных в языке глаголов (или их значений) на переходные и непереходные в зависимости от того, управляют ли они винительным падежом со значением объекта или не управляют.

«Грамматическое значение переходности неразрывно связано с лексическим значением глагола и постоянно взаимодействует с ним, но подразделение глаголов по признаку переходности в конечном счете все же зависит не от лексического значения глагола, а от системы грамматических средств, используемых для выражения отношений между членами предложения на данном этапе развития данного языка[75].

Так, например, глагол *владеть*, хотя и предполагает по своему лексическому значению объект, однако этот объект выражается

---

[74] См., например: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 646; А. В. Десницкая. Из истории..., стр. 141; В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 162—163.

[75] В. Н. Жигадло. К вопросу о категории переходности в современном английском языке. — «Ленинградский университет, Научная сессия 1953—1954 гг. Тезисы докладов на сессии филологических наук». Л., 1954, стр. 41.

формой творительного, а не винительного падежа, и потому мы относим глагол *владеть* к непереходным. А близкий по смыслу глагол *иметь* сочетается с винительным падежом прямого объекта, и потому мы причисляем его к переходным. Сравним также русский глагол *благодарить* и украинский глагол того же значения — *дякувати*: в русском языке этот глагол переходный (*благодарить кого*), а в украинском — непереходный (*дякувати кому*).

Если нельзя поставить вопрос о том, что вообще является первичным в разграничении переходных и непереходных глаголов — лексическое значение глагола или его управление винительным падежом объекта, то вполне можно и даже должно поставить этот вопрос относительно новых, возникающих в языке глаголов. Переходность или непереходность вновь возникающих глаголов определяется в основном семантикой, лексическим значением глагола, так как в этих случаях синтаксических связей еще нет, они возникают вместе с глаголом и определяются семантикой этих глаголов. Отчасти, конечно, здесь может оказывать влияние морфологическая структура новообразованного глагола и сходство ее с структурой наличных в языке переходных и непереходных глаголов. Поэтому *раскулачить* или *заземлить* стали переходными глаголами, а *интеллигентствовать*, *слабодушничать*, *комиссарить* и т. п., стали непереходными. Сравните также в новообразованиях:

«*Филантропит*... Нищих подкармливает» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

«Ты у нас, брат, *секретарил* ладом, Задавал работу без конца» (А. Жаров. Старым друзьям).

«Дружба старая у вас, знаю: вместе *шоферили*» (А. Рыбаков. Водители).

«[Чепелкин] то взлетал вверх, то падал вниз, он *виражил* так круто, что «Мессершмиттам» ни разу не удалось поспеть за ним» (Н. Чуковский. Балтийское небо).

«Сержант Василий Прилепский *зачехлил* орудие» («Комсомольская правда», 19.XI.1959).

«Дешевый материал сам собой подсказывает чудесные, оригинальные формы; он удобен для обработки, портативен, легко очищаем и стираем; он веселит, а не *мрачнит* помещение» (М. Шагинян. Стальное сердце, «Известия», 13.IV.1960).

«Необходимо максимально *окоммунизировать* инструкторский состав. Это даст нам возможность обеспечить проведение в жизнь всех мероприятий, которые намечены партией и советским правительством» («Вопросы социального обеспечения», 1929, № 22).

Сравните также: *Гостировать термин* (т. е. поместить в справочник ГОСТ).

Различия в лексических значениях переходных и непереходных глаголов не получают закономерного выражения в морфологической структуре невозвратных глаголов. Однако в словообразовательных возможностях имеется некоторое несходство между пере-

ходными и непереходными глаголами. Во-первых, только от переходных глаголов образуются страдательные причастия. Но несмотря на теснейшую зависимость значения страдательности в причастиях от переходности глаголов, регулярность образования страдательных причастий от переходных глаголов, как и вообще регулярность форм словообразования, далеко не полная: так, например, страдательные причастия настоящего времени не образуются от глаголов непродуктивных классов, а страдательные причастия прошедшего времени не образуются от приставочных глаголов несовершенного вида, не говоря уже об отдельных случаях отсутствия в языке того или иного причастия. Наличие отдельных страдательных причастий, сопоставимых с непереходными глаголами, объясняется изменением в переходности производящих глаголов: *командуемый, подобаемый, предводительствуемый, предшествуемый, пренебрегаемый, угрожаемый, управляемый* и др.

Во-вторых, возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, отличаются по своим значениям от возвратных глаголов, образованных от непереходных глаголов; в частности только от переходных глаголов образуются возвратные глаголы со значением страдательности, взаимности и др.

Отсутствие достаточного лексического и морфологического разграничения между глаголами переходными и непереходными приводит к тому, что грань между этими двумя разрядами глаголов весьма шатка и непостоянна. Многие глаголы, ныне непереходные, прежде были переходными, например: *тосковать, молчать, править, воевать, руководить, покровительствовать* и др. При этом, естественно, и значения глаголов могли претерпевать большие или меньшие изменения, например: «*Плакать* первоначально имело смысл „полоскать", „смывать", „орошать", и употреблялось в залоге действительном... В действительном залоге глагол *плакать* употребляется в народном языке и доселе, например, в Дух‹овных› стихах: „не *плачь* своей красы, не *плачь* своих ясных очей"»[76]. Глагол *гостить* имел переходное значение «угощать», глагол *постоять* — переходное значение «подождать». Сравните в народной песне: «Ты *постой, постой*, красавица, *меня*».

Поскольку на протяжении истории языка изменялись не только значение и синтаксические связи различных глаголов, но изменялось и значение формы винительного падежа, который некогда имел и более широкое употребление, и во многом отличное значение, особенный интерес и убедительность представляют в этом отношении менее древние, менее отдаленные от нас по времени расхождения в переходности и непереходности глаголов по сравнению с современным языком.

[76] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 345. Ср. в украинской народной песне: «Засвістали козаченьки в похід серед ночі, заплакала Марусенька свої ясні очі». Ср. также современное русское страдательное причастие *заплаканный*.

Так, в XVIII веке встречаем немало глаголов, которые теперь употребляются как непереходные, а тогда были переходными или совмещали в своем значении переходность с непереходностью (что, в частности, является необходимой ступенью для перехода из одного разряда в другой), например: *бежать, звучать, кричать, мнить, молчать, обитать, отмщать, подражать, препятствовать, проникать, рассуждать, рыдать* и др.[77] Можно привести примеры и более позднего времени. Сравните глагол *пировать*: в настоящее время он непереходный, но еще не так давно мог иметь при себе дополнение в винительном падеже, и не только тавтологического характера:

«Мы *пируем пир* веселый И за родину мы пьем» (Н. М. Языков. Из страны, страны...).

«Бранится [охотник], мокнет и *пирует* Опустошительный *набег*» (А. С. Пушкин. Граф Нулин).

Сравните также:

«Графиня начала *покровительствовать* всех *горничных* и прижимать к сердцу засаленных детей кучера» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Диким фигура, вырезанная на носу корабля, представлялась силою, *руководящею кораблЬ*» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Для современного русского языка весьма характерно совмещение переходного и непереходного значений в одном глаголе. Исходя из основного, наиболее обычного значения глагола, а также в связи с тем, что историки языка отмечают преимущественное развитие значения глаголов в сторону утраты переходности, а не приобретения ее, исследователи современного языка чаще говорят не о простом совмещении значений переходности и непереходности в одном глаголе, а об употреблении переходных глаголов в непереходном значении: «Многие переходные глаголы могут употребляться как непереходные, например: мальчик уже *пишет* и *читает*; сестра по вечерам *играет* на рояле. Для такого употребления в русской традиции не имеется установившегося термина, но можно говорить об абсолютивном употреблении переходных глаголов»[78].

Поэтому, когда хотят выразиться точнее, говорят не о переходных и непереходных глаголах, а о переходных и непереходных значениях глагола. Иногда различие между переходным и непереходным значением глагола настолько существенно, что можно уже

---

[77] В. А. Приходько. Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира. Кандидатская диссертация. Л., 1953, стр. 14.

[78] Грамматика русского языка, т. I, Введение, стр. 33. Исходя из своей оригинальной концепции залогов русского глагола, Б. Н. Головин называет такое употребление глаголов «действительным потенциальным залогом». См. его работу «О взаимосвязях категорий вида и залога в современном русском языке». — «Уч. зап. Вологодского педагогического института», т. XII — филологический. Вологда, 1953.

говорить не о многозначном глаголе, а о глаголах-омонимах, различающихся переходностью и непереходностью; сравните, например, глагол *косить* в значении «быть косым» — непереходный, и глагол *косить* в значении «действовать косой» — переходный [79].

Для того чтобы глубже вникнуть в характер изменения значения переходных глаголов, которые с присоединением частицы *-ся* становятся непереходными и вместе с тем приобретают различные дополнительные оттенки значения, следует выяснить, как изменяется лексическое значение переходных глаголов, употребляемых в непереходном значении.

При употреблении переходных глаголов в непереходном значении изменение лексического значения глаголов может происходить в нескольких различных направлениях.

1. Значение глагола расширяется в результате включения в его лексическое значение еще и значения объекта переходного глагола в более конкретном или в более обобщенном виде. Еще у Ф. И. Буслаева можно усмотреть намек на эту особенность непереходного употребления переходных глаголов: «Дополнение придает деятельности, выраженной глаголом, известное, какое-либо особенное направление; так, в предложении «читает книгу» деятельность направлена именно на книгу (а не на письмо, записку и проч.); глагол без дополнения, напр., в предложении: «он уже читает и пишет» означает деятельность вообще, без применения к какому-нибудь известному предмету (т. е. читает и пишет вообще что бы то ни было)» [80].

Данное высказывание позволяет истолковать его в том направлении, что в непереходном употреблении глагол обозначает действие, направленное не на «известный предмет», а на «что бы то ни было», т. е. в нашем понимании, глагол включает в свое значение еще и значение объекта в самом обобщенном виде.

Четко и определенно выразил эту мысль В. А. Богородицкий в применении уже к включению конкретного объекта: «В некоторых случаях мог произойти пропуск имени (особенно однокоренного) в винительном падеже, после чего глагол стал непереходным, имея значение, раньше передававшееся двумя словами — переходным глаголом и именем (ср. в старом языке такие выражения, как *пир пировать, думу думать, зиму зимовать*» [81].

Приведем некоторые иллюстрации. Глагол *пить* в непереходном употреблении включает в свое значение довольно конкретный объект, один из возможных при переходном значении: *пить* (неперех.) обозначает *пить* (перех.) не чай, не молоко, не какао и не газированную воду, а только спиртные напитки.

---

[79] Современный русский язык. Морфология, стр. 338.

[80] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 343—344.

[81] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 165.

«Калымщики искусно направляют себе в карман поток длинных рублей и неустанно *пьют* (конечно, не воду) за здоровье своего начальника» (В. Чинсов. Водолей, фельетон, «Правда», 29. XII. 1957).

То же самое видим и в непереходном значении глагола *курить* — *курить* табак, папиросы, но не опиум и не фимиам. А вот в примере «в первом классе дети *пишут, читают и считают*» — глаголы включают в свое значение объект в самом обобщенном виде. Но, если в случаях с включением конкретного объекта в непереходное значение глагола все ясно и не вызывает никаких сомнений, то в случаях с включением обобщенного объекта, которых несравненно больше, это не столь явственно и может оспариваться. Некоторые исследователи, напротив, видят в непереходных значениях переходных глаголов полное отвлечение от объекта: «Различие в значении переходных и непереходных глаголов не всегда резко проявляется, так как обозначаемое переходным глаголом действие может быть выражено в отвлечении от объекта, на который оно направлено, ср. *Я в комнате моей пишу, читаю без лампады.* (П.) *Швед, русский колет, рубит, режет* (П.) — и сближается тогда со значением непереходных глаголов. Но все же и в этом случае переходные глаголы обозначают потенциально переходное действие» [82].

Если «потенциально переходное действие» понимать в том смысле, что данное действие по самому своему характеру не может осуществляться без предмета воздействия и что при отсутствии винительного падежа прямого объекта предмет воздействия все равно подразумевается в самом неопределенном или обобщенном виде, то это не противоречит высказанному нами мнению, что это обобщенное представление о предмете воздействия порождается самым употреблением данного глагола, иначе говоря, включается в его лексическое значение. Если же «потенциально переходное действие» понимать в том смысле, что «различие между глаголами в выражениях *читаю книгу* и просто *читаю* в том, что в первом глагол обозначает фактический переход действия на объект, а во втором — только возможный» [83], то это не совсем так: во втором случае нет грамматического объекта, нет грамматического перехода действия на объект, и постановка при таком глаголе грамматического объекта невозможна без изменения лексического значения данного глагола. В нашем примере «в первом классе дети *читают, пишут* и *считают*» нельзя употребить при глаголах прямые дополнения без изменения, пусть незначительного, лексического значения данных глаголов. Сравните также: «Три девицы под окном *пряли* поздно вечерком» (А. С. Пушкин). Отсутствие грамматического объекта отнюдь не значит, что девицы только

[82] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 162.

[83] Б. Н. Головин. О взаимосвязях категорий вида и залога, стр. 384.

производили определенные движения без всякого предмета воздействия, как в известной детской игре, где по движениям рук, лица и тела нужно угадать, что делает человек, и что могло бы быть у него в руках или около него. Вот где действительно отсутствует фактический предмет воздействия. А в нашем примере несомненно, что девицы пряли что-то, но, в виду того, что предмет воздействия безразличен для высказывания, он не конкретизируется в отдельном слове, а включается в самом обобщенном виде в лексическое значение глагола *пряли*.

Указывают на то, что переходные глаголы, употребленные непереходно, «приобретают особые оттенки значения: «быть занятым тем действием, которое выражено глаголом» или «уметь делать то, что выражено глаголом» [84].

Следует только заметить, что это значение освоенности действия, уменья что-либо делать как свойства кого-либо не исключает значения включенного объекта, а совмещается с ним, присоединяется к нему, представляя лишь оттенок внутри этого более широкого значения. Сравните: «Он по-французски совершенно мог изъясняться и *писал*, легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно» (А. С. Пушкин). *Писал* в данном случае, конечно, обозначает «умел писать», но все же это действие предполагает предмет или самые разнообразные предметы воздействия, о наличии которых мы узнаем из самого значения глагола *писал*, ибо *писать* можно только что-то. Такое же значение умения как свойства заключено и в переходном глаголе с дополнением *мазурку танцевал* и в непереходном возвратном глаголе *кланялся*; следовательно, этот оттенок значения не является отличительной чертой только переходных глаголов, употребленных непереходно.

Значение включенного объекта может возникать далеко не во всех переходных глаголах, и это свидетельствует о том, что интенсивность переходности в различных глаголах не одинакова. Так, например, глаголы совершенного вида обычно не употребляются в непереходном значении включенного объекта. Из глаголов несовершенного вида менее способны к развитию этого значения префиксальные глаголы, как, например: *перечитывать, выбрасывать, надкусывать* и т. п.; некоторые глаголы каузативного значения, как, например: *вешать, поить, растить, гноить* и т. п., и некоторые другие семантические группы глаголов.

Иногда переходный глагол может приобретать значение включенного объекта, оставаясь при этом переходным глаголом. Так, сравнив предложения: *я причесываю волосы мальчику* и *я причесываю мальчика*, — мы заметим, что в первом примере глагол *причесываю* обозначает «привожу в порядок», а во втором примере — «привожу в порядок волосы». Освободившееся при включении объекта место прямого дополнения занимается другим чле-

[84] Грамматика русского языка, т. I, стр. 414.

www.ruslang.ru

ном предложения, занимавшим прежде место косвенного дополнения.

2) Ряд переходных глаголов, обозначающих движение, перемещение, изменение в состоянии объекта, в непереходном употреблении обозначают движение, перемещение или изменение в состоянии самого субъекта действия. «Подобный глагол может часто иметь двоякое значение: быть активным и средним, не меняя формы. Можно *двинуть* какой-нибудь предмет и можно *двинуть* в Сибирь, т. е. отправиться в Сибирь»[85].

Приведем примеры:

«По дороге из Ялты во весь дух *катит* на велосипеде старший вожатый пионерского лагеря» (А. Гайдар. Военная тайна).

«Солнце опять стало слева. Славный каурый *двинул* рысью» (А. Гайдар. Пусть светит).

«Я любил взбираться на колокольни. Позволялось это мальчикам только на пасху. Долго *кружишь* узенькой темной лесенкой» (А. Гайдар. Школа).

«Гром глушит их вечным грохотом, Удушает лютый смрад, И *кружит* над ними с хохотом Черный тигр-шестикрылат» (Н. А. Некрасов. Влас).

«Работал он страстно, отличался редкой впечатлительностью, бурно *дружил*, бурно расходился» (И. Эренбург. Буря).

«От стен, промерзавших зимой в сильные морозы насквозь, *несла* сырость» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

При образовании этого значения видовые различия глаголов не играют никакой роли, и глаголы совершенного вида могут претерпевать такое же изменение в значении, например:

«Негина (у окна). Как *покатили* (о Смельской и Великатове)» (А. Н. Островский. Таланты и поклонники).

«И в залу *высыпали* все» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Сейчас же отвязали цепочку и с шумом, с криком *повалили* с тигренком в сад» (О. Перовская. Ребята и зверята).

Сравните разные значения глагола *причалить:*

«Мальчик зацепил веслом за кромку мостков, кто-то из военных спрыгнул на пристань и помог ему *причалить лодку*» (Л. Пантелеев. На ялике, «Честное слово», рассказы. М., 1955).

«Мотя неторопливо *причалил ялик*, дождался пока сойдут на берег все пассажиры» (там же).

«На маленькой пристаньке, куда должна была *причалить* лодка, уже набился народ» (там же).

Между переходными и непереходными значениями глаголов этого разряда различия значительно бóльшие, чем между переходными и непереходными значениями глаголов предыдущего раз-

[85] В. Ф. Шишмарев. От латинских залоговых форм к французским. — Сб: «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», кн. I. — «Уч. зап. ЛГУ», № 158. Серия филологических наук, вып. 15. Л., 1952, стр. 247—248.

ряда; зачастую эти значения настолько расходятся между собой, что можно уже говорить о глаголах-омонимах, например: *повалить* (перех.) и *повалить* (неперех.). И это понятно, так как приглагольный объект в данном случае не включается в значение глагола, а полностью исключается.

3. Отдельные переходные глаголы, употребляясь непереходно, приобретают разнообразные оттенки значения в связи с разнообразным изменением прямого управления в управление косвенное. Уже у Н. И. Греча есть замечание о таком изменении управления переходных глаголов: «Некоторые глаголы действительные, преимущественно означающие движение, требуя вообще винительного падежа, сочиняются и с творительным, например: *бросать камень* и *камнем, вертеть палку* и *палкою, двигать сердца* и *сердцами, трясти голову* и *головою, шевелить губы* и *губами, брызгать воду* и *водою* и т. д.»[86].

Замена винительного падежа творительным встречается наиболее часто. Сравните также: *располагать что — располагать чем.*

Такое изменение формы объекта несомненно свидетельствует о связи лексического значения глагола с его управлением. Встречаются, хотя и реже, другие случаи изменения управления при переходных глаголах, употребляемых непереходно: *изменить кого-что — изменить кому-чему, примкнуть что — примкнуть к кому-чему, насолить что — насолить кому* и т. д.

Сравните глагол *ковырять*: *ковырять землю, песок, рыбу; ковырять в носу; ковырять иглой; ковырять* — совсем без дополнения.

В отдельных случаях при непереходном значении объект выражается предложно-падежной конструкцией, например: *забыть, забывать долг — забыть, забывать о долге, вспомнить, вспоминать лето — вспомнить, вспоминать о лете, напомнить, напоминать детство — напомнить, напоминать о детстве, помнить друга — помнить о друге* и т. п.

Указанные основные случаи изменения значений переходных глаголов, связанные с их непереходным употреблением, которые мы условно, понимая несовершенство этих терминов, назовем: 1. значением включенного объекта, 2. значением исключенного объекта и 3. значением переключенного объекта, — можно считать оттенками непереходного значения. Они не получают морфологического выражения и поэтому не отличаются ни четкостью границ, ни стойкостью.

Развитие в непереходных глаголах переходных значений возможно также в результате того, что и переходные и непереходные глаголы могут обозначать действие. Однако в силу того, что непереходным глаголам свойственны еще значения становления и

---

[86] Н. И. Греч. Начальные правила русской грамматики, изд. пятое. СПб., 1837, стр. 88.

состояния, чуждые переходным глаголам, такое изменение в значении глаголов наблюдается значительно реже. Вряд ли прав С. О. Карцевский, утверждая, что «ничто не препятствует употреблять любой невозвратный глагол в переходном или непереходном значении. Так, в Думе создали глагол *уйти* в переходном значении: «не он ушел, а *его ушли*» [87].

Кроме того, при изменении непереходного значения в переходное к глаголу необходимо присоединить еще одно слово, обозначающее прямой объект, что сопряжено с серьезными сдвигами в значении глагола, вплоть до полного отрыва нового, переходного значения от первоначального, непереходного, например: «В смысле действительного залога употребляются в просторечии многие средние глаголы, в переносном значении сближенные с действительными, напр.: *свистнуть, съездить* (как синонимы глагола *ударить*) и мн. др.» [88]. Сравните также: «Залог прямого объекта принимают иногда такие глаголы, которые обыкновенно принято считать за средние, напр., *свистать*. *Свистали* несколько раз всех наверх рифы брать (Гончаров). То же относится и к вульгарному *свистнуть* в смысле «ударить» или «украсть» [89].

«Глафира Фирсовна... Да, добрая, хорошая была женщина. Дульчин. Как, была? Она и теперь есть. Глафира Фирсовна. Да, есть; поди посмотри как она есть. Эх, голубчик, *уходил* ты *ее*... Дульчин. Что такое? Что вы говорите? «*Уходил*»! Что значит «*уходил*»? Я вас не понимаю. Глафира Фирсовна. Померла, брат» (А. Н. Островский. Последняя жертва).

Крайне редко в качестве прямого объекта может выступать однокоренное с данным глаголом существительное (как бы выделенный глаголом «из себя» объект), например: *шутить шутки, служить службу, ночь ночевать* и т. п., — и в этих случаях изменение в лексическом значении глагола может быть незначительным.

«Лежа почти все время лицом к стене, он одиноко *страдал* все те же неразрешающиеся *страдания* и одиноко *думал* все ту же неразрешающуюся *думу*» (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича).

Ф. И. Буслаев отмечает отдельные случаи употребления непереходных глаголов в значении переходных у В. А. Жуковского, который «позволяет себе употреблять в значении действительных глаголы: *ступить* (вм. *переступить*), *растаять* (вм. *растопить*): «но только *ступила порог*, тяжелый жернов и бух!» 6, 282; «*растаявши сало*, начали мазать им лук женихи», Одис. 21, 183—184» [90].

Видимо, это явление вообще свойственно небрежной разговорной речи: «Благодаря отсутствию признаков, которые указывали бы на переходное или непереходное значение невозвратных глаголов, в небрежной разговорной речи нередко непереходные

[87] S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 89.
[88] Б. Гвоздиков. Опыт классификации залогов, стр. 167.
[89] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 346.
[90] Там же, стр. 346.

глаголы употребляются в значении переходных, например: Он *лопнул стекло*, Не *дрожи ногой* (Вероятно, опечатка, следует *ногу*. — *Н. Я.*), *Погуляй ребенка*, Я *загораю себе ноги* и др. Хотя такое употребление обычно воспринимается как ошибочное, неверное, как «оговорка», но оно наглядно свидетельствует о грамматической неразличимости переходных и непереходных глаголов. Показательно, что подобного рода «оговорки» невозможны с возвратными глаголами, как глаголами с грамматически выраженной непереходностью»[91].

Сравните также:

«Тут Егорка понял вдруг, что он проспал долго и ужасно рассердился на Бобика (который своим позевыванием соблазнил его уснуть. — Н. Я.) — Это ты *меня заснул*? — крикнул он, кинувшись к щенку. — Зевака несчастный!» (В. Бианки. Егоркины заботы).

В приведенных примерах присоединение объекта к непереходному глаголу создает понудительное, каузативное значение: *загораю ноги* — «делаю так, чтобы они загорели», *лопнул стекло* — «сделал так, что оно лопнуло», *погуляй ребенка* — «сделай так, чтобы он погулял», *не дрожи ногу* — «сделай так, чтобы она не дрожала», *заснул меня* — «сделал так, что я заснул» и т. д.

Таким образом, при употреблении непереходных глаголов в переходном значении мы видим обычно либо развитие переносного значения в слове, причем чаще с оттенком просторечного и вульгарного употребления, либо результат нарушения нормы, небрежность речи, приводящие к возникновению понудительного значения в глаголе. Реже можно встретить развитие переходного значения, в непереходном глаголе, не связанное ни с переносом значения, ни с возникновением понудительного значения. Так, глагол *консультировать* первоначально употреблялся только как непереходный с двумя значениями и соответственно двумя различными управлениями: *консультировать с кем-чем* и *консультировать кому-чему*. Со временем этот глагол стал употребляться как переходный — *консультировать кого*, и от него образовался возвратный *консультироваться*.

Совмещение в одном глаголе переходного и непереходного значений явление довольно распространенное, поэтому желание всегда, без учета возможной многозначности слова, отделить глаголы переходные от непереходных приводит подчас к недоумениям[92].

Следовательно, при употреблении переходных глаголов в непереходном значении, а непереходных глаголов в переходном изменяется в различных направлениях и в различной степени лексическое значение глаголов, т. е. именно сдвиги в отношении переходности и непереходности свидетельствуют о связи лексиче-

[91] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 104.

[92] М. А. Тростников. Определение залогов, стр. 3.

ского значения глагола с управлением этого глагола. Установить же в каждом отдельном случае, не выходя за пределы современного русского языка, как развивался тот или иной глагол, т. е. сохранил ли он более древнее употребление глагола в двух значениях, присоединил ли к переходному значению непереходное, или, наоборот, к непереходному значению присоединил переходное и т. п., — не всегда представляется возможным и не является целью данной работы.

* * *

Первоначальное, наиболее общее деление всех сопоставимых с глаголами возвратных глаголов частичного образования обычно основывается, как было указано, на лексическом значении производящего невозвратного глагола, преимущественно на той стороне его значения, которая связана с управлением этого невозвратного глагола, а именно: все исследователи подразделяют возвратные глаголы на глаголы, образованные от переходных глаголов, и глаголы, образованные от непереходных глаголов.

Частица *-ся*, будучи прибавлена к глаголу с переходным значением, обычно не затрагивает системы словоизменения, свойственной производящему глаголу, т.е. возвратные глаголы, сопоставимые с переходными глаголами, располагают той же системой форм словоизменения, что и соответствующие невозвратные глаголы: также изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям, имеют формы деепричастия и инфинитива. Но с присоединением частицы *-ся* глагол становится непереходным, а так как переходность и непереходность глаголов связана с различием в лексическом значении глаголов, то изменяется и лексическое значение данного глагола, например: *сердить — сердиться*, *ругнуть — ругнуться*, *свернуть — свернуться*, *встретить — встретиться* и т. п. Именно в устранении объекта переходного глагола заключается наиболее общее значение частицы *-ся*, присоединяемой к переходным глаголам.

Однако устранение прямого объекта с помощью частицы *-ся* и соответствующее изменение общего лексического значения глагола может происходить в разных направлениях, в связи с чем и словообразовательные отношения производных возвратных глаголов к производящим невозвратным могут быть различными. В зависимости от способов и путей устранения прямого объекта невозвратного глагола и связанного с этим характера значения возвратного глагола, все значения возвратных глаголов, сопоставимых с переходными глаголами, можно подразделить на два большие разряда: о т о б ъ е к т н ы е значения возвратных глаголов и о т с у б ъ е к т н ы е значения возвратных глаголов.

1. Отобъектные значения возвратного глагола возникают тогда, когда субъектом действия возвратного глагола становится

объект действия глагола невозвратного, например: *читает книгу — книга читается, пишет картину — картина пишется, удивляет окружающих — окружающие удивляются, радует ребенка — ребенок радуется.*

2. Отсубъектные значения возвратного глагола возникают тогда, когда субъектом действия возвратного глагола остается субъект действия глагола невозвратного, например: *причесывает* (волосы) — *причесывается, сдерживает* (себя) — *сдерживается, обнимают* (друг друга) — *обнимаются, кусает* (кого-либо) — *кусается, запасает* (что-либо) — *запасается* (чем-либо), *бросает* (что-либо) — *бросается* и т. д.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Среди возвратных глаголов отобъектного значения наибольшей в количественном отношении и самой характерной группой является группа глаголов, имеющих страдательное значение.

От Мелетия Смотрицкого и вплоть до наших дней во всех грамматических трудах по русскому языку особое внимание, по сравнению с другими значениями возвратных глаголов, уделялось страдательному значению, как значению наиболее распространенному, наиболее продуктивному и наиболее своеобразному среди всех других значений возвратных глаголов, особенно среди значений тех возвратных глаголов, которые сопоставляются с переходными глаголами.

Как правило, страдательное значение возвратного глагола определяют через указание на специфическую связь действия с субъектом и объектом этого же действия, но при этом в термины «субъект» и «объект» вкладывают самое различное содержание.

Противопоставляют, например, грамматические субъект и объект психологическим или логическим субъекту и объекту, основывая все понятие страдательности на противопоставлении и якобы обязательном противоречии между этими единицами. Так, А. А. Шахматов утверждал, что «представление о субъекте и объекте не покрывается представлением о подлежащем и дополнении» и что в страдательной конструкции «подлежащее соответствует психологическому объекту», а предикат «не господствует над психологическим объектом, а, напротив, господствует над психологическим субъектом» [1].

В другом месте, объединяя в своем определении страдательные причастия, образованные от переходных глаголов, и спрягаемые формы возвратных глаголов со страдательным значением, А. А. Шахматов говорил, что они обозначают «действие, переходящее на субъект предиката с другого (психологического) субъекта» [2].

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 480.

[2] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 189.

Но ведь «психологический субъект» вообще не предполагает непременной и постоянной связи с определенным членом предложения; он может не совпадать с подлежащим и в таком предложении, где сказуемое выражено возвратным глаголом другого значения или невозвратным глаголом; он может быть выражен и сказуемым, при соответствующей установке речи и соответствующей интонации.

Противопоставление грамматическим единицам логического субъекта и логического объекта можно проиллюстрировать следующим высказыванием: «Под страдательным значением возвратного глагола обычно понимается такое, которое возникает в глаголе, как говорят, при известной конструкции предложения, а именно тогда, когда при сказуемом (возвратном глаголе) подлежащее воспринимается в качестве логического объекта, а логический субъект, иначе производитель действия или действующее лицо, указывается в косвенном дополнении, стоящем в творительном падеже, или вовсе не указывается в предложении, если он только мыслится» [3].

Постоянство связи логического субъекта с определенным членом предложения является спорным. Некоторые исследователи отрицают возможность противоречия между субъектом логическим и субъектом грамматическим, по крайней мере для данного случая: «В предложениях с пассивной формой глагола подлежащее в большинстве случаев передает логический субъект, а глагол с объектом и др. — предикат. «Рабочие строят дом» и «Дом строится рабочими» — два предложения с разным составом суждения. Мнение о том, что в этих случаях логический и грамматический субъект находится в противоречии, лишено всякого основания, ибо зиждится на очевидном смешении понятий «реального производителя» и «логического субъекта» [4].

Большинство специалистов-логиков считает, что «и субъект и предикат суждения может выражаться как подлежащим, так и сказуемым предложения» [5].

Из сказанного следует, что привлечение к толкованию значения страдательности психологических и логических категорий не может принести положительных результатов. Да и вообще для выяснения значения и функции любой формы словообразования или словоизменения конкретного языка нельзя исходить из категорий и единиц логики и психологии и из сопоставления с ними категорий языка.

---

[3] Н. Н. Роде. Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке. — «Русский язык в школе», 1941, № 3, стр. 14.

[4] Г. В. Колшанский. Суждение и предложение. — «Труды Военного института иностранных языков». М., 1953, № 2, стр. 13.

[5] П. В. Тавanец. Суждение и его виды. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 41. См. также: К. Бакрадзе. Логика. Тбилиси. 1951, стр. 158—159; И. И. Кондаков. Логика. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 163.

Чаще всего при характеристике страдательного значения возвратных глаголов указывают на то, что грамматические отношения между словами находятся в противоречии с реальными отношениями между предметами, обозначенными этими словами, например: «При глагольном образовании с *-ся* со страдательным значением, — говорит И. П. Мучник, — перемещается центр предложения от реального субъекта к реальному объекту действия. Реальный объект действия, являющийся при соответственной форме без *-ся* дополнением, выступает здесь в качестве подлежащего. Наоборот, реальный субъект действия является здесь дополнением»[6].

Вместо термина «реальный субъект» в том же значении употребляют термины: «фактический субъект», «производитель действия», «реальный производитель действия», «деятель», «агент», «agens», а вместо термина «реальный объект» — термины: «фактический объект», «точка приложения действия», «patiens» и т. п.

Некоторые исследователи, считая доказанным противоречие между субъектом и подлежащим при глаголах страдательного значения, выдвигают это противоречие в качестве основного доказательства несовпадения понятий подлежащего и субъекта действия вообще: «Подлежащим мы называем абсолютно определяемое слово в предложении, выраженное формой именительного падежа имени, с которым грамматически связано определяющее его сказуемое. Прямое дополнение — это косвенный падеж имени, выступающий в функции объекта как слово, определяющее сказуемое, выраженное переходным глаголом. Этим понятием противополагаются понятие субъекта, означающего действующее лицо или предмет, и понятие объекта, обозначающего лицо или предмет, подвергающийся воздействию субъекта. То, что эти понятия, подлежащее и субъект, с одной стороны, и прямое дополнение и объект, с другой стороны, не совпадают, видно из сопоставления действительных и страдательных конструкций»[7].

В данной характеристике сопоставляемых единиц нет полной точности и последовательности: подлежащее связывается с конкретной формой (именительный падеж), а прямое дополнение не связывается с конкретной формой (вообще — «косвенный падеж»; но ведь тогда самые разнообразные дополнения при переходных глаголах могут подойти под понятие прямого объекта); для прямого дополнения указывается его значение, или функция (объект), а для подлежащего не указывается значения, или функции, а только форма.

---

[6] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 152. См. также: Грамматика русского языка, т. I, стр. 416; Современный русский язык. Морфология, стр. 342.

[7] В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском языке. — ИАН ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 345.

Для того, чтобы разобраться в отношениях между указанными понятиями, необходимо прежде всего выяснить, что такое «реальный субъект» и «реальный объект».

Реальный, т. е. существующий в реальной действительности субъект — это живое существо, могущее произвольно совершать те или иные действия. Реальному субъекту противопоставляется в реальной действительности столь же реальный объект, представляющий предмет сознания и деятельности субъекта. Следовательно, реальным субъектом может быть только живое существо, а реальным объектом может быть и предмет, и живое существо, попадающее в положение предмета сознания или деятельности другого живого существа. О реальном субъекте в противопоставлении к реальному объекту можно говорить только до тех пор, пока в этом противопоставлении имеется живое существо. Если же противопоставляются предметы, которые в реальной действительности могут находиться в определенном отношении между собой, но не могут произвольно воздействовать друг на друга, хотя бы свойства одного и вызывали определенные изменения в другом, то о «реальном» субъекте собственно говорить уже нельзя.

Перед нами ящик и карточки. Между карточками и ящиком существует определенное отношение пространственного характера, при котором ни тот, ни другой предмет не только не выступает в качестве реального субъекта, но даже не воздействуют своими свойствами друг на друга в том отношении, что не производят, не вызывают своими свойствами никаких изменений в другом предмете. Это отношение между названными предметами мы можем передать в языке различно: *пятьсот карточек заполняют ящик* или *ящик вмещает пятьсот карточек*. Эти предложения отнюдь не являются тождественными по смыслу, хотя и говорят об одном и том же факте реальной действительности. Но разве можно при рассмотрении значения этих предложений задаваться вопросом о том, какой из двух упомянутых предметов является реальным субъектом данных действий? А ведь это отношение, существующее в реальной действительности между указанными предметами, может быть выражено и с помощью возвратного глагола, имеющего страдательное значение: *ящик заполняется пятьюстами карточками*.

Возьмем еще такое отношение между предметами реальной действительности, при котором свойства одного предмета непроизвольно возбуждают, вызывают определенные свойства другого предмета, например, отношение между улыбкой и лицом. Это отношение также может быть передано в языке различно: *улыбка украшает лицо* и *лицо хорошеет от улыбки*. Но и здесь нельзя ставить вопроса о том, который из сопоставляемых предметов является реальным субъектом: лицо или улыбка, — хотя для передачи этого содержания тоже мог бы быть использован глагол страдательного значения: *лицо украшается улыбкой*.

Если при передаче в языке реальных отношений между различными неодушевленными предметами не может быть и речи о соответствии определенных членов предложения реальным субъекту и объекту, то при передаче отношений между живым существом и предметом можно было бы, вообще говоря, ставить вопрос о соответствии определенных членов предложения реальным субъекту и объекту, однако и в этих случаях далеко не всегда подлежащее соответствует реальному субъекту, а дополнение — реальному объекту, например: «Остров изобилует змеями» (К. Паустовский. Кара-Бугаз). Эта книга принадлежит мне. Меня интересует фонетика. Детям нравятся яркие игрушки и т. п. Во всех этих примерах подлежащие: *остров, книга, фонетика, игрушки* — скорее соответствуют реальным объектам, а реальным субъектам скорее отвечают дополнения: *змеями, мне, меня, детям,* — хотя в глаголах: *изобиловать, принадлежать, интересовать,* и даже в возвратном глаголе *нравиться,* явно обозначающем «отношение со стороны другого» [8], нет никакого страдательного значения.

Обратимся теперь к предложению с глаголом страдательного значения в сказуемом:

«Стало известно, что в составе дивизиона есть корабль, который *перевооружался* комиссаром» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Реальным субъектом», т. е. живым существом, активным в реальной действительности, был, конечно, комиссар. Но что же делал комиссар в реальной действительности? Он перевооружал (корабль). Следовательно, он производил не то действие, которое выражено глаголом *перевооружаться,* а другое действие, выражаемое глаголом *перевооружать,* которого в нашем предложении нет. Поэтому нельзя даже предположить, что комиссар является реальным субъектом действия, названного в данном предложении (*перевооружаться*), если мы считаем, что глагол *перевооружаться* является отдельным от производящего глагола *перевооружать,* самостоятельным словом с собственным значением.

Весьма показательны в этом отношении такие предложения, в которых сказуемое представлено сочинительным словосочетанием из глагола страдательного значения с глаголом нестрадательного значения или какой-либо другой формой, например:

«Портреты Крамского все больше и больше *входили* в славу и *ценились* все дороже и дороже» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Этот сад *содержался* в образцовом порядке и *сиял* чистотой» (К. М. Станюкович. Побег).

«Пахло серой, щелоком, лаком и тем неуловимым, безыменным запахом, который *присущ* вагонам и вокзалам и *не уничтожается* ни краской, ни дезинфекцией» (В. Панова. Спутники).

[8] М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку, стр. 13.

«После объявления результатов соревнований чемпионка мира Софья Кондакова *увенчивается* лавровым венком и *получает* золотую медаль» («Правда», 6.II.1956).

Во всех этих примерах союз *и* свидетельствует о том, что соединяемые им члены предложения являются однородными, т. е. что оба сочиненных сказуемых каждого предложения находятся в равном грамматическом отношении к подлежащему предложения и, следовательно, нельзя предположить, что для одного из сказуемых подлежащее является реальным субъектом, а для другого — реальным объектом.

Посмотрим еще на такой пример:

«Книги наших писателей издаются повсюду за границей. Они *читаются, увлекая* скорее содержанием, а не формой, потому что очень велик интерес в зарубежных странах к нашей жизни» (М. А. Шолохов. Из речи на XXII Съезде КПСС).

Деепричастие, как известно, всегда относится к тому же субъекту действия, что и спрягаемая форма глагола, следовательно, и для страдательного глагола и для деепричастия, не имеющего страдательного значения, субъектом является *они* (книги), так как именно они и читаются, и увлекают.

Из сказанного можно заключить, что противопоставление грамматического подлежащего реальному субъекту не может служить достаточным основанием для определения специфики страдательного значения возвратных глаголов. Для выяснения значения и функции любой формы словообразования или словоизменения целесообразнее сопоставить ее с другими формами внутри того же языка, формами противоположными или смежными по значению или структуре. Поэтому и в данном случае, при выяснении значения и особенностей глаголов со страдательным значением, недостаточно исходить из сопоставления фактов языка с фактами реальной действительности, хотя в ряде случаев и можно находить повод для такого сопоставления.

Термин «субъект» в грамматическом значении «употребляется тогда, когда речь идет о таком компоненте предложения, который функционально соответствует грамматическому подлежащему в его отношении к предикату-сказуемому, но берется именно с этой функциональной стороны, а не со стороны определенного данного оформления» [9].

Противоречия между субъектом в грамматическом значении и подлежащим не может быть, поскольку подлежащее всегда является субъектом предложения.

«Свойство языка таково, что всякий именительный падеж в роли подлежащего обозначает с точки зрения языка производи-

---

[9] Е. С. Истрина. Субъект и подлежащее как синтаксические термины. — «Уч. зап. Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», т. XI. Алма-Ата, 1946, стр. 29.

теля признака, выраженного сказуемым, что в предложении: *камень лежит* камень с грамматической точки зрения такой же производитель признака, как человек в предложении: *человек ходит*, хотя в действительности камень не сам произвел признак лежания» [10].

И в предложении со страдательным глаголом тоже нет никакого противоречия между подлежащим и субъектом предложения: «Коль скоро подлежащее есть подлежащее, оно не может не быть производителем признака, обозначенного глагольной основой сказуемого, никаких иных отношений между подлежащим и сказуемым нет и не может быть» [11].

Отсутствие противоречия между подлежащим и субъектом отнюдь не обозначает их тождества. Грамматический субъект является более широким по объему понятием, чем подлежащее, связанное определенной формой отдельного выражения. Субъект данного действия (или, шире, признака) может быть выражен отдельно (именительным падежом существительного или любой другой формой, словосочетанием и даже предложением, выступающими в функции именительного падежа существительного), а может и не иметь отдельного выражения, будучи выражаем в личных формах глагола-сказуемого, например:

«*Смотрю* на бледный цвет осенний, О чем-то память шепчет мне. . .» (А. Блок. Старик).

«Если жизнь тебя обманет, Не *печалься*, не *сердись*!» (А. С. Пушкин. Если жизнь тебя обманет).

«Соловушка, душа моя! Я слышу, что тебя везде за песни *славят* И с лучшими певцами рядом *ставят*» (И. А. Крылов. Кошка и соловей).

Во всех выделенных случаях нет подлежащего, но субъект предложения имеется, о чем свидетельствуют личные формы глаголов-сказуемых.

Ф. Ф. Фортунатов в своей работе о залогах не дает специальной характеристики глаголам страдательного значения, но вот как определяет страдательное значение ученик Ф. Ф. Фортунатова — В. К. Поржезинский, который в учении о залогах следует, как он сам говорит, своему учителю: «Признак, обозначенный глагольной основой и являющийся в форме невозвратной в сочетании с субъектом, причем он производится этим последним по отношению к объекту, в форме возвратной с указанным значением является данным для упомянутого объекта, становящегося таким образом субъектом» [12].

---

[10] Б. Гвоздиков. Дополнительные замечания и поправки к работе «Опыт классификации залогов русского глагола». — «Русский филологический вестник». Варшава, 1906, № 3 и 4, т. 56, стр. 365.

[11] А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 54.

[12] В. К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, стр. 56.

В этом определении страдательное значение устанавливается тоже из сопоставления, но из сопоставления не с фактами реальной действительности, а с фактами языка, со значением производящего невозвратного глагола. Сравним в нашем примере: *комиссар перевооружал корабль — корабль перевооружался* (комиссаром).

Таким образом, страдательное значение возвратного глагола устанавливается не на основании семантики только самого возвратного глагола, взятого изолированно от глагола производящего, а на основании того сдвига в значении, который связан с присоединением частицы *-ся* и с превращением объекта производящего глагола в субъект производного возвратного глагола. Трансформация объекта производящего глагола в субъект возвратного является важнейшим признаком специфики страдательного значения в возвратном глаголе. Без соотнесенности с производящим невозвратным глаголом страдательного значения не может быть, например:

«Вот *продам именье* и улечу. А куда — бог весть! И больше уж вы меня не увидите. Только что я буду здесь делать пока-то, пока *это продастся*?» (А. Н. Островский. Светит, да не греет).

«Трудные *вопросы*, Леша, *решаются* разом, чик — и готово. И когда *решают* такой *вопрос*, вперед глядеть надо» (В. Кочетов. Журбины).

Приведенные примеры отнюдь не обозначают, что страдательное значение в возвратном глаголе возможно только в том случае, если в контексте, предваряя возвратный глагол или следуя за ним, употребляется и производящий невозвратный глагол. Напротив, сопровождение возвратного глагола производящим невозвратным — явление случайное и далеко не частое, а для возникновения страдательного значения достаточно, чтобы соответствующий невозвратный глагол существовал в языке. Конечно, возможны такие случаи, когда многозначный возвратный глагол выявляет свое страдательное значение только в сопровождении производящего глагола, употребление которого исключает какие бы то ни было иные толкования значения возвратного глагола, например:

«Игорь знал, видимо, только главные основы электросварки, в их пределах он и действовал, они *его* и *ограничивали*, как речь иностранца *ограничивается* книжным *знанием* чужого языка» (В. Кочетов. Журбины).

Подобную обязательную связь с производящей основой можно наблюдать и в некоторых других словообразовательных категориях. Так, соотнесенность с производящей основой необходима, например, для установления словообразовательной категории уменьшительности в существительных: в слове *спичка*, несмотря на то, что оно обозначает маленький предмет, нет значения уменьшительности, как нет его и в слове *капля* или в слове *точка*, обозначающих предметы весьма малого размера. Такая непременная

соотнесенность с производящей основой свойственна далеко не всем словообразовательным категориям: так, например, категория вида глагола устанавливается вне всякого соотнесения с производящей основой.

Однако рассмотренная специфическая связь возвратного глагола с производящим невозвратным, заключающаяся в превращении объекта производящего невозвратного глагола в субъект производного возвратного, характерна не только для возвратных глаголов страдательного значения, но и для всех остальных глаголов отобъектного значения. Что же отличает глаголы страдательного значения от других глаголов отобъектного значения?

Отобъектные глаголы, как глаголы непереходные, могут указывать на различную степень пассивности субъекта данного действия, как то наблюдается и при невозвратных непереходных глаголах: «Функция подлежащего при непереходных глаголах определяется лексическим значением как самого имени — подлежащего, так и лексическим значением глагола-сказуемого. В зависимости от значения имени и глагола подлежащее выражает субъект в разной степени его активности, — ср.: *делегат приехал, лошадь упала, яблоко упало, мальчик болел, палец болит, будет вам яблоко* и др.»[13].

В отличие от других возвратных глаголов отобъектного образования глаголы страдательного значения указывают на предельную пассивность субъекта действия. Пассивность субъекта действия — это выявление субъектом признака, являющегося отражением получаемого извне воздействия. Поэтому, будучи пассивным, субъект может перемещаться, или видоизменяться, равно как и оставаться неизменным, но нельзя сказать, что при этом субъект находится «в том или ином состоянии, которое представляется как результат действия»[14]. Состояние — это «такой глагольный признак, который дан в сочетании с субъектом как результат деятельности того же самого или другого субъекта»[15], а в пассивности нет никакой результативности, поскольку выявление субъектом признака происходит одновременно с воздействием и без всякой реакции на него.

Пассивность создаваемого субъектом признака встречается не только в глаголах страдательного значения — она наблюдается иногда и в некоторых других разрядах как возвратных, так и невозвратных глаголов: а) в некоторых несопоставимых возвратных глаголах типа: *нравиться, надобиться, понадобиться*; б) в невозвратных непереходных глаголах типа: *принадлежать, изобиловать, слыть*; в) в переходных глаголах типа: *видеть, слышать* (ср. *смотреть, слушать*), *иметь*. Тем не менее подобные глаголы не

[13] В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта, стр. 346.

[14] Грамматика русского языка, т. I, стр. 416.

[15] В. К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов, стр. 56.

являются страдательными, так как они лишены основного признака страдательного значения — отобъектности [16].

Итак, страдательное значение возвратного глагола определяется не только тем, что устраненный присоединением частицы *-ся* прямой объект невозвратного переходного глагола становится субъектом действия возвратного глагола, но и тем, что лексическое значение этого возвратного глагола предполагает полную пассивность субъекта действия.

Страдательность — это особое лексическое значение в ряду других наиболее общих значений глагола, и прав был Г. Павский, который более ста лет тому назад утверждал, что «глаголами выражается существование, действование, страдание и состояние существ» [17].

* * *

Значение страдательных глаголов, отобъектное и пассивное, естественно, предполагает наличие содействующего объекта, т. е. предмета, воздействие которого (произвольное или непроизвольнсе) выявляется субъектом страдательного глагола как собственный признак. Довольно часто содействующий объект при глаголах страдательного значения выражается творительным падежом без предлога. В соотносительном действительном обороте этому творительному падежу соответствует именительный падеж субъекта действия производящего глагола, например:

«Затруднения, связанные с постановкой «Бориса Годунова», «Хованщины», *переживались* всей *семьей* Стасовых как свое самое близкое, родное явление» (И. Е. Репин. Далекое близкое). — *Семья* (Стасовых) *переживала* (затруднения, связанные с постановкой).

«Сад этот был глух, *никем* не *охранялся*, и заборы его были поломаны» (А. Гайдар. Школа). — *Никто* не *охранял* (сад).

Сравните также: «— О том не сказано. Обозначено только, что книга *дозволяется цензурою*. — Что ж, — проговорил викарий сострадательно, — *цензура*, в силу подслеповатости своей, *дозво-*

---

[16] Переходные глаголы, развивающие непереходные значения, могут приобретать некоторые оттенки значения, присущие отдельным разрядам возвратных глаголов, но никогда не приобретают страдательного значения, т. е. в невозвратном глаголе никогда не совмещаются действительное и страдательное значения. Нам встретился один единственный случай своеобразного употребления глагола *обрасти*, который мог бы дать повод продемонстрировать такое совмещение указанных значений.

«Пьер очень изменился в это время. Он не казался уже толст, хотя и имел все тот же вид крупности и силы, наследственной в их породе. Борода и усы *обросли* нижнюю часть лица» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Такое употребление глагола *обрасти* в переходном значении позволяет сопоставить: *Борода и усы обросли* нижнюю *часть* лица — Нижняя *часть* лица *обросла бородой и усами*.

[17] Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка... Рассуждение третье. О глаголе. Изд. 2-е, СПб., 1850, стр. 49.

ляла и про социализм печатать» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Творительный падеж со значением содействующего объекта настолько типичен для страдательных глаголов, что некоторые ученые связывали возвратное страдательное значение с непременным наличием при глаголе такового дополнения в творительном падеже: «В тех случаях, когда глагол с «ся» не имеет при себе дополнения в твор. пад., обозначающего объект, при содействии которого субъект производит свой признак, он значения страдательного подзалога не имеет», — пишет А. Б. Шапиро, разъясняя это положение следующим образом: «Подобно тому как глагол переходного залога вызывает представление об объекте, на который переходит признак, производимый субъектом, глагол страдательного подзалога непереходного залога обычно вызывает представление об объекте, при содействии которого субъект производит свой признак. Это находит свое выражение в употреблении дополнения, ставящегося в твор. пад. без предлога» [18].

Несомненно, что сильное управление теснейшим образом связано с лексическим значением глагола, но представляет ли творительный падеж содействующего объекта сильноуправляемую форму, является ли он таким непременным спутником страдательного значения глагола? В литературе на этот счет существуют различные мнения, хотя большинство ученых склоняется к тому, что страдательное значение в возвратных глаголах возможно и без сопровождения творительным падежом. Еще Ф. И. Буслаев писал по этому поводу: «Страдательный глагол может быть или определенный, т. е. при лице действующем, напр. «любим всеми», или неопределенный, т. е. без значения лица действующего, напр. «дом строится» [19].

А. А. Шахматов и В. В. Виноградов также полагают, что страдательное значение в возвратном глаголе возможно и без творительного падежа указанного значения. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова сплошь и рядом иллюстрирует страдательное значение глагольными формами без творительного падежа, например: «сено *косится* у нас в середине июня», «картофель *копается* осенью, «эти материалы плохо *клеятся*» и т. п.

Отмечая возможность страдательного значения без творительного падежа содействующего объекта, многие ученые констати-

---

[18] А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 55 Ср. также: «Страдательное значение создается только при условии наличия существительного или местоимения в творительном падеже (кем освещается?). В предложении *у нас классы освещаются хорошо* в силу отсутствия творительного падежа страдательное значение уже ослаблено» («Русский язык в школе», 1957, № 1, стр. 126).

[19] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 353.

руют, что такое употребление встречается даже значительно чаще: «В ряде случаев (....) страд. значение глагола сопровождается творительным реального субъекта. Надо, однако, сказать, что численно эта группа значительно меньше другой группы страдательных глаголов с *-ся*, не сопровождающихся творит. падежом» [20].

Пассивность субъекта действия страдательного глагола, как уже говорилось выше, предполагает наличие содействующего объекта, воздействие которого отражается субъектом страдательного глагола, но это еще далеко не обозначает обязательности творительного падежа содействующего объекта при глаголе страдательного значения.

Возьмем для сравнения невозвратные переходные глаголы, типа *качать*, *копать*, *писать* и др. Они обозначают действия, непременно предполагающие не только объект действия, но и орудие, с помощью которого осуществляется это действие, и тем не менее творительный падеж орудия не является при них сильноуправляемой формой, так как это орудие, без всякого изменения лексического значения глагола, может быть передано и другими формами существительного, например: *качать воду насосом — качать воду с помощью насоса*, а может и не быть упомянуто вовсе, если оно не существенно для данного высказывания, например: *копать грядки*, *писать письмо*.

Совсем иначе обстоит дело с винительным падежом прямого объекта, который является сильноуправляемой формой, и отсутствие которого при глаголе влечет за собой изменение лексического значения глагола, за исключением тех случаев, когда, при соответствующем значении управляемого существительного, вместо винительного падежа выступает родительный со значением части или, при наличии отрицания, выступает родительный падеж со значением объекта, например: *пей молоко — не пей молока*; *выпей молоко — выпей молока*.

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению творительного падежа и других способов выражения содействующего объекта при возвратных глаголах страдательного значения, мне хочется привести несколько примеров в доказательство того, что страдательное значение возвратного глагола может быть совершенно тождественным как при наличии творительного падежа содействующего значения, так и при отсутствии его:

«Я даже подозреваю, что мое отсутствие *ощущалось сотрудниками* управления примерно так, как отсутствие сторожа-туркмена»

---

[20] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 153. См. также: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 165; Грамматика русского языка, т. I, стр. 416; Е. А. Иванова-Янковская. Страдательные обороты в современном русском литературном языке. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1952, стр. 8; В. А. Прихолько. Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира, стр. 173.

(К. Паустовский. Кара-Бугаз). — «И в нашем искусстве *ощущалось* страстное желание нового вида, новой дороги» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Все, что непосредственно *наблюдалось мною*, было почти совершенно чуждо сострадания к людям» (А. М. Горький. Мои университеты). — «Через каждые 10 минут брали по капле этой смеси и делали из нее мазок на предметном стекле, который *наблюдался* под микроскопом, а затем фотографировался» (О. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии).

«Записка была продолжением той искусной работы, которая вот уже два месяца *производилась* над ним *княжной* Корчагиной» (Л. Н. Толстой. Воскресение). — «Но те, над кем *производилась* эта зверская расправа, не умирали, точно они были неуязвимыми» (А. С. Новиков-Прибой. Бойня).

«[Юра Гайбуров] хотя и был уже старшеклассником, не оставил, однако, тех интересов, которые возникают у человека, когда ему двенадцать лет, и потом, к сожалению, часто *забываются взрослыми*, слишком занятыми своими делами» (Л. Кассиль. Ранний восход). — «О Марье Сергеевне он думал невольно, потому что старался о ней не думать. Он сам удивлялся тому, что она никак не *забывается*» (Н. Чуковский. Балтийское небо).

«Чины *людьми даются*, а люди могут обмануться» (А. С. Грибоедов. Горе от ума). — «Если Юле *давалось* поручение съездить на базар за сахаром и нитками, Наташа провожала ее до ворот» (О. Перовская. Ребята и зверята).

«Безрезультатные повторные наступления, связанные с крупными потерями, дали богатую пищу для той закулисной работы, что *велась* против главнокомандующего и его окружения некоторыми влиятельными *членами парламента*» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю). — «Они подошли к той группе за столом, где *велась* беседа» (К. Федин. Необыкновенное лето).

* * *

Различные значения беспредложного творительного падежа в предложении, как и значения других многозначных форм существительного, зависят не только от самой формы творительного падежа существительного, но и от лексического значения данного существительного, а также от лексического (и грамматического) значения управляющего слова. При глаголе со страдательным значением функция творительного падежа определяется лексическим значением существительного, стоящего в творительном падеже, и лексическим значением страдательного глагола. Так, если управляемое существительное имеет значение отрезка времени, с ним связывается обычно значение временное, например:

«И люди эти ... запирались в тюрьмы, этапы, каторги, где и *содержались месяцами* и *годами* в полной праздности» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Если существительное имеет значение пространственное, то и творительный его падеж при глаголе страдательного значения указывает на пространственные отношения, например:

«Орудия *протаскивались* густо поросшим *оврагом*».

При предметном же значении существительного, управляемого возвратным глаголом, в ряде случаев трудно бывает решить вопрос о том или ином значении творительного падежа без предлога, а также о значении и самого возвратного глагола:

«В предложениях: *Петр обогатился торговлею*; *утро вечером сменялось* (В. Жуковский) кроется двусмысленность, которую (и подобные ей) необходимо объяснить должно. Творительные падежи *торговлею*, *вечером* могут быть приняты за орудия, которыми *Петр*, *утро* действовали; и в сем случае глаголы *обогатиться*, *сменяться* будут возвратные (Петр обогатил себя торговлею; утро сменяло себя вечером). Сии же падежи могут быть приняты за предметы действующие, коих страдательные суть *Петр*, *утро*: и тогда помянутые глаголы получат знаменование страдательных (*торговля обогатила Петра*, *вечер сменял утро*)»[21].

Но вопрос о значении творительного падежа может быть затруднителен и тогда, когда страдательное значение глагола не подвергается сомнению, например:

«Огромный тяжелый мальпост трудно *возводится* на горы даже *шестеркой* лошадей» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Как понимать этот творительный падеж *шестеркой* при несомненно страдательном значении глагола *возводится*? А. А. Шахматов приводит в качестве иллюстрации на творительный «производителя действия» вполне аналогичный, на первый взгляд, пример: «С поклажей и семьей дворян Четверкою рыдван тащился. Крылов. Муха и дорожные»[22]. При всем внешнем сходстве этих двух примеров, предложение из И. Е. Репина допускает двоякое истолкование творительного падежа *шестеркою*, а именно как объекта содействующего («шестерка лошадей возводит на горы мальпост») и как орудия, средства действия («мальпост возводят на горы с помощью шестерки лошадей»).

Существительное, обозначающее одушевленный предмет и стоящее в творительном падеже при возвратном глаголе страдательного значения, всегда обозначает объект содействующий:

«Эти новые музеи, не помеченные даже в гидах, совсем почти не *посещаются иностранцами* и *игнорируются* самими *итальянцами*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Но справедливость требует сказать, что все мало-мальски художественное, если оно носило отпечаток новизны и оригиналь-

---

[21] И. Калайдович. О залогах глаголов русских. — «Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. IV, 1824, стр. 78.

[22] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 341.

ности, *стариками* беспристрастно *поощрялось* и *награждалось*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

То же самое можно сказать и о тех случаях, где в творительном падеже стоит существительное, обозначающее коллектив живых существ, или собирательное существительное, или слово, метонимически или синекдохически замещающее названия живого существа, и т. п., например:

«Во всякой арестантской артели все важнейшие дела *вершатся* более влиятельным и сплоченным *ядром*» (В. Г. Короленко. Соколинец).

«*Молодежью* шестидесятых годов все это *схватывалось* на лету» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«В каждой отрасли искусства там работает такая масса любящих дело тружеников, труды их так *поощряются всем светом*, что они давно уже стоят вне всякой конкуренции» (там же).

Правда, в литературе имеется возражение против такого утверждения. Так, Н. Н. Роде полагает, что творительный падеж и одушевленного существительного может в этих случаях иметь другое значение. Сопоставляя два предложения: «С той стороны, где стоял Аким, дом рыбака *заслонялся* крутым *выступом берега*» (Д. В. Григорович. Рыбаки) и «Долго еще в эту ночь не могла заснуть Маслова, а лежала с открытыми глазами, глядя на дверь, *заслонявшуюся*[23] то взад, то вперед проходившею *дьячихой*, и, слушая сопенье рыжей, думала» (Л. Н. Толстой. Воскресение), — Н. Н. Роде отрицает значение содействующего объекта в дополнениях *выступом* и *дьячихой*, говоря: «Одно дополнение отличается от другого только тем, что *выступ берега* — неподвижный предмет, а *дьячиха* — движущийся («одушевленность» абсолютно не имеет значения). Что же касается черт сходства, то они гораздо существеннее. И в том и в другом примере отношения между производителем действия и объектом (подлежащим) совершенно случайны. Как *дом рыбака* не является объектом действия выступа берега, так и *дверь* не является объектом действия дьячихи; это чисто перспективные отношения между двумя предметами, видимые только с определенных мест и ничего другого не выражающие»[24].

Исходя в определении страдательного значения из проекции значения возвратного глагола на взаимоотношения реального субъекта и реального объекта, Н. Н. Роде последовательно и неизбежно приходит к выводу, что в глаголе *заслоняться* и произведенном от него причастии *заслонявшийся* нет страдательного значения, а зато в возвратном глаголе префиксально-частичного обра-

[23] То, что в данном примере не глагол, а причастие, не имеет существенного значения, так как причастия от страдательных глаголов могут сохранять страдательное значение.

[24] Н. Н. Роде. Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке, стр. 21.

зования *загореться* («Не стыдно слабостям любовным покориться, коль сердце таковым героем *загорится*», Херасков. Мартезия и Фалестра) страдательное значение есть [25].

В другом случае в отрицании значения содействующего объекта в одушевленном существительном Н. Н. Роде исходит уже не столько из реальных отношений, сколько из общего смысла и целей высказывания. Взяв пример из «Воскресения» Л. Н. Толстого: «Две трети лучшей пахотной земли *обрабатывались* своими *работниками* усовершенствованными орудиями, остальная же треть земли *обрабатывалась крестьянами* наймом по пяти рублей за десятину», — он комментирует его следующим образом: «Семантика дополнений *работниками*, *крестьянами* настолько ярка, что как будто не может возникнуть и тени сомнения в страдательном значении возвратного глагола. Однако если вдуматься в содержание текста..., то нетрудно увидеть, что сущность высказывания вовсе не в том, что крестьяне и работники обрабатывали землю, а в том, при каких условиях они обрабатывали, т. е. какие способы обработки земли применялись в имении Нехлюдова. Земля обрабатывалась при помощи «своих работников усовершенствованными орудиями» и помощи «крестьян путем найма». Орудный характер обоих дополнений очевиден, а также очевидно и нестрадательное (среднее) значение глагола *обрабатывалась* [26].

Во-первых, как бы мы ни истолковали значение второстепенных членов предложения *работниками* и *крестьянами*, значение глагола *обрабатывались* (*обрабатывалась*) не претерпевает заметного изменения, оставаясь отобъектным и пассивным, т. е. страдательным, — различие будет только в том, что в одном случае указан источник воздействия, отражаемого субъектом в качестве своего признака, а в другом — не указан. Во-вторых, если вообще и возможно использование существительного со значением лица в функции орудия, способа действия, то вряд ли можно усматривать такую функцию в данном примере, где уже имеются творительные падежи со значением орудия, способа (*орудиями*, *наймом*), не сочиненные с рассматриваемыми формами творительного падежа.

Одушевленное существительное в творительном падеже при возвратном глаголе страдательного значения закономерно обозначает только объект содействующий; это специфическая особенность именно возвратных глаголов страдательного значения, так как в синонимическом действительном обороте при производящем невозвратном глаголе творительный падеж такого существительного не возможен. В этом творительном падеже трансформировался субъект действия соотносительного действительного оборота: *ино-*

---

[25] Н. Н. Роде. Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке, стр. 22.

[26] Там же, стр. 20.

странцы посещают (музеи), *итальянцы игнорируют* (музеи), *старики поощряли* и *награждали* (все художественное), (влиятельное), *ядро вершит* (дела), *молодежь схватывает* (это), (весь) *свет поощряет* (труды), *дьячиха заслоняет* (дверь), *работники, крестьяне обрабатывали* (землю) и т. п.

Но если существительное, стоящее в творительном падеже при глаголе страдательного значения, представляет неодушевленный предмет, то значение такого творительного падежа может быть различным: он может обозначать и способ, и орудие, и косвенный объект, например:

«Тарань *продавалась вязанками*, а чухоня — поштучно» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Кофе ему не *берется пудами* из лучшего магазина, а *покупается* на гривенник в лавчонке» (И. А. Гончаров. Обломов).

«На всякий предмет, который *производился* не дома, а *приобретался покупкою*, обломовцы были до крайности скупы» (Там же).

«Линии *наносятся карандашом*, потом берется в руки рейсфедер, и они *обводятся краской*» (В. Кочетов. Журбины).

«Вырубались фруктовые деревья и виноградники, *замащивались булыжником* мостовые циклопической кладки» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Формы творительного падежа в данных примерах имеют различные значения, но не содействующего объекта. Те же существительные в той же форме творительного падежа с теми же самыми значениями возможны и при невозвратных производящих глаголах в соотносительных действительных оборотах: тарань *продавали вязанками*, кофе *берут пудами*, предмет *приобретают покупкой*, линии *наносят карандашом* и *обводят краской*, мостовые *замащивали булыжником*.

Творительный падеж подобных значений возможен и при возвратных глаголах иного, не страдательного значения, например:

«С этих плит падает стеклянными лентами вода и *разбивается* о нижние плиты радужными *брызгами*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Эти, не оставлявшие ребенка ни на минуту, бессознательные порывы к незнакомому ему свету *отпечатлевались* на его лице все глубже и глубже *выражением* смутного страдающего усилия» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

С другой стороны, широко представлены и такие случаи, когда творительный падеж неодушевленного существительного имеет значение содействующего объекта:

«И топот копыт уже *передавался землей* телу Рагозина» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Тот, кто съест вдруг два обеда, достигнет, может быть, большего удовольствия, но не достигнет цели, ибо оба обеда не *переварятся желудком*» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

«Короткие сумерки быстро *сменились* чудною, ласковою тропическою *ночью*» (К. М. Станюкович. Максимка).

«Исторические события *сопровождаются* не только всеобщим *возбуждением*, *подъемом* или *упадком* человеческого духа, но непременно из ряда выходящими *страданиями* и *лишениями*, которых не может отвратить человек» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«К таким явлениям, как раны, инфекция, газовая гангрена, как все те разрушения, которые *производятся* в человеческом теле *металлом* и невидимыми *существами*, именуемыми микробами, Данилов уже привык (В. Панова. Спутники).

«Все это сплеталось и звенело на фоне того особенного глубокого и расширяющего сердце ощущения, которое *вызывается* в душе таинственным *говором* природы» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

Формы творительного падежа существительных в данных примерах обозначают содействующий объект и другого истолкования получить не могут, так как по значению они указывают на источник воздействия, а с формальной стороны соответствуют подлежащим соотносительных действительных оборотов: *земля передавала* (топот), *желудок не переварит* (оба обеда), *ночь сменила* (сумерки), *возбуждение*, *подъем*, *упадок*, *страдания* и *лишения сопровождают* (исторические события), *металл* и невидимые *существа производят* (разрушения), *говор вызывает* (ощущение).

То обстоятельство, что отдельные существительные, обозначающие содействующий объект при глаголах страдательного значения, могут выполнять роль орудия или объекта в творительном падеже при производящем невозвратном глаголе, не является препятствием к устранению в данном конкретном их употреблении значения содействующего объекта, коль скоро в соотносительном действительном обороте они выступают в роли подлежащего, например:

«Но улыбка эта не искренняя, она *сопровождается вздохом*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«И снова все вокруг *охватывается мраком* и *тишиною*» (Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик).

Можно сказать: «он *сопровождает* свои слова *вздохом*» и «ночь *охватывает* все *мраком* и *тишиною*» — но в действительных оборотах, соотносительных с приведенными выше предложениями, слова *вздох*, *мрак* и *тишина* выступают в роли подлежащего: (ее) *сопровождает вздох*; *мрак* и *тишина охватывают* (все), — и поэтому должно признать, что эти слова в приведенных примерах выступают в функции содействующего объекта.

И все же творительный падеж при глаголе страдательного значения нередко может иметь двоякое истолкование, в зависимости от которого всему высказыванию сообщаются тонкие нюансы смысла, например:

«Компас, покрытый колпаком с вырезом, *освещался* маленькой *лампой*» (А. С. Новиков-Прибой. «Коммунист» в походе).

Это предложение может быть понято как: «компас освещала лампа» — и тогда творительный падеж воспринимается как выражение содействующего объекта, и как: «компас освещали лампой», — и тогда творительный падеж воспринимается как выражение косвенного объекта, или орудия. Сравните также:

«Стол *украшался самоваром* и такой же простой народной *снедью*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Всю ночь он слышал то удалявшуюся, то приближавшуюся канонаду. Она была как неумолчный стук часов, *ею отмеривалось* время» (К. Симонов. Дни и ночи).

Во всех подобных случаях, когда вопрос о значении творительного падежа при глаголе страдательного значения не может быть решен категорически и творительный падеж неодушевленного существительного в равной степени может пониматься и как выражение содействующего объекта и как выражение косвенного объекта или способа действия, возвратный глагол не терпит при этом никакого урона в своем страдательном значении, так как специфика страдательного значения не в трансформации субъекта производящего невозвратного глагола, а в трансформации объекта этого производящего глагола.

* * *

Содействующий объект может быть выражен не только формой творительного беспредложного падежа.

«Лицо действующее, — писал Ф. И. Буслаев, — поставляется или в творительном падеже, напр. «и встречен Веспер петухом», Пушк. ... или с предлогом *от*, напр. «облеченный властию от самозванца», Пушк.» [27].

Хотя данное замечание сделано по поводу страдательных причастий, но в такой же мере оно могло бы относиться и к возвратным глаголам страдательного значения, поскольку последние характеризуются сходным со страдательными причастиями управлением [28].

В современном русском языке предложно-падежные конструкции с предлогом *от* для обозначения объекта содействующего встречаются исключительно редко, например:

---

[27] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 353. См. также М. А. Тростников. Определение залогов в школьных грамматиках русских, латинских и греческих, стр. 11.

[28] Ср. у Ломоносова: «Аполлоний Алабенденский... тех, которые *от родителей* своих к нему в училище *присылались*, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал» (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, М.—Л., 1952, стр. 93).

«Что значит это молчание? Какой приговор *готовится* ей *от* самого проницательного, снисходительного *судьи* в целом мире?» (И. А. Гончаров. Обломов).

Обычно же в конструкциях с предлогом *от*, так же как и в конструкциях с предлогом *через* или с предлогом *посредством* значения обстоятельственные настолько сильны, что видеть здесь указание на содействующий объект не представляется возможным, хотя такие конструкции могут сопровождать возвратный глагол и страдательного значения, например:

«Затем ультиматум *через* аккредитованного *посла вручается* правителю враждебной державы» (А. Гайдар. Тимур и его команда).

«*Устранялись посредством наказания* десять безопасных для того, чтобы устранить одного истинно опасного» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Из всех живущих на воле людей *посредством суда и администрации отбирались* самые нервные, горячие, возбудимые, даровитые и сильные» (там же).

Содействующий объект выражается дательным падежом при глаголах страдательного значения, образованных от переходных глаголов, обозначающих пассивное действие субъекта (лица или живого существа), происходящее как бы помимо воли этого субъекта, например: *видеть, слышать, вспоминать, вспомнить, встретить, встречать* и т. п.

«В деланной беззаботности ее голоса, напевавшего песню, *мальчику слышалась* еще не забытая обида» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«Не успела она поднять трех рыжиков, вдруг *слышится ей*, что кто-то перекликается между деревьями» (Д. В. Григорович. Деревня).

«*Илье Ильичу* ясно *видится* и домашний быт его, и житье у Штольца» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Через четверть часа я спал уже глубоким сном, и во сне *мне виделись* действительные черти, весело выскакивающие из черного люка» (В. Г. Короленко. В дурном обществе).

«*Мне* часто *вспоминается* и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек» (В. Г. Короленко. Огоньки).

«*Ему вспомнилось* то время, когда он с Антоном Фердинандовичем мечтал сделать переворот в науке» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«И в молчаливом кабинете *Ему припомнилась* пора, Когда жестокая хандра За ним гналася в шумном свете» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Редко *встречались мне* в книгах мысли, которых я не слышал раньше, в жизни» (А. М. Горький. Мои университеты).

«Сколько раз в подъездах зданий И под сводами ворот *Мне встречался* этот ранний, Одинокий пешеход» (С. Маршак. Почта военная).

«Не за то проливали кровь французские солдаты первых дней войны, не такой *представлялась им* будущая судьба Европы» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Еще не бывших дней жара *Воображалась* в мыслях *кафру*» (Б. Пастернак. Варьяции).

Относительно принадлежности этих глаголов к глаголам страдательного значения существуют различные точки зрения. Первым заметил их сходство с глаголами страдательного значения И. П. Мучник: «На первый взгляд, — говорит он, — может возникнуть сомнение, имеется ли в данном случае страдательное значение. Однако при сопоставлении: *я вспомнил давнишнюю кавказскую историю* и *мне вспомнилась давнишняя кавказская история*, значение страдательности выступает довольно определенно» [29].

В. В. Виноградов, замечая вскользь, что «отнесение подобных примеров у И. П. Мучника к страдательному залогу с точки зрения современных синтаксических отношений не мотивировано» [30], выделяет эти глаголы в особый разряд возвратных глаголов с «средне-пассивно-возвратным» значением и дает им следующую характеристику: «В этом случае *-ся* обозначает, что объект действия изображается в роли его субъекта, а само действующее лицо, производитель действия, представляется в качестве косвенного объекта, на который направлено действие. Обычно это значение обнаруживается у личных глаголов при сочетании с дательным субъекта» [31].

Данная характеристика по существу ничем не отличается от той, которую обычно дают глаголам страдательного значения, и поэтому остается неясным, чем же отличается данный разряд отобъектных возвратных глаголов от страдательных.

В академической «Грамматике русского языка» эти глаголы квалифицируются как глаголы «несколько приближающиеся по своим значениям и по синтаксическим отношениям к глаголам страдательного залога, но не переходящие в страдательный залог» [32].

Страдательное значение возвратных глаголов определяется, как указывалось выше, двумя моментами: во-первых, тем, что устранённый присоединением частицы *-ся* прямой объект невозвратного переходного глагола становится субъектом действия возвратного глагола, и, во-вторых, тем, что лексическое значение страдательных глаголов предполагает полную пассивность субъекта действия.

Поскольку рассматриваемым глаголам полностью свойственны основные черты глаголов страдательного значения — отобъект-

---

[29] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 155.
[30] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 634.
[31] Там же.
[32] Грамматика русского языка, т. I, стр. 421.

ность и пассивность, — постольку нет никаких оснований отделять их от прочих возвратных глаголов страдательного значения.

В пределах же возвратных глаголов страдательного значения эти глаголы, хотя и весьма ограниченные количественно, но отличающиеся широким употреблением, могут быть выделены в отдельную группу страдательных глаголов, обозначающих, что и воздействие со стороны, выявляемое субъектом в качестве собственного признака, носит непроизвольный, пассивный характер.

Выражение содействующего объекта при этих глаголах дательным падежом не отличается строго закономерным характером. Некоторые страдательные глаголы сходной семантики могут иметь при себе содействующий объект, выраженный не дательным, а творительным падежом, например:

«В нем не было и тени той одаряющей приятности, благодаря которой человек, на деле ничем вам не помогший, *запоминается вами* с благодарностью навсегда» (О. Форш. Одеты камнем).

«Такой человек льстит себя надеждою, что слово горькой истины, облеченное в форму искусства, *услышится многими* и произведет желанное плодотворное впечатление, как все в сущности правое и по форме изящное» (А. Н. Островский. Письма).

С другой стороны, дательный падеж содействующего объекта возможен при некоторых глаголах, отличающихся несколько по значению от приведенных выше, например:

«Человек много думает на море разного, — сказал он мне, — разное думает о себе и о боге, о земле и о небе... Разное *думается человеку* на океане — о жизни, мой господин, и о смерти» (В. Г. Короленко. Без языка).

«У тебя голубые глаза, ну, а *мне полюбилися* карие» (М. Исаковский).

И даже:

«Или пойдет бродить окрест, И к ночи лишь вернется, Соленых рыжиков не ест, И чай *ему* не *пьется*» (Н. А. Некрасов. Горе старого Наума).

Сравните также глаголы *грезиться* и *мечтаться*, сопоставимые с ныне непереходными глаголами *грезить* и *мечтать*: при них также встречается дательный падеж содействующего объекта:

«Она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто *ей грезился* во сне» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«И *ей грезится* происшедшее во всей навязчивой застывшей очевидности» (К. Федин. Первые радости).

«Давно завидная *мечтается мне* доля» (А. С. Пушкин. Пора, мой друг).

«Вся соразмерная, гордая, стройная, *Мне* эта женщина часто *мечтается*» (Н. А. Некрасов. Дешевая покупка).

* * *

Часто бывает так, что производитель действия невозвратного глагола, не будучи представлен специальной падежной формой при возвратном глаголе страдательного значения, назван прямо в той или иной форме в предыдущем контексте, и поэтому содействующий объект не нуждается в отдельном выражении, а подразумевается, например:

«*Юлии Дмитриевне* он мог говорить о себе что угодно, и все *выслушивалось* с таким глубоким вниманием, что он вырастал в собственных глазах» (В. Панова. Спутники).

«Как в романах *Дюма* события нарочно *нагромождаются* в особенно важных главах, так и в эпилоге моей жизни одно за одним пошли необычайные приключения» (О. Форш. Одеты камнем).

«И теплое чувство благодарности и умиления охватило *Прошкино* сердце. *Он* хотел было выразить их словами, но слова не *отыскивались*» (К. М. Станюкович. Человек за бортом).

«— Вы поймите, — желая разъяснить дело, улыбаясь сказал пришедший за Нехлюдовым приказчик, — что *князь* отдает вам землю за деньги, а деньги эти самые опять в ваш же капитал, на общество *отдаются*» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Все было странно Нехлюдову, и страннее всего то, что ему приходилось благодарить и чувствовать себя обязанным перед *смотрителем* и *старшим надзирателем*, перед людьми, делавшими все те жестокие дела, которые *делались* в этом доме» (Там же).

«При этом *управляющий* извинялся в том, что несколько опоздал высылкой следуемых по расписанию к первому числу трех тысяч рублей. Деньги эти *вышлются* с следующей почтой» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«*Артели плотников*, надеясь на дорогие заработки, каждый день входили в Москву, и со всех сторон *рубились* новые и *чинились* старые, погорелые дома» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

«Глаза *игроков* дико следили за картами. Деньги *вынимались* и тотчас же *прятались* по карманам» (В. Г. Короленко. Сон Макара).

«*Испанцы* принялись чинить старые стены; изъяны, образовавшиеся в годы безмятежной тишины, торопливо *заделывались*» (В. Г. Короленко. Мгновение).

«*Полиция* тотчас же занимает выгодную позицию нападающей стороны. И клобы *пускаются* в ход быстро, решительно, с ошеломляющей неожиданностью» (В. Г. Короленко. Без языка).

«Белье на теле *мальчика носилось* иногда без перемены по две недели» (Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик).

«*Гости* разбились на естественные группы, в которых *велись* соответствующие их интересам беседы» (О. Форш. Одеты камнем).

«*Матросы* и *офицеры* на своих местах. Каждый знает, что это не встреча с неприятелем, а здесь предстоит ночевка. Поэтому никто не тревожится. Тем не менее чувствуется напряженность, и каждое слово командира *ловится* слету» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

«*Красная армия* оттесняла врага к западу. Один за другим *освобождались* районы, оккупированные неприятелем» (В. Панова. Спутники).

«*Лошади* с грубой дерзостью таскали из рептухов сено, большая часть его падала им под ноги, в навоз, и *затаптывалась*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Реже встречаются и менее показательны случаи, когда название возможного или предполагаемого содействующего объекта стоит в последующем тексте, а возвратный глагол страдательного значения предшествует этому названию, например:

«Всего охотнее эта помощь *оказывается* в виде пособия „на дорогу", посредством которого *якутская община* старается как можно скорее выпроводить поселенца куда-нибудь на прииск» (В. Г. Короленко. Соколинец).

«В столовой, убранной с изящной простотой, ярко заблистали приветные огоньки, *накрывался* большой круглый стол; *Захар*, произведенный в мажордомы, с совершенно седыми бакенбардами, *накрывает* на стол» (И. А. Гончаров. Обломов).

Производитель действия невозвратного глагола, или предполагаемый содействующий объект возвратного глагола, может быть известен из более широкого контекста, чем ближайшие к возвратному глаголу страдательного значения одно-два предложения. Так, например, в предложении из «Первых радостей» К. А. Федина: «Когда *допивалась* вторая бутылка, татарчонок, отсчитывая сдачу, весело звякнул кисетом с деньгами», — содействующий объект отсутствует, но из широкого контекста известно, что пили кумыс Лиза с Кириллом. Также в предложении: «За последний день Аночка *вспоминалась* гораздо меньше, чем в начале пути» (К. Федин. Необыкновенное лето), — содействующего объекта нет, однако известно, что это Кирилл вспоминал Аночку реже.

А вот, например, в стихотворении А. Сухова «Дорога к полетам» описываются чувства летчика, бывшего токаря, впервые самостоятельно поднявшегося в воздух:

«Плывут облака, распушив паруса,
Веселое солнце смеется...
Внизу — заводские свои корпуса,
Знакомый свой цех *узнается*».

Во всех подобных случаях, где в самом предложении с глаголом страдательного значения нет указания на содействующий объект и только более или менее широкий контекст дает представление

о нем, подчеркивается и выделяется в качестве наиболее существенного для данного высказывания самый процесс, признак субъекта, а источник или причина отражаемого воздействия, хотя и предполагаются, но не представляются существенными. Так, например, Алексею из «Журбиных» В. Кочетова обидно было не то, что съели его завтрак именно отец со своим приятелем, а то, что завтрак был съеден и инсценировка «завтрака знатного стахановца» сорвалась — это и подчеркивает автор тем, что не указывает в предложении на содействующий объект:

«Алексей отошел в сторону и мрачно следил, с какой скоростью *опустошались* тарелки с его припасами».

* * *

Дополнение со значением содействующего объекта при глаголе страдательного значения может отсутствовать и без прямого указания в контексте на возможный или предполагаемый конкретный содействующий объект. Это наблюдается тогда, когда содействующий объект мыслится неопределенно, подобно тому, как неопределенно мыслится субъект в синонимических действительных оборотах, представленных неопределенно-личными предложениями.

«В лаборатории Павлова в течение ряда лет *изучались* экспериментальные неврозы у собак, для чего у животных искусственным путем *создавали* невротические состояния» (О. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии).

В синонимическом действительном обороте: «в лаборатории Павлова *изучали* неврозы», — субъект мыслится так же неопределенно, как и объект содействующий в предложении со страдательным глаголом *изучались*.

То же самое можно заметить и в следующих предложениях:

«Вообще там денег тратить не *любили*, и как ни необходима была вещь, но деньги за нее *выдавались* всегда с великим соболезнованием» (И. А. Гончаров. Обломов).

«С базара *привозили* полную телегу березок и травы, — березки *расставлялись* в углах комнат, *подвешивались* на притолках дверей» (К. Федин. Первые радости).

Иногда синонимические страдательный и действительный обороты используются для описания одного и того же факта, что служит наглядным подтверждением их смысловой близости:

«Мальчик и товарищ его тотчас повинились, и оба были посажены в острог. Товарищ мальчика, слесарь, умер в тюрьме, и вот мальчик *судился* один» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

А на следующей странице этот же факт излагается следующим образом:

«Они во всем сознались. Их посадили в тюрьму, где слесарь,

дожидаясь суда, умер. Мальчика же вот теперь *судили*, как опасное существо, от которого надо оградить общество» (Там же) [33].

Субъект действия производящего невозвратного глагола в неопределенно-личном предложении не имеет отдельного выражения в виде подлежащего, а выражается в самом сказуемом синтаксическими формами лица и числа глагола, в возвратном же глаголе страдательного значения эти синтаксические формы лица и числа уступают свое место новым синтаксическим формам согласования с новым субъектом (возникшим из объекта производящего глагола), и таким образом исчезают полностью грамматические следы прежнего субъекта, т. к. дополнение со значением объекта, помогающего, способствующего проявлению признака субъектом страдательного глагола, отсутствует. Предложения такого типа весьма широко распространены:

«Я получил от «Русской беседы» 500 оттисков, которые теперь и *продаются* по 1½ рубля» (А. Н. Островский. Письма).

«Шургин. Странно! И *терпелся* такой порядок, такие злоупотребления, такая распущенность!» (А. Н. Островский. Счастливый день).

«Вражда умирится влияньем годов. Пред временем рухнет преграда. И вам *возвратятся* пенаты отцов И сени домашнего сада» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Григорий в семинарии В час ночи просыпается И уж потом до солнышка Не спит — ждет жадно ситника, Который *выдавался* им Со сбитнем по утрам» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Как и чем *засевались* поля при дедушке, какие были пути сбыта полевых продуктов тогда, такие остались и при нем» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Платье ему *шилось* по вывезенному из деревни образцу» (Там же).

«После каникул *вывешивался* список имен переведенных в число вольнослушателей за неявку на экзамены» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Такие отобранные советом композиции *уносились* в инспекторскую, и там авторы через инспекцию получали их с замечаниями совета» (Там же).

«Академические свидетельства тогда *выдавались* с приложением большой круглой академической печати» (Там же).

«Присутствие Мурашко опять вызвало все впечатления казни, и мы, идя по Большому проспекту Васильевского острова, начали вспоминать все подробности казни и слухи об арестах — везде *арестовывалась* молодежь» (Там же).

---

[33] Заметим попутно, что этим же примером наглядно иллюстрируется и синонимичность страдательного причастия без дополнения, указывающего на содействующий объект, и неопределенно-личной формы глагола: *оба были посажены — их посадили.*

«Обед *подавался* по новому, еще невиданному Нехлюдовым способу» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«В его речи было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что *принималось* тогда и *принимается* еще и теперь за последнее слово научной мудрости» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«В кружок Анны Павловны *принимались* из французов только закоренелые легитимисты, и здесь *выражалась* патриотическая мысль о том, что не надо ездить во французский театр» (Там же).

«На бурсацком языке такие жалобы, действительно, и *назывались* бунтами и *преследовались* как бунты» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Десять копеек, взятые на недельный срок, *оплачивались* пятнадцатью копейками» (Там же).

«Табак *покупался* у Захаренки, который молол его из махорки и потому продавал довольно дешево» (Там же).

«Отзывы, которые иногда как бы мимоходом *бросались* при мальчике об арестантах, не оставляли никакого сомнения» (К. М. Станюкович. Побег).

«Шум ярмарки умолкал; толпа в городе постепенно редела; *скидывались* ятки, *запирались* лари, лавки» (Д. В. Григорович. Антон-горемыка).

«Поезд не успевал тронуться, как пассажир был уже осведомлен о происходящем на всей земной планете: ему *вручалась* газета последнего дневного выпуска» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Жалоба Арсения Романовича еще не *рассматривалась*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«На стенках котлов нарос слой толщиной почти в дюйм, хотя котлы *продувались* каждые четверть часа» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«До последнего времени на этих лодках *перевозилась* глауберова соль (мирабилит) с отдаленных промыслов в пролив» (Там же).

«Проценко... собственноручно составил общее донесение и приказал отпечатать его на машинке. Донесение еще *печаталось*, когда Сабуров вошел к Проценко» (К. Симонов. Дни и ночи).

«Даже ванна и души были заперты на ключ и *открывались* только к ночи на полчаса, на час» (А. Гайдар. Военная тайна).

Как свидетельствуют приведенные примеры, глаголы страдательного значения при неопределенно-представляемом содействующем объекте реже обозначают отдельные конкретные действия, а чаще — действия постоянные или повторяющиеся. Из этого не следует, однако, что значение обычности или повторяемости действия сопряжено с непременным отсутствием дополнения, указывающего на содействующий объект. При обозначении страдательным глаголом действия обычного или повторяющегося возможен

творительный падеж содействующего объекта, если это повторяющееся или обычное действие всегда и постоянно связано с определенным, тем же самым содействующим объектом, например:

«Она [песня] по пьяным праздникам Как плясовая *пелася Попами* и *дворовыми*» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Впрочем, не вечно чужою *рукой* Здесь *закрываются* очи» (Н. А. Некрасов. В больнице).

«В большинстве случаев такие обиды терпеливо *сносились учениками*» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Свидетельство сторожа (так ученики звали прислугу) или жалобы его всегда *уважались начальством*» (Там же).

«Гриб удивительной величины или чрезвычайной малости *приносился птичницей* к матушке-енеральше» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Мои эскизы не раз уже *замечались товарищами*, и этот при появлении вызвал большой интерес» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Все его предложения, направленные, как он был уверен, к пользе службы, систематически *отвергались* этим «*бесхарактерным человеком*», как презрительно называл барон капитана» (К. М. Станюкович. Куцый).

«Небо все чаще *заволакивалось тучами*, окрестности тонули в туманном сумраке» (В. Г. Короленко. В дурном обществе).

«Жалобы офицеров, „спасавшихся" в Париже от революции, часто *мною оставлялись* без ответа» (А. И. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«И с тех пор началась для Масловой та жизнь хронического преступления заповедей божеских и человеческих, которая *ведется сотнями и сотнями тысяч женщин* не только с разрешения, но под покровительством правительственной власти» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Таким образом, отсутствие дополнения в творительном падеже при глаголе страдательного значения не связано непосредственно со значением обычности или повторяемости действия, а вызывается отсутствием потребности или невозможностью назвать содействующий объект, представляющийся в виде неопределенного круга лиц. Круг лиц, возможных или предполагаемых при этом в качестве мыслимого содействующего объекта, определяется в первую очередь лексическим значением слов, выступающих в качестве подлежащего и сказуемого данного предложения. Так, если мы возьмем предложение: «Нескладно пишутся пьесы, скажу вам. Никаких объяснений, одни разговоры» (В. Кочетов. Журбины), — то заметим, что ни второстепенные члены, ни последующий контекст ничего не добавляют к предположению о возможном содействующем объекте, которое возникает уже в результате

предикативного сочетания слов: *пишутся пьесы*. Однако в других случаях второстепенные члены помогают ограничить и в какой-то степени конкретизировать представление о содействующем объекте. Так, например, из предикативного сочетания слов: *стелются брезенты*, — мы не выносим никакого ограничения для представления о содействующем объекте, тогда как все предложение в целом позволяет нам несколько конкретизировать это представление:

«Водка роздана. На палубе стелются брезенты. Артельщики разносят баки с дымящимися щами» (К. М. Станюкович. Своим судом).

Конечно, не всякие второстепенные члены предложения способствуют конкретизации представления о содействующем объекте.

«Этот процесс во времена оны *велся* с таким же захватывающим интересом, с каким ныне *читается* фельетонный роман» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

В обеих частях этого сложного предложения как при подлежащих, так и при сказуемых, выраженных глаголами страдательного значения, имеются второстепенные члены предложения: тут и определения, и обстоятельства времени, и обстоятельства образа действия, — но ни один из этих второстепенных членов не способствует выяснению и ограничению представления о содействующих объектах действий глаголов *велся* и *читается*. Ограничивают круг лиц, мыслимых как возможный содействующий объект, преимущественно такие обстоятельства и дополнения, которые называют среду, место, организацию, учреждение и т. п., имеющие отношение к действию. Эти обстоятельства и дополнения выражаются предложно-падежными конструкциями, чаще всего — существительными в предложном падеже с предлогом *в*, например:

«Забота о пище была первая и главная забота *в Обломовке*. Какие телята *утучнялись* там к годовым праздникам! Какая птица *воспитывалась*!.. Индейки и цыплята... *откармливались* орехами... Какие меды, какие квасы *варились*, какие пироги пеклись в Обломовке!» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Дело шло о статье *в газете*, в которой *изобличались* мошенничества одного председателя акционерной компании» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Наш национальный бес честен, весел и отчасти глуповат: так он *представляется в* народных *сказках* и *легендах*» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«*В квартире* по прямому коридору *сдавалось* несколько светлых комнат на солнечную сторону» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Все *в провинциальном городке* должно быть тщательно прикрыто за вековыми каменными стенами домов и наглухо закрытыми серыми ставнями. Окна *открываются* только для утренней уборки квартиры и для проветривания летом перед закатом солнца» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«*Во французской армии* порядок увольнения в отпуск был единым от главнокомандующего до рядового, и строго при этом *соблюдался*» (Там же).

«Деловые свидания *назначались в Лондоне* не в столь ранние часы, как в Париже» (Там же).

«Не забудутся никогда и те небольшие отрядики пионеров с красными галстуками, которым мы устраивали приемы в нашем павильоне в Марселе. Конфеты съедались, но бумажки с надписью «Красный мак» или «Арктика» *хранились* на память *в рабочих семьях*, как драгоценная святыня» (Там же).

«Нужно сказать, что Матвей и Дыма *считались в своих местах* людьми степенными (В. Г. Короленко. Без языка).

«Человек был без блеска, но с большим характером, такие *в деловых сферах* очень *ценятся* (В. Г. Короленко. Не страшное).

«*В этих щелях*, куда инстинкт и скука жизни забивают людей, *создаются* из нелепых слов трогательные песни о тревогах и муках любви» (А. М. Горький. Мои университеты).

«*В научной литературе* эти места *упоминаются* довольно часто» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«В большие праздники — годовщину Октябрьской революции и Первого мая — *в учреждениях устраивались* вечера для сотрудников» (В. Панова. Спутники).

«В салотопне, у мыловаренного котла или *в сапожной*, где *стегались* суконные голенища из армейского старья, было совсем малолюдно и тихо» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Никаких счетов и документов и в помине тогда *в деревне* не было, а сдача и прием товаров *производились* по памяти» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Реже встречаются другие предложно-падежные конструкции:

«Будучи учеником, он *в семье* и *среди знакомых принимался* как взрослый человек» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«*Из всех вотчин* возами привозилась бабья натуральная повинность: сушеные грибы, ягоды, яйца, овощи и проч. Все это *мерялось*, *принималось* и *присовокуплялось* к запасам прежних годов» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«В то время *на* всех *выставках* Европы в большом количестве *выставлялись* кровавые картины» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«*На этом матросском суде Линча* обыкновенно *постановлялось* решение: «проучить боцмана», что и *приводилось* в исполнение при первом съезде на берег» (К. М. Станюкович. Нянька).

Все приведенные примеры могли бы быть перестроены по типу неопределенно-личных предложений с производящими невозвратными глаголами в сказуемом, причем выделенные второстепенные члены служили бы в этих предложениях косвенным указанием на возможный или предполагаемый субъект действия, например: *какие квасы варили, какие пироги пекли в Обломовке*; *таких в деловых сферах очень ценят*; *в научной литературе эти места упо-*

минают; в учреждениях устраивали вечера; в деревне сдачу и прием товаров производили по памяти; на матросском суде постановляли и т. д.

Конечно, предложения с глаголами страдательного значения не тождественны с предложениями неопределенно-личными ни по своему значению, ни по стилистическому использованию, но они близки по своему общему содержанию и по ряду частных особенностей, и это позволяет сопоставлять их при изучении глаголов страдательного значения и сопутствующих им второстепенных членов предложения.

Если существительное предложно-падежной конструкции обозначает группу лиц (обычно это существительное множественного числа в родительном падеже с предлогом *у*), то не исключается такое понимание предложения, при котором названная группа лиц мыслится как содействующий объект для данного глагола страдательного значения, например:

«Обыкновенно *у всех* — и *у добрых хуторян*, и *у зажиточных паромщиков*, и *у мукомолов*, ведущих большую торговлю мукою и зерном, — *выставлялась* на стол горілка, *вытаскивались* кныши, *жарилась* яичница с салом и рождественскими колбасами; *приносились* из погребов соленые арбузы, *жарились* осетры в сметане» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«В XVI веке *у турок* эти должности еще *практиковались* и остались в наших песнях и былинах казачества Запорожья» (там же).

«*У якутов* по зимам никогда не *прекращается* топка, и потому у них нет приспособлений для закрывания трубы» (В. Г. Короленко. Соколинец).

«А длинная борода *считалась у нас* единственным украшением мужика» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Смех и веселье оздоровляют организм, а *у нас* всюду *организуются* клубы, люди имеют возможность повеселиться, вдоволь посмеяться (О. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии).

Однако это не единственное возможное понимание таких конструкций: выделенные предложно-падежные формы можно истолковывать подобно предложно-падежным формам с предлогом *в*, как дающие только косвенное указание на содействующий объект, особенно если в этих предложно-падежных формах стоят местоименные существительные, за которыми часто может стоять значение места или более широкого круга лиц, чем тот, который представляется неопределенно в качестве содействующего объекта, например, «у нас» в последних примерах можно понимать как: «в нашей деревне; в Советском Союзе» и т. п.

Сравните также:

«Рождение первенца-сына *считается в туркменских семьях* счастливым предзнаменованием» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Память о Чижике свято *хранится в семье* Александра Васильевича» (К. М. Станюкович. Нянька).

Могут быть и иные, менее определенные косвенные указания на возможный или подразумеваемый содействующий объект, например, указание на орудие действия или на предмет, связанный с этим действием:

«За собором, под откосом, тюкали плотничьи *топоры* — тюк, тюк: *тесались* брусья под виселицы» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Неопределенность содействующего объекта граничит с неизвестностью содействующего объекта, т. е. могут быть такие случаи, когда действие данного возвратного глагола страдательного значения предполагает содействующий объект, но он остается невыясненным, неизвестным, например:

«Если, например, мундштучок для пахитос, уложенный на столе паралельно с карандашом, *отодвигался* в сторону, граф тотчас же замечал это и начинались расспросы: кто переставил? Зачем? Почему? и т. д.» (Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик).

«Матросы капитана не особенно любили и все хорошее, что *делалось* для них на клипере, всегда приписывали старшему офицеру» (К. М. Станюкович. На Чайке).

«У присутственных мест дожидаются Сотни сотен крестьянских саней, И так щедро с небес *посыпаются*, Что за снегом не видно людей» (Н. А. Некрасов. О погоде).

«В истинности слов, что порок *наказывается* и на земле, которые г. министру народного просвещения угодно было поставить мне на вид, я не только никогда не сомневался...» (А. Н. Островский. Письма).

«Тетушки не видали еще таких и не знали, что у этого Шенбока было двести тысяч долгу, которые — он знал — никогда не *заплатятся*, и что поэтому двадцать пять рублей меньше или больше не составляли для него расчета» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Дополнение в творительном падеже со значением содействующего объекта или какое бы то ни было косвенное указание на содействующий объект отсутствует и в тех случаях, когда содействующий объект мыслится обобщенно, т. е. когда им может быть любой, каждый, всякий, например:

«Радости *забываются*, а печали никогда» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Почему в этот день ярче *чувствуется* горе и радость, нежели накануне, нежели потом?» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Вы в той поре, когда чужая попытка откровенного разговора *принимается* за покушение на внутреннюю свободу» (К. Федин. Первые радости).

«Редко *отыщется* человек, который на вопрос совести — как он живет? — ответил бы, что живет вполне правильно» (К. Федин. Первые радости).

В синонимических действительных оборотах выступают обобщенно-личные конструкции с переходными глаголами во 2-м лице единственного числа или в 3-м лице множественного числа, например: *радости забываешь, редко отыщешь, ярче чувствуешь горе и радость, попытку разговора принимают за покушение на свободу* и т. п.

Как в односоставных личных предложениях субъект мыслится только в качестве неопределенного круга л и ц или обобщенного л и ц а, так и невыраженный содействующий объект, представляемый неопределенно или обобщенно, мыслится только как л и ц о.

Таким образом, отсутствие творительного падежа содействующего объекта, затруднительность или даже невозможность постановки его при возвратном глаголе страдательного значения объясняется в одних случаях наличием в контексте иного, прямого или косвенного, указания на содействующий объект; в других случаях — отсутствием необходимости или возможности указать содействующий объект, поскольку он мыслится неопределенно или обобщенно, а то и вовсе неизвестен.

* * *

Отсутствие прямого или косвенного указания на содействующий объект может быть связано с приобретением глаголом страдательного значения некоторых дополнительных смысловых оттенков. Наиболее распространенным из них является оттенок долженствования, например:

«Пользоваться нотами слепому вообще трудно. Они *отдавливаются*, как и буквы, рельефом, причем тоны *обозначаются* отдельными знаками и *ставятся* в один ряд» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

При таком значении возвратного страдательного глагола имеется в виду не конкретный факт, а факт в отвлечении от конкретности, являющийся так сказать отражением всех подобных фактов при разнообразных содействующих объектах, в результате чего устанавливается определенная закономерность, обобщенность самого действия, для выражения которой конкретный содействующий объект не имеет никакого значения: он устраняется из высказывания именно для того, чтобы подчеркнуть и выпятить самое закономерность данного факта при любом содействующем объекте. Синонимический действительный оборот может быть выражен, так же как и в ранее рассмотренных случаях, неопределенно-личной конструкцией: *их отдавливают рельефом, тоны обозначают отдельными знаками и ставят в один ряд*, — но оттенок долженствования при этом выражен не столь явственно, поскольку

синтаксические формы глагола-сказуемого все же указывают на субъект действия. Можно передать этот оттенок значения инфинитивом переходного глагола с присоединением слов, лексически выражающих долженствование: *полагается, следует, нужно, должно* и др.: *их полагается отдавливать рельефом, тоны нужно обозначать отдельными знаками и ставить в один ряд.*

«Эх, братец! На все есть манера; многое не *говорится*, а *отгадывается*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«*Закладывается* дуга, *поднимается* нога к хомуту, чтобы стянуть гужи тонким ремнем супони, *продевается* повод в кольцо дуги, *заважживается* лошадь, — готово» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Огромный стеклянный колпак, каким *накрывается* сыр, совсем пустой стоял на светло-желтом мраморе подоконника» (О. Форш. Одеты камнем).

«Днем он шагал, поворачиваясь в одном углу правым плечом, в другом левым, как *пишется* восьмерка» (К. Федин. Первые радости).

«Первый способ состоит в том, что *вычисляется* объем пор и пустот в газоносной породе» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

Страдательные глаголы с данным оттенком значения особенно широко используются тогда, когда даются указания для проведения тех или иных действий, мероприятий и т. п., например:

«Объяснение этого вопроса заключается в следующем: а) к данному числу *приписывается* справа один нуль; б) полученное число *сравнивается* с данным и устанавливается, что оно увеличилось в 10 раз; в) *выясняется*, что от приписывания одного нуля число увеличивается в 10 раз, потому что после приписывания нуля каждая цифра переместилась влево на одно место; г) *выводится* правило: «Чтобы увеличить число в 10 раз, достаточно приписать к нему справа один нуль» (А. С. Пчелко. Методика преподавания арифметики в начальной школе).

«В каждый ящик или отделение ящика *вставляется* этикетка с названием растения, датой посева и фамилией юнната, производившего посев. Землю после посева надо полить. Поливка *производится* из лейки с мелким ситечком... Ящики *ставятся* на окно, обращенное на юг» (М. Н. Скаткин. Внеклассная работа по естествознанию в начальной школе).

«Настоящий стюдень только говяжий. *Варится* он из одних ног» (К. Федин. Необыкновенное лето) [34].

Не следует думать, что оттенок долженствования в страдательном глаголе может проявляться только в формах настоящего

---

[34] В специальной литературе рецепты приготовления блюд чаще даются в форме инфинитивных предложений, например: «Сваренные вкрутую яйца *очистить, разрезать* поперек на две части, *вынуть* желтки и *заполнить* салатом» («Книга о вкусной и здоровой пище». М., Пищепромиздат, 1952).

времени. Если обобщаются факты, имевшие место в прошлом, то данный оттенок значения может быть выражен и формами прошедшего времени. Вот как, например, описывает И. Е. Репин изготовление пасхальных писанок:

«*Выбирались* утиные или куриные яйца размером побольше. *Делалось* два прокола в свежем яйце — в остром и тупом конце, и сквозь эти маленькие дырочки терпеливым взбалтыванием *выпускалась* дочиста вся внутренность яйца. После этого яйцо долго *чистилось* пемзой... На одной стороне *рисовалось* воскресение Христа; оно *обводилось* пояском какого-нибудь затейливого орнамента буквами «Х. В.» На другой можно было рисовать или сцену преображения или цветы — все, что подходило к великодню. По окончании этой тончайшей миниатюры на яйце она *покрывалась* спиртовым белейшим лаком; в дырочки *продергивался* тонкий шнурок с кисточками и завязывался искусными руками» (Далекое близкое).

«Хоробрых больше всего ценил в этих лодках то, что они *делались* без конопатки — отдельные доски *пригонялись* друг к другу «под нож» с исключительной точностью» (К. Паустовский. Кара-Бугаз)

«Самая искусная работа была с платком и полушалком: вниз старательно *повязывался* белый платок, а поверх — алый полушалок» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Другим существенным оттенком значения, возникающим в возвратных глаголах страдательного значения при отсутствии прямого или косвенного указания на содействующий объект, является значение свойства, возможности или невозможности для предмета подвергаться определенному воздействию. Нет достаточных оснований для выделения этих глаголов в самостоятельный разряд или группу. Значение свойства в глаголе не есть специфическое значение возвратных глаголов, которое можно было бы противопоставлять другим значениям возвратных глаголов, связанным именно с присоединением частицы *-ся* к невозвратным глаголам. Значение свойства может широко возникать и в невозвратных глаголах, особенно в формах настоящего времени, которое имеет значение не только действия, происходящего в момент речи, но и действия обычного, постоянного, например: *птицы летают*, а *рыбы плавают*; *мел пачкает*; *скромность украшает* человека и т. п.

Можно допустить, что в глаголах страдательного значения оттенок значения свойства возникает с большей легкостью, чем в других глаголах, особенно невозвратных, в силу специфики страдательного значения, указывающего на полную пассивность субъекта действия. Выше говорилось о том, что страдательные глаголы, не сопровождаемые творительным падежом содействующего объекта, часто обозначают обычное, постоянное действие, а из значения постоянного, обычного действия легко возникает значение обладания субъектом «способностью подвергаться какому-ни-

будь действию»[35], т. е. возникает частный случай страдательного значения, так как специфические особенности страдательного значения: отобъектность и пассивность — при этом полностью сохраняются, только несколько усложняются. Многие исследователи отграничивают значение пассивного свойства от значения страдательности. Однако если мы полностью оторвем рассматриваемый оттенок значения от страдательного значения, то не уясним различия между такими способами выражения свойства, как: *кротость обезоруживает, собака кусается, платье марается*, — тогда как различие между этими случаями именно в том, что в первом из них значение свойства возникает в невозвратном глаголе, во втором — в возвратном нестрадательном, в третьем — в возвратном страдательном. При таком подходе немотивированной остается возможность образования от одного невозвратного переходного глагола возвратного глагола с двумя различными значениями свойства, как: «белое *платье* быстро *марается* в дороге» и «не прикасайтесь к стене, *она марается*»[36]. Глагол *мараться*, действительно, в обоих случаях имеет значение свойства, но это значение свойства присоединяется в приведенных примерах к различным основным значениям возвратных глаголов.

О том, что значение пассивного свойства является лишь оттенком значения, сопутствующим основному, страдательному значению, свидетельствует также отсутствие возвратных глаголов, которые имели бы только одно значение пассивного свойства.

Оттенок свойства могут приобретать страдательные глаголы только несовершенного вида, как, впрочем, и оттенок долженствования. Наиболее ярко значение свойства проявляется в страдательных глаголах «при наличии наречных качественных определений образа действия»[37], например:

«Как раз волки *замечательно приручаются*» (О. Перовская. Ребята и зверята).

«Братцы! Стар я стал. Спина *плохо гнется*» (А. С. Новиков-Прибой. Порченый).

Однако наличие такого качественного определения образа действия отнюдь не обязательно для значения пассивного свойства:

«Рука, просто как каменная, не *ворочается*» (И. С. Тургенев. Бежин луг).

«Все прощает бог, А Иудин грех не *прощается*» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, *опоражнивается*» (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся).

---

[35] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 635.

[36] Оба примера взяты из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

[37] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 635.

«Мое утверждение, что Бейдеман не безумен, как они было склонялись признать, привело их к убеждению, что того, кто не *гнется*, всего проще сломать» (О. Форш. Одеты камнем).

«На что теперь коза? Все равно не *доится*» (К. Симонов. Дни и ночи).

Что касается форм времени, то, хотя значение постоянного признака, признака-свойства более свойственно формам настоящего времени, это значение нередко выступает и в формах прошедшего времени, поскольку это значение слова, а не его формы, например:

«(Особняк) легко *запоминался* по тамбуру парадного крыльца, выступавшему на тротуар» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Хоть дверь *отворялась* свободно, но Захар отворял так, как будто нельзя было пролезть» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Второй раз держал он тонкую кисть, в которой *прощупывалась* каждая косточка» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Изба, где водворился Петр, была прочная, выстроена лет пять назад, с тремя окнами, светлая, *отапливалась* она по-белому» (А. С. Новиков-Прибой. Порченый).

«Понятие какой бы то ни было безопасности исчезло: все пространство, без исключения, *простреливалось*» (К. Симонов. Дни и ночи).

Иногда значение возможности или невозможности для предмета подвергаться воздействию со стороны не носит характер постоянного или стойкого свойства, а приурочивается только к определенному моменту, например:

«Командир осматривает лодку. На лице его никакой тревоги. Это успокаивает нас. Пробуем перископы. Они не *поднимаются* и не *поворачиваются*» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

«Нивель тяготился службой, но у него не было других средств к существованию — книги его не *продавались*» (И. Эренбург. Буря).

К глаголам страдательного значения с оттенком возможности или невозможности подвергаться определенному воздействию как свойства предмета обычно не бывает синонимических действительных оборотов в виде неопределенно-личных или обобщенно-личных конструкций, однако этот оттенок значения легко передается инфинитивом переходного глагола с присоединением слов, лексически указывающих на возможность или невозможность произвести данное действие над объектом, т. е. слов: *можно, возможно, невозможно, нельзя* и др., например: кедр *нельзя хорошо полировать*, грушу *можно великолепно полировать*, волков *можно замечательно приручать* и т. п.

Однако следует отметить, что парафразы с инфинитивом во многих случаях заключают в себе не производящий глагол несовершенного вида, а родственный глагол совершенного вида, например: спину *трудно согнуть*, грех *простить нельзя*, каждую косточку *можно было прощупать* и т. п. Сравните:

«— Тут в некоторых местах нарушен забор. Вы не пробовали — через эти проломы в случае чего *можно выкатить* пушки? — Так точно. Пробовал. *Выкатываются*» (В. Катаев. Сын полка).

«— Боярского, говорит, или не боярского, а уж порода такая: сломать ее, говорит, можно... Вы и то уж сломали... Ну, а *согнуть*, — сам чай видел: не *гнутся* этакие» (В. Г. Короленко. Чудная).

«В обратную сторону ключ не *поворачивался*, и замок не *закрывался*. Мало того: *вынуть* ключ из скважины *было* теперь *невозможно*, и он торчал, бросаясь в глаза сразу же от дверей» (А. Гайдар. Судьба барабанщика).

Указанные оттенки значения, сопутствующие страдательному значению возвратных глаголов, могут сближаться между собой и обнаруживаться в одном и том же глаголе, в одном и том же контексте, например:

«Никогда не простят и не забудут человеку, что он не смог сберечь боевое оружие! Оно не *продается* и не *покупается*» (там же).

Не продается и *не покупается* = «его не полагается продавать и покупать» или «его невозможно продать и купить».

Поэтому глаголы со значением пассивного свойства нельзя отделять от страдательных, а можно лишь говорить об особом значении, сопутствующем страдательному или усложняющем его.

Таким образом, отсутствие творительного падежа содействующего объекта, затруднительность или даже невозможность постановки его при возвратном глаголе страдательного значения объясняется в одних случаях наличием в контексте иного, прямого или косвенного указания на содействующий объект; в других случаях — отсутствием необходимости или возможности указать содействующий объект, поскольку он либо мыслится неопределенно или обобщенно, либо неизвестен; в третьих случаях — особыми оттенками значения, сопутствующими основному, страдательному значению глагола. Но ни в одном из указанных случаев возвратный глагол не претерпевает изменения в той стороне своего значения, которая связана с трансформацией объекта производящего переходного глагола в субъект производного возвратного и с пассивностью действия данного возвратного глагола, т. е. возвратный глагол остается глаголом страдательного значения, несмотря на отсутствие творительного падежа содействующего объекта.

Кроме того, среди возвратных глаголов имеется значительное количество таких, которые, независимо от наличия второстепенных членов предложения и других особенностей структуры предложения, никакого другого значения, кроме страдательного, не имеют, и поэтому наличие или отсутствие при них творительного падежа содействующего объекта не может оказывать влияния на их страдательное значение, например:

«Огонь *велся* крайне систематично» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«*Ставились* опыты с культурами одноклеточных» (О. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии).

«Ему *указывалось* то самое положение против Калуги, в котором он уже находился» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Для констатации страдательного значения возвратных глаголов в приведенных примерах, количество которых без труда можно умножить, творительный падеж содействующего объекта отнюдь не обязателен.

Ср. также глаголы: *взваливаться, внушаться, вывешиваться, выдавливаться, выигрываться, вылепливаться, выполняться, перевыполняться, планироваться, вырубаться, доставляться, замачиваться, запеваться, изучаться, наделяться, одолеваться, отвергаться, отрицаться, ощущаться, праздноваться, предназначаться, преследоваться, приурочиваться, свергаться* и многие другие, имеющие только страдательное значение.

Иногда возвратный глагол может иметь, кроме страдательного, еще и безличное значение, например: *поется — пелось, пишется — писалось* и т. п., — но личные формы и здесь имеют только страдательное значение, независимо от наличия или отсутствия творительного падежа содействующего объекта:

«Через несколько минут *поется* концерт. Ни одного дикого звука нет в классе» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«— Для кого, — говорит, — та песня *пелась*, того уже нету на свете» (В. Г. Короленко. Лес шумит).

«Картина *писалась* по заказу великого князя» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Если мы обратимся к многозначным возвратным глаголам, совмещающим страдательное значение с каким-либо иным возвратным значением, то должны будем признать, что и контекст, и структура предложения, в частности наличие творительного падежа специфического значения, не безразличны для установления страдательного значения глагола и что «страдательное значение ярче выступает при наличии творительного падежа действующего лица» [38]. Чем определеннее, нагляднее представлен при возвратном глаголе страдательного значения субъект действия производящего глагола, тем теснее семантическая и словообразовательная связь этого возвратного глагола с производящим, тем ярче выступает метаморфоза объекта производящего глагола, и, следовательно, тем острее ощущается в возвратном глаголе страдательное значение, которое ведь и возникает и познается только в сопоставлении с производящим переходным глаголом. Поэтому-то творительный падеж рассматриваемого значения так характерен для страдательных глаголов, поскольку он, закрепляя значение страдательности

---

[38] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 633.

в глаголе, исключает всякую возможность изменения значения возвратного глагола в сторону утраты или хотя бы ослабления значения страдательности.

«И каждый час малейшего, едва заметного опыта, случая, который мелькнет, как птица, мимо носа мужчины, *схватывается* неизъяснимо быстро *девушкой*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«*Молодежью* шестидесятых годов все это *схватывалось* на лету» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Сравните: «Илья Матвеевич негодовал против этой мысли. Он *схватывался* с профессором в воображаемых жарких диспутах» (В. Кочетов. Журбины).

«И *повторяются эхом* лесов Дикие звуки нестройных рогов» (Н. А. Некрасов. Псовая охота).

Сравните: «Я не знаю, болела ли мать, *повторялись* ли у нее припадки» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Впрочем, если мои советы *признаются господином президентом* вредными, то я готов немедленно покинуть пост» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

Сравните: «И я понимал, что нельзя *признаваться* в поражении, надо всегда сохранять свое достоинство и храбриться» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Такой ученик что-нибудь да выносил из уроков учителей и потому больше знал, чем первокурсный; это *бралось начальством* во внимание» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Сравните: «Мужик *брался* воспитать мальчика; он обещал даже усыновить его» (Д. В. Григорович. Кошка и мышка).

«Недостаток смелости менее всего *извиняется молодыми людьми*, которые в храбрости видят обыкновенно верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков» (А. С. Пушкин. Выстрел).

Сравните: «Валентина Семеновна стала *извиняться*, что напрасно меня обеспокоила» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Не следует все же переоценивать значимость творительного падежа содействующего объекта для определения страдательного значения даже и при многозначных возвратных глаголах или при возвратных глаголах-омонимах, так как, во-первых, в случаях, подобных только что приведенным, весь контекст, а не только отсутствие или наличие творительного падежа, указывает на различие в значении возвратных глаголов, а, во-вторых, и многозначные глаголы, будучи носителями страдательного значения, могут не иметь при себе творительного падежа содействующего объекта. На страдательное или иное значение возвратного глагола указывает при этом весь контекст, например:

«Он открыл эти подземелья, он здесь распоряжался, и все его приказания *исполнялись*» (В. Г. Короленко. В дурном обществе).

«А водки можно требовать В день ровно по ведру. Коли вы больше спросите, И раз, и два — *исполнится*, По вашему желанию,

А в третий быть беде» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Сравните: «Как восемь лет *исполнилось* Сыночку моему, В подпаски свекор сдал его» (там же).

«И со всех сторон *рубились* новые и *чинились* старые, погорелые дома» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Сравните: «Бойцы поминают минувшие дни И битвы, где вместе *рубились они*» (А. С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге). «Некоторые из матросов ... справляли свои делишки: кто *чинился*, кто тачал сапоги, кто занимался шитьем» (К. М. Станюкович. Своим судом). — «Санин, в свою очередь, попросил дам что-нибудь спеть: они также не стали *чиниться*. Фрау Ленора села за фортепьяно и вместе с Джеммой спела несколько дуэттино...» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Пока *готовился* «Недоросль» и потом с великими хлопотами собиралась студия, Цветухин испытал перерождение» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Сравните: «И ей стало страшно. Ей показалось, что кто-то *готовится* вынуть нож из ее давнишней раны» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«Был вылеплен, по обыкновению, из глины Христос, и на холсте фигура в натуральную величину *писалась* и *переписывалась* в свободные минуты от заказной, еще артельной работы» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Сравните: «Владимир Васильевич постоянно *переписывался* с ним» (там же).

Страдательное значение многозначного возвратного глагола может, при отсутствии творительного падежа или иного выражения содействующего объекта, подчеркиваться не только общим смыслом предложения и лексическим значением окружающих возвратный глагол слов, но иногда и некоторыми особенностями структуры предложения или морфологической структурой и значением близстоящих слов, например:

«И сомнения *рассеивались*, как тучи *ветром*» (К. М. Станюкович. Отчаянный).

В первом предложении при страдательном глаголе *рассеивались* нет творительного падежа содействующего объекта, но во втором, неполном, где опущено сказуемое *рассеиваются* (а опущено может быть сказуемое только в том случае, если оно выражается тем же самым словом в том же самом значении), имеется такой творительный падеж, свидетельствующий о страдательном значении глагола *рассеиваться* в обоих этих предложениях.

То же самое можно видеть и в следующем примере:

«С тех пор они оба *развратились*: он — *военной службой*, дурной *жизнью*, она — *замужеством* с человеком, которого она полюбила чувственно» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Страдательное значение, свидетельствуемое морфологической

структурой других слов, можно проиллюстрировать таким примером:

«Они [окружающие предметы] трехъярусным гекзаметром *Смещались* вправо по квадрату. Смещенных выносили замертво, Никто не замечал утраты» (Б. Пастернак. Встреча).

Страдательное причастие *смещенных* (не действительно *смещавшихся*) свидетельствует о страдательном значении и глагола *смещались*.

«Были и раньше бунты, была пугачевщина, был пятый год, так же *разрушались*, сжигались усадьбы. Проходило время, и, как птица феникс из пепла, возникало разрушенное, собиралось разрозненное» (А. Гайдар. Школа).

Страдательное значение глагола *разрушались* поддерживается не только сочинением его с глаголом *сжигались*, но и наличием страдательного причастия *разрушенное*.

Случаи употребления в сочинительном словосочетании возвратного глагола и страдательного причастия встречаются довольно часто, но свидетельствуют ли они непременно о страдательном значении возвратного глагола? Ведь страдательные причастия могут вступать в сочинительные словосочетания и с возвратными глаголами других значений, например: он *был огорчен* потерей и *убивался;* он *отправился* в Москву и *был принят* министром и т. п.

С другой стороны, возвратные глаголы страдательного значения легко объединяются в сочинительном словосочетании с нестрадательными глагольными образованиями, например:

«Только что наловленные устрицы *лежали* в корзинках и *предлагались* поварам и кухаркам» (К. М. Станюкович. Побег).

«Толпы раненых, знакомых и незнакомых Пьеру, русских и французов, с изуродованными страданием лицами, *шли, ползли* и на носилках *неслись* с батареи» (Л. Н. Толстой. Война и мир) [39].

Интересно в этом отношении наблюдение Е. А. Ивановой-Янковской: «Если ни подлежащее, ни сказуемое, ни второстепенные члены не дают достаточных данных для решения вопроса о характере оборота с глаголом на *-ся*, признаком страдательного значения такого оборота может служить страдательное значение рядом стоящих конструкций. В предложении: «*Монополизируются* обученные рабочие силы, *нанимаются* лучшие инженеры, *захватываются* пути сообщения...» (В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, гл. I) вторая предикативная конструкция («нанимались лучшие инженеры») воспринимается как стра-

[39] Необычность данного предложения не в том, что в сочинительном словосочетании объединяются глаголы страдательного и нестрадательного значения, а только в том, что глагол *нестись* крайне редко употребляется в страдательном значении.

дательная только благодаря бесспорно страдательному значению окружающих конструкций»[40].

Можно заметить, что творительный падеж со значением содействующего объекта не является обязательным и при страдательных причастиях и отсутствие его еще не свидетельствует об утрате причастием своего страдательного значения, например:

«А он, *пронзенный* в грудь, безмолвно он лежит» (М. Ю. Лермонтов).

Страдательное значение причастия *пронзенный* не подвергается никакому сомнению.

Несомненно, что и страдательное причастие при наличии творительного падежа указанного значения теснее связывается с производящим переходным глаголом и страдательное значение в нем определеннее и ярче. Это сказывается хотя бы в том, что при наличии творительного падежа страдательное причастие никогда не может переходить в прилагательное или в причастие другого, не страдательного значения; но одного отсутствия творительного падежа недостаточно для устранения страдательности как в причастиях, так и в возвратных глаголах.

Многие исследователи останавливались на способе выражения подлежащего при возвратном глаголе страдательного значения, связывая определенный способ выражения подлежащего со значением страдательности в возвратном глаголе-сказуемом.

Чаще всего говорят о преимущественном использовании в подлежащем существительных неодушевленных. То, что подлежащее при возвратном глаголе страдательного значения чаще выражается существительным неодушевленным, не подлежит сомнению; все же довольно широко представлены случаи выражения подлежащего при рассматриваемых возвратных глаголах и существительным одушевленным (названием лица или животного), например:

«Мой предок *Оболдуй* Впервые *поминается* В старинных русских грамотах» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Все время *Сергей* (Сказала сестра) *содержался* В тюрьме» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«И к той домашней всенощной *Крестьяне допускалися*, Молись — хоть лоб разбей» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Есть важные случаи, в которых *личности* человеческие *приносятся* на жертву великим планам» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Немедленно по приезде Иудушки, она кинулась к нему с целым ворохом сплетен, в которых *Арина Петровна обвинялась* чуть не в мошенничестве» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

---

[40] Е. А. Иванова-Янковская. Страдательные обороты, стр. 15.

водит к ослаблению и утрате непосредственной сопоставимости, что особенно ярко сказывается на возвратных глаголах страдательного значения, которые могут, сохраняя частично лексическую связь с производящим глаголом, утрачивать ту специфическую закономерность соотнесенности с производящим глаголом, которая так отличает страдательные глаголы от всех остальных возвратных глаголов. Значение пассивности действия, а также связь субъекта возвратного глагола с прямым объектом производящего переходного глагола могут ослабляться и даже совсем утрачиваться, в результате чего возвратный глагол теряет свое страдательное значение. Непременным условием такого изменения в значении возвратного глагола является отсутствие творительного падежа содействующего объекта, который подчеркивает пассивность действия возвратного глагола и через отношение к субъекту действия производящего глагола укрепляет связь субъекта действия производного возвратного глагола с прямым объектом действия производящего невозвратного глагола. Вторым условием, хотя и не непременным, но способствующим утрате страдательного значения в возвратном глаголе, является выражение подлежащего при нем одушевленным существительным. Возьмем для примера глагол *учиться*. При подлежащем — неодушевленном существительном, да еще в сопровождении творительного падежа содействующего объекта, он может выступать только в страдательном значении, например:

«*Урок учился* сразу всеми *учениками* и оживлялся спорами» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Если мы возьмем этот же глагол, но не сопровождаемый творительным падежом и относящийся к подлежащему, выраженному одушевленным существительным: *дети учатся в школе*, — то заметим, что значение глагола *учиться* в данном случае иное. Безусловно, в школе детей учат, но при этом и сами дети не остаются только пассивными предметами, непроизвольно воспринимающими направленное на них воздействие: они слушают, запоминают, спрашивают, отвечают, готовят уроки и т. п. Сравним также:

«Я *училась* всему, Что нужно богатой дворянке» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

В обоих последних примерах можно предположить наличие содействующего объекта в виде учителя или учителей, т. е. можно представить себе это действие как в какой-то мере отобъектное, но пассивным действием его уже нельзя назвать. Отсюда в глаголе *учиться* рождается возможность обозначать не только пассивное действие («подвергаться обучению»), но и действие активное («изучать», «усваивать», «постигать»), которое может производиться субъектом без помощи содействующего объекта, например:

«Когда отец хотел и меня отвести к нему, я убежал к бабушке Наталье. Спасся тем, что обещал сам *учиться* с помощью Тита и самого отца» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Сбирается с силами русский народ И *учится* быть гражданином» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Помимо указанных условий, способствующих утрате возвратными глаголами страдательного значения, благоприятствует этому также наличие возвратных глаголов с иным отношением к производящему глаголу, наличие возвратных несопоставимых глаголов и общность у всех возвратных глаголов словоизменения и ряда других особенностей.

Кроме того, существует чрезвычайно простой современный способ устранения страдательного значения в возвратном глаголе путем нейтрализации пассивности действия этого глагола. Эта нейтрализация достигается употреблением при возвратном глаголе различных форм рода и числа местоименного слова *сам*, которое сообщает действию бóльшую или меньшую степень активности и тем самым разрушает страдательное значение, например:

«Всюду бродили туда и сюда сестры, сиделки, врачи. Их останавливали по дороге, либо они *останавливались сами* и толковали о своих неотложных житейских вопросах» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Как только она отодвинула запор, дверь *сама растворилась*, кто-то ступил в сени» (там же).

«Развяжи передник. Расстегивай крючки. Да сначала верхний! Ну, скорей! Да ты не бойся. Просто нажимай с обеих сторон, они *сами растегнутся*» (там же).

«Не надо было напоминать: оно бы так и прошло; *само бы забылось*. Теперь нечего делать, надо выпросить прощение» (И. А. Гончаров. Обломов).

«— Я не ломал, — отвечал Захар, — она *сама изломалась;* не век же ей быть: надо когда-нибудь изломаться» (там же).

«Неизвестно, чем кончилась бы эта история, если бы медвежонок в полуфраке не уронил в самое это время дессертную тарелку. Марья Степановна перенесла на него всю ярость. — Кто разбил тарелку? — кричала она хриплым голосом. — *Сама разбилась*, — отвечал, по-видимому, вышедший из терпения слуга. — Как *сама*? *Сама*? И ты смеешь мне говорить это — *сама*?» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Я смотрю на мину... Длинная, круглая, с машиной внутри, с винтом и рулями на конце. Сама идет под водой, *сама управляется* и несет с собой около восьми пудов самого сильного взрывчатого вещества» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

«Счастье-то *само* в руки *дается*, да с ног валит» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«— Ах, если бы кто этот виноград рвал и нам в рот клал!... — Нет, если бы этот виноград *сам рвался* и нам в рот *клался*!» (Из народной сказки о трех лентяях).

Слово *сам*, нейтрализующее пассивность возвратного глагола и устраняющее возможность содействующего объекта, может

сопровождаться формой *собой* (*собою*), усиливающей указанное значение и функцию слова *сам*, например:

«Так и галденье долгое За чарочкой, под ивою, *Само собой сложилося* В поминки по подрезанным Помещичьим «крепям» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Теперь же, когда жизнь выяснилась вся, до последней подробности, когда прошлое *проклялось само собою*, а в будущем не предвиделось ни раскаяния, ни прощения...» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Обломову и хотелось бы, чтоб было чисто, да он бы желал, чтоб это *сделалось* как-нибудь так, незаметно, *само собой*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Задумчиво брожу в прохладной полутьме, И песнь *сама собой слагается* в уме» (Н. А. Некрасов. Элегия).

«У него [тигренка] даже морда скривилась. Язык *сам собой высунулся*, а вокруг носа сделались морщинки» (О. Перовская. Ребята и зверята).

Сравните также:

«Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта *достигалась*, во-первых, *сама собою*, так как французы бежали, и потому следовало только не останавливать этого движения. Во-вторых, цель эта *достигалась действиями* народной войны, уничтожавшей французов» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Это же слово *сам* во всех формах рода и числа может иметь и другое значение, выделяя и подчеркивая подлежащее в его функции, и в этом употреблении не может сопровождаться формой *собой* (*собою*), например:

«Простите! Да, я мучил вас, Но *мучился* и *сам*, Но строгий я имел приказ Преграды ставить вам» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Он опять потребовал слова, ответил на вопросы и сказал о Чапаеве, что, мол, верно — ни товарищи его не уберегли, ни *сам* он не *уберегся*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

В таком значении слово *сам* может быть употреблено и при возвратном глаголе страдательного значения, не влияя на значение пассивности действия, например:

«Я не могу быть полезным вашему сыну по той простой причине, что *сам*, да, *сам привлекаюсь* по политическому делу» (Там же).

В данном случае *сам привлекаюсь* совсем не значит, что «привлекаюсь сам собой», а только то, что «привлекаюсь именно я».

Иногда вместо выражения *сам собой* можно встретить близкие по смыслу описательные обороты, например:

«Ребенок не *воспитывается сам по себе*, его воспитывают взрослые и прежде всего родители» (Е. И. Волкова. Отец и мать как воспитатели).

«Не обвиняй меня, Леночка, эти вещи *делаются помимо нашей воли*, ты знаешь» (В. Панова. Спутники).

«Мама его была... чухонка, переходившая из дома в дом в качестве кухарки и отовсюду гонимая, отчасти за излишнюю слабость сердца и постоянные романтические приключения, — отчасти за неряшливое обращение с посудой, *бившейся* у нее в руках *как бы по собственному капризу*» (Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик).

Доступность, с которой производится нейтрализация пассивности действия в отобъектном возвратном глаголе, легко приводит к тому, что отобъектный глагол может не выражать пассивности действия и без сопутствующего ему слова *сам* (*сам собой*), например:

«Слава-то даром не *дается*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Поле сразу стало легко и радостно от солнышка, от встречного ветерка, от обилия заманчивых приключений, ожидавших ее в будущем, а в душе на все лады *пелась* любимая ее поговорка, эпиграфом надписанная в дневничке: «И вот былинку понесла река» (Л. Леонов. Русский лес).

В связи с этим возможны сомнения и колебания относительно значения тех или иных возвратных глаголов в тех или иных случаях. Так, например, в следующих примерах возвратные глаголы могут быть поняты и истолкованы и как страдательные и как нестрадательные:

«Тетя Соня жила у сестры и посвятила жизнь ее детям, которых любила всем запасом чувств, не имевших случая *израсходоваться* и накопившихся с избытком в ее сердце» (Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик).

«Стоднев богател с каждым днем и становился непреоборимой силой, а мужики все больше *запутывались* в его тенетах» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«В военной гавани суматоха. Одни суда уже в кампании, другие *вооружаются*. Начинаем и мы вооружать свой трехмачтовый крейсер» (А. С. Новиков-Прибой. Рассказ боцмана).

Одушевленность или неодушевленность существительного, выполняющего функцию подлежащего, не играет в таких случаях существенной роли. Так, например, в предложении: «С этих пор каждый вечер в столовой появлялась закуска. Наружные ставни окон затворялись, прислуга *удалялась* спать, и племянница с дядей оставались глаз на глаз» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы), — при подлежащем-лице (*прислуга*) можно предположить страдательное значение глагола *удалялась*, тогда как в предложении: «Когда *удалялся* прилив, я бегом До самой воды добегала» (Н. А. Некрасов. Русские женщины) — при подлежащем неодушевленном предмете глагол *удалялся* не имеет страдательного значения.

* *

Производство возвратных глаголов страдательного значения от невозвратных переходных отличается высокой продуктивностью. Если не все, то бóльшая часть переходных глаголов может образовать возвратный глагол страдательного значения. Это наиболее характерное и наиболее продуктивное значение возвратных глаголов, образованных от переходных глаголов, в современном русском языке [42]. Продуктивность возвратных глаголов со страдательным значением в русском языке подтверждается тем, что глаголы заимствованные, а также глаголы со специальным значением (глаголы этих двух разрядов зачастую совпадают) производят в первую очередь или исключительно возвратные глаголы со страдательным значением, например:

«Это были в высшей степени художественные образчики объяснения картин, и можно пожалеть, что они не *стенографировались*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Главным образом *штудировался* тон каждого предмета» (там же).

«Сейчас эти записи *расшифровываются*, и сотрудники научных институтов, посмеиваясь, выясняют, сколько может выпить верблюд» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Ты, Костя, возьми меня к себе постояльцем. Мой особняк сейчас *ремонтируется*, так мне на время нужна квартира» (И. Василенко. Волшебная шкатулка).

«Вырубались фруктовые деревья и виноградники, *замащивались* булыжником мостовые циклопической кладки» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Начинаем приготовляться к погружению — *задраиваются* люки» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

Сравните также глаголы: *акцептироваться, амнистироваться, амортизироваться, ампутироваться, анализироваться, анестезироваться, антиципироваться, бактеризоваться, балансироваться, блиндироваться, демобилизоваться, лакироваться, линчеваться, лисироваться, литографироваться, меблироваться, мерсеризироваться, милитаризироваться, назализироваться, национализироваться, обводняться, обдерняться, обезболиваться, обезвреживаться, обобществляться, обрешечиваться, оккупироваться, опалываться, опротестовываться, отбучиваться, планироваться* и т. п. и т. д.

О продуктивности страдательного значения возвратных глаголов косвенным образом свидетельствует и то, что приставочные глаголы, глаголы более позднего, по сравнению с соответствую-

[42] В других языках, располагающих возвратными образованиями, могут быть более продуктивными другие значения возвратных глаголов. Так, В. К. Поржезинский указывает, что страдательное значение в возвратных глаголах литовского языка встречается редко. (см. «Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках», стр. 56).

щими бесприставочными глаголами, образования, при присоединении частицы -ся прежде всего дают образования со страдательным значением, например:

«Ученики *отпускались* домой из бурсы по письменным билетикам от двенадцати часов субботы до пяти часов воскресенья» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Пол в зимнее время *посыпался* песком или опилками» (там же).

«Не говоря о массе шампанского, которая всякую ночь *выпивалась* и *выливалась* на пол в квартире Любиньки, она сама делалась с каждым днем капризнее и требовательнее» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Под руководством особо подобранных учителей *обучались* они разным наукам и упражняли свои таланты в искусствах танцев и рукоделия» (О. Форш. Одеты камнем).

Иногда замечают, что возвратные глаголы страдательного значения, столь многочисленные в словаре, в употреблении крайне ограничены, встречаются преимущественно в деловой речи, а бытовой и художественной они не свойственны. В этом есть доля правды: в деловой речи они встречаются значительно чаще, однако, оставляя в стороне вопрос о количественном употреблении и о стилистической специфике возвратных глаголов страдательного значения, следует заметить, что нет почти ни одного писателя, который не употреблял бы возвратных глаголов страдательного значения, и даже с творительным падежом содействующего объекта.

Наконец, новообразования, неологизмы также подтверждают продуктивность образования возвратных глаголов страдательного значения. Сравните такие глаголы, как: *автомобилизироваться, активизироваться, актироваться, благоустраиваться, большевизироваться, впрессовываться, встраиваться, выхолаживаться, газифицироваться, довыполняться, занаряжаться, занижаться, заформовываться, заштыбовываться, инкубироваться, кинофицироваться, микрофильмироваться, недовыполняться, освидетельствоваться, отовариваться, офактуриваться, пакетироваться, пачковаться, пенсионироваться, перевыполняться, переотправляться, подщелачиваться, пошиваться, разбуриваться, селекционироваться, телефонизироваться, фондироваться* и т. п. Сравните также индивидуальные образования у писателей:

«А коса-то вовсе уж не девичья. И одежда новая с иголочки. И забыты терема-светелочки, Никакого нет Иван-царевича. Дух его лампадный *обоняется* только разве что На книжной полочке» (Л. Мартынов. Существующее).

«Нужны леса и леса. Нужны посадки. Но где проводить эти посадки, если земля поделена и *переделивается* каждый год?» (Б. Замойский. Восход, «Октябрь», 1957, № 2).

Довольно часто новые образования возвратных глаголов встречаются в разговорной, небрежной речи, но они обычно не фикси-

руются. В следующем примере из И. Е. Репина в неологизме *прикомпановываются* можно усматривать страдательное значение:

«Тут эти барышни, кавалеры, дачная обстановка, что-то вроде пикника; а эти чумазые уж очень как-то искусственно *„прикомпановываются“* к картине для назидания» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Сравните также:

«— Пустите, ваше благородие, посмотреть: бают, гоже бурлака списали с трубочкой в зубах!» ..... Одни бабы по-прежнему дичились и ни за что не шли *„списываться“*» (Там же).

«— Деды наши не *октябрились*, и мы не будем» (Р. Рыклин. Человек без имени).

«Корнилов спросил запросто, почти дружественно: — Что у тебя там творится на заводе? *Гробится* программа?» (Г. Николаева. Битва в пути).

Часто указывают на совершенный вид глагола как на особенность глагольной основы, препятствующую образованию возвратных глаголов страдательного значения. Так, в «Грамматике русского языка» категорически утверждается невозможность производства глаголов совершенного вида со страдательным значением: «Формы страдательного залога на *-ся* образуются только от глаголов несовершенного вида» [43].

Возвратные глаголы совершенного вида со страдательным значением, действительно, встречаются значительно реже, чем возвратные глаголы этого же значения несовершенного вида, но нельзя рассматривать их только как отступление от нормы, как исключение.

Приведем примеры на возвратные глаголы совершенного вида со страдательным значением:

А) Без творительного падежа содействующего объекта:

«Старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью еще неизвестной, — и тогда ваше любопытство *возбудится* до высшей степени» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«И в память прабабки, погибшей в глуши, *Осушатся* полные чаши» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Когда науки трудный путь *пройдется*, Когда в борьбе и жизни дух окрепнет...» (В. М. Гаршин. Когда науки трудный путь).

«Между прочим, она предложила, чтобы тот, чей фант *вынется*, рассказывал свой сон» (И. С. Тургенев. Первая любовь).

«Они завет все положили: Чтоб им зверей съобща ловить И, что *наловится*, все поровну делить» (И. А. Крылов. Лев на ловле).

---

[43] Грамматика русского языка, т. I, стр. 35, 506; И. П. Мучник. О значениях видов русских глаголов. — «Русский язык в школе», 1946, № 5—6, стр. 10; Е. А. Иванова-Янковская. Страдательные обороты, стр. 11.

«[комедия] готова. К понедельнику *перепишется*, во вторник *пошлется*, в среду будет у вас» (Н. А. Островский. Письма).

«Посудите сами, время праздничное, подумают еще, как следствие *затеется*, что его здесь и убили у вас» (Д. В. Григорович. Бобыль).

«Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который *запустится*, и лесов, которые *вырубятся*» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Так я просил бы, если возможно, задержать эту женщину здесь, до тех пор пока *получится* ответ на поданное прошение» (там же).

«Наше посольство в случае занятия Парижа немцами несомненно *подвергнется* разграблению и разрушению» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Сорок грехов с вас *снимется*, что вспомнили нашу молодость» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Сергей отпустил людей и пошел к лагерю. И тогда он решил, пока дело *разберется*, Шалимова сейчас же выгнать» (А. Гайдар. Военная тайна).

«До чего же много знать надо. Клепать могу, чеканить могу, варить швы — тоже, а все строительство в целом не охватывается. — *Охватится!* — подбодрил Илья Матвеевич» (В. Кочетов. Журбины).

«Решили, что первым вылетит тот, чей мотор раньше *запустится*» (М. Водопьянов. Полярный летчик).

Б) С творительным падежом содействующего объекта:

«Вовек не *позабудется Народом* Евфросиньюшка» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Умрете, но ваших страданий рассказ *Поймется* живыми *сердцами*, И за полночь правнуки ваши о вас Беседы не кончат с друзьями» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«У нас поля обширные, А не гораздо щедрые, Скажи-ка чьей *рукой* С весны они *оденутся*, А осенью *разденутся*?» (Там же).

«Пустынник. Не мной ты создан, Не *мной* и суд *свершится* над тобой» (А. Н. Островский. Воевода).

«Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, *подтвердится дознанием*» (К. М. Станюкович. Отчаянный).

«Но и это не конец рассказа! Пусть же он *допишется победой*» (П. Антокольский. Черноморская баллада).

«Недостаток вашего опыта *восполнится избытком* вашей энергии» (В. Кочетов. Журбины).

«Книга Поля де Крюи «Охотники за микробами» *прочитается* с большим интересом и *специалистом-микробиологом* и *юношей*, не видавшим еще ни одной научной книги» (Н. Кольцов. Предисловие к книге Поля де Крюи «Охотники за микробами», 1940).

«Конечно, с годами былая дерзость *посменится опытом*» (А. Югов, Л. Леонов. Думы о языке, «Литература и жизнь» от 8.V.1959).

Как видно из приведенных примеров, возвратные глаголы совершенного вида могут иметь страдательное значение и даже употребляться в сопровождении творительного падежа содействующего объекта. Однако количество таких глаголов весьма ограничено. Немногочисленность глаголов совершенного вида со страдательным значением, по всей вероятности, находится в связи с тем, что в языке имеются страдательные причастия от переходных глаголов совершенного вида, синонимичные спрягаемым формам страдательных глаголов. Все же страдательные причастия глаголов совершенного вида не находятся со спрягаемыми формами страдательных глаголов в отношениях взаимной исключаемости, как то полагают некоторые исследователи. К тому же, если исходить из потребностей общения и сопоставлять с ними наличные языковые ресурсы, т. е. полагать, что малоупотребительность глаголов совершенного вида со страдательным значением определяется наличием страдательных причастий совершенного вида, то естественно поставить вопрос о том, как же передавать соответствующие значения в будущем времени, поскольку причастий будущего времени в русском языке нет? Не поэтому ли некоторые ученые и считают, что если и возможны страдательные глаголы совершенного вида, то исключительно в формах будущего времени? [44]

Причина рассматриваемого явления, конечно, не только в том, что в языке имеются синонимические глагольные образования, а, может быть, еще больше в том, что семантика глаголов разного вида, выступающих в качестве производящих основ, тесно связана с семантикой производных образований. Поэтому ограничение тех или иных словообразовательных категорий видом производящих глаголов может иметь место и при отсутствии каких-либо синонимических образований. Так, например, существительные с суффиксом *-тель* для обозначения деятеля (*читатель, писатель, строитель, любитель* и т. п.) образуются преимущественно от основ глаголов несовершенного вида, тогда как, например, качественные прилагательные с суффиксом *л-(ый)* (*загорелый, облезлый, опустелый, усталый* и т. п.) в основном производятся от основ глаголов совершенного вида и т. п.

Что касается переходных глаголов несовершенного вида, то и среди них встречаются отдельные глаголы, от которых невозможно образовать возвратный глагол страдательного значения, и вообще возвратный глагол какого бы то ни было значения, как, например, глаголы *ревновать, благодарить* или *растить*. Дать перечень таких глаголов не представляется возможным, так как в этих случаях

---

[44] Примеры на прошедшее время глаголов страдательного значения совершенного вида см. ниже, стр. 141—143.

никогда нельзя с абсолютной уверенностью утверждать невозможность образования тех или иных возвратных глаголов со страдательным значением, поскольку последние легко возникают при малейшей потребности в них. Так, например, в «Грамматике русского языка» утверждается невозможность образования страдательного глагола от глагола *любить*[45], а в современной поэзии встречается глагол *любиться* в страдательном значении, например:

«Что *любится*, чем дышится, Душа чем ваша полнится, То в голосе услышится, То в песенке припомнится» (И. Уткин. Заздравная песня).

Указывалось, что не производят страдательных глаголов «глаголы чувствования: *любить, ненавидеть*, ... глаголы восприятия: *слышать, чувствовать* и др.»[46], однако и это не совсем так, поскольку от многих глаголов чувствования и восприятия имеются производные возвратные глаголы со страдательным значением, например:

«Затруднения, связанные с постановками «Бориса Годунова» и «Хованщины», *переживались* всей семьей Стасовых как свое самое близкое, родное явление» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«У нас, в мещанском быту, в подражание господам, всегда *презирался* физический труд» (Там же).

«Пьем много мы по времени, А больше мы работаем, Нас пьяных много *видится*, А больше трезвых нас» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Почему в этот день ярче *чувствуется* горе и радость, нежели накануне, нежели потом?» (А. И. Герцен. Кто виноват?)[47].

Указываются и некоторые другие частные ограничения[48] возможности образования страдательных глаголов, но все попытки установить различные семантические или стилистические ограничения возможности образования возвратных глаголов страдательного значения не имеют практической ценности, так как не вскрывают никаких реальных закономерностей в словообразовании возвратных глаголов страдательного значения и опровергаются имеющимися в языке образованиями.

Нет ничего удивительного в том, что имеются переходные глаголы, от которых не образуются возвратные глаголы со страдательным значением, так же как имеются переходные глаголы, от которых вообще не образуются возвратные глаголы, ни с каким значением. Ведь возвратные глаголы представляют собой результат словообразования, а формы словообразования, даже самых продуктивных образцов, реально существуют в языке далеко не от всех однотипных основ. Сравните, например, наличные в языке отглагольные образования существительных с суффиксами *-тель*

[45] Грамматика русского языка, т. I, стр. 506.

[46] Р. А. Маркарян. Страдательный залог, стр. 9.

[47] См. также примеры на стр. 100—102 настоящей работы.

[48] Р. А. Маркарян. Страдательный залог, стр. 9; Грамматика русского языка, т. I, стр. 417.

или *-ние*; сравните также наличие уменьшительных существительных, о чем уже говорилось выше, и т. п. Поэтому отсутствие во многих случаях при переходных глаголах соответствующих возвратных глаголов страдательного значения не опровергает того общего положения, что страдательное значение является наиболее характерным и наиболее продуктивным значением возвратных глаголов, образованных от переходных глаголов в современном русском языке. В отдельных случаях отсутствие страдательного значения в возвратном глаголе может быть следствием того, что тот или иной возвратный глагол, могущий иметь несколько возвратных значений, закрепился в употреблении только с одним (не страдательным) значением.

Хотя установить точно на основании каких-либо лексических или грамматических признаков те разряды переходных глаголов, от которых возможно образование возвратных глаголов страдательного значения, не представляется возможным, однако можно заметить, что страдательное значение в наибольшей степени свойственно возвратным глаголам, сопоставимым с такими переходными глаголами, лексическое значение которых указывает на возможность произвести данное действие над различными неодушевленными предметами. При этом, если лексическое значение производящего глагола указывает на возможность произвести данное действие т о л ь к о над различными неодушевленными предметами, то в возвратном глаголе обычно т о л ь к о страдательное значение и никакого другого (если, конечно, данный возвратный глагол не утратил прямой лексической сопоставимости с производящим невозвратным глаголом), например: *надеть — надеться, надевать — надеваться, писать — писаться, заплатить — заплатиться, отрицать — отрицаться, замалчивать — замалчиваться, внушать — внушаться* и т. п.

Если же лексическое значение производящего глагола указывает на возможность произвести данное действие и над неодушевленным и над одушевленным предметами или даже только над одушевленными предметами, но при этом данное действие переходного глагола не может быть в той или иной мере обращено на субъект того же переходного действия, то и здесь, как правило, в большинстве случаев возвратный глагол тоже имеет страдательное значение, редко совмещаемое со значением не страдательным, например: *выталкивать — выталкиваться, принимать — приниматься* (*приниматься* в значении «начинать» утратило лексическую сопоставимость с глаголом *принимать*), *приобретать — приобретаться, преследовать — преследоваться* и т. п.[49]

«Дети крепостных людей, капельдинеров и придворных служителей в гимназии не *принимались* без увольнительных свидетельств от их обществ» (А. К. Шеллер-Михайлов. Гнилое болото).

---

[49] См. примеры на стр. 103—108 и др. настоящей работы.

«Александра Ивановна Белопольская, — так звали невесту Алексея Николаевича, — тоже не выходила за него замуж, а *выдавалась* за него» (А. К. Шеллер-Михайлов. Милые бездельники).

«Потомки вольного казачества *закрепощались* в муштре» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

В иных случаях возвратный глагол может иметь или страдательное значение или нестрадательное, или же совмещать несколько возвратных значений, причем даже контекст не всегда подсказывает, какое именно значение имеется в виду в данном случае, например:

«Надо было начать с этого письма: тогда мы оба *избавились бы* многих упреков совести впереди» (И. А. Гончаров. Обломов).

Избавились бы можно понимать и как «были бы избавлены» и как «избавили бы себя».

«Перед каждой тарелкой *румянились* жареные пирожки» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Редиска *румянилась* сочными бочками» (там же).

Впрочем, возможно, что в настоящее время возвратный глагол *румяниться* в данном значении соотносится не столько с глаголом *румянить*, сколько с прилагательным *румяный*.

В литературе отмечаются единичные случаи, когда возвратные глаголы страдательного значения (и, по-видимому, только страдательного) могут сопоставляться с непереходными глаголами, управляющими родительным падежом объекта, типа: *ждать, ожидать, искать, достичь, достигать, жаждать, просить, клянчить, хотеть* [50]:

«И как раз в это время все достигнутое будто и не *достигалось* Рагозиным» (там же).

«Задача таких невинных развлечений состояла в том, чтобы довести свою жертву до бешенства и слез. Когда цель *достигалась*, мучители с хохотом бросали свою жертву» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Подробности всех твоих обязанностей я потом объясню, а теперь отвечай: понял ты, что от тебя *требуется*?» (К. М. Станюкович. Нянька).

Однако чаще глагол *требоваться*, утрачивая прямую сопоставимость с невозвратным глаголом *требовать*, употребляется не в страдательном значении, а в значении простой потребности, в значении «надо», «необходимо», например:

«Но на все это *требуется* время» (А. С. Пушкин. Пиковая дама).

«Все эти три дня Данилов укомплектовывал штат санитарного поезда. *Требовалось* много народу» (В. Панова. Спутники).

---

[50] S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 85.

В некоторых случаях значение глагола *требоваться* может быть истолковано и как страдательное, и как значение простой потребности, например:

«В начале XX столетия подошло такое время, что кафтаны вообще и особенно «со смыслом», как бы они ни были живы, не *требовались* более» (И. Е. Репин. Далекое близкое) (= «кафтанов не требовали» или «кафтаны были не нужны»).

Производящие глаголы типа *ждать, требовать* близки к переходным не только по своей семантике, предполагающей непременный объект воздействия, но и тем, что некоторые из них могут в одном и том же значении управлять и винительным падежом, и родительным падежом объекта, например: *жду сестру — жду поезда, требую книгу — требую справедливости* и т. п.

С другой стороны, несходство указанных невозвратных глаголов с переходными глаголами подчеркивается тем, что некоторые возвратные глаголы весьма близки к ним и по семантике, и по управлению, например: *добиваться, домогаться, придерживаться, касаться, слушаться* и др.

Что касается употребления возвратных глаголов страдательного значения с отрицанием, то вряд ли здесь можно видеть какое-либо отклонение от обычной закономерности, хотя бы в синонимическом данному страдательному обороту действительном обороте объект при глаголе выступал в родительном падеже, например:

«Скворцы поют на скворечницах, и их свист не *заглушается* звоном» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

В синонимическом действительном обороте: *звон не заглушает* их *свиста*.

Отрицательная частица при невозвратном переходном глаголе может оказывать влияние на падеж дополнения, но глаголы страдательного значения, как продукт словообразования, являются самостоятельными словами, а не только компонентом определенной синтаксической конструкции, тогда как отрицательная частица *не* при глаголах, напротив, обычно не является словообразовательным элементом, а представляет собой самостоятельную единицу с собственной функцией в конструкции предложения. В силу этого возвратные глаголы страдательного значения широко могут использоваться и в отрицательных конструкциях, например:

«Как немые сидят мужики, Даже песня никем *не поется*» (Н. А. Некрасов. Балет).

«Но нет такого горя, которое *не умалялось бы* временем» (Д. В. Григорович. Кошка и мышка).

«Вы сделали для меня одно из тех одолжений, которые порядочными людьми никогда *не забываются*» (Н. А. Островский. Письма).

«Сначала выносили и вывешивали на веревки какие-то мундиры и странные меховые вещи, которые никогда никем *не употреблялись*» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Конечно, непосредственность — драгоценное качество. Но одной непосредственностью искусство *не создается*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«В лице его как-то странно соединялись... следы долгих и скорбных дум с следами страстей, которые, кажется, *не обуздывались*» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«То, что *не подвергалось* анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Обороны на подступах к городу создано не было, подготовка к уличным боям *не велась*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Если есть симпатии душ, если родственные сердца чуют друг друга издалека то никогда это *не доказывалось* так очевидно, как на симпатии Агафьи Матвеевны и Анисьи» (И. А. Гончаров. Обломов).

* * *

Выше было сказано, что возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, сохраняют все формы словоизменения этих производящих переходных глаголов, включая сюда и форму инфинитива, и формы деепричастий. Однако возвратные глаголы страдательного значения представляют собой в этом отношении некоторое исключение.

«По формам спряжения эти глаголы вполне совпадают с другими возвратными глаголами, но отличаются от них более ограниченными возможностями в образовании и употреблении форм»[51].

Поэтому вопрос об образовании форм возвратных глаголов страдательного значения должен быть рассмотрен особо.

1. Из форм наклонения указывают на невозможность образования от глаголов страдательного значения форм повелительного наклонения[52].

Отсутствие форм повелительного наклонения у тех или иных глаголов (имеются в виду прежде всего формы синтетические) объясняется невозможностью совместить грамматическое значение форм повелительного наклонения с лексическим значением таких глаголов. Лексическое значение страдательных глаголов таково, что совместить его с грамматическим значением форм повелительного наклонения трудно, поскольку трудно представить себе обращенное к собеседнику побуждение совершить действие, которое не зависит от воли и желания собеседника, а является только отражением воздействия, получаемого извне. Именно пассивность действия, заключенная в возвратных глаголах страдательного значения, исключает возможность образования форм повелительного

---

[51] Грамматика русского языка, т. I, стр. 506.

[52] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 189; Грамматика русского языка, т. I, стр. 506.

наклонения. Да и потребности образовать таковые формы по той же причине не возникает [53].

Таким образом, формы повелительного наклонения от возвратных глаголов страдательного значения невозможны в силу специфического лексического значения этих глаголов. Однако нельзя отсутствие форм повелительного наклонения считать характерной особенностью только возвратных глаголов страдательного значения: глаголы невозвратные, а также сопоставимые возвратные, лексическое значение которых связано с пассивностью, также лишены форм повелительного наклонения, например, глаголы: *слыть, кишеть, изобиловать, нравиться, понадобиться, годиться* и др.

2. Ограничения, связанные с возможностью образования форм прошедшего времени от глаголов страдательного значения, указываются только для глаголов совершенного вида: «От глаголов совершенного вида может быть образовано вообще только будущее время, но ни прошедшее время (нельзя сказать: эти дети *полюбились* нами, а в выражении „полюбились нам" *полюбились* не страдательный залог), ни также причастий настоящего и прошедшего времени: скатерть *зальется* чернилами (но не *залилась* чернилами, а только была залита чернилами и не *зальющаяся* или *залившаяся* чернилами)» [54].

Приведенные иллюстрации отнюдь не показательны и не подтверждают основного положения. Во-первых, если нельзя сказать *эти дети полюбились нами*, то также невозможно сказать и *эти дети полюбятся нами* — следовательно, в данном примере дело совсем не в формах времени. Во-вторых, причастие *зальющаяся* является нарушением нормы не столько потому, что оно образовано от глагола страдательного значения, сколько потому, что причастия будущего времени в современном литературном языке обычно не образуются.

Это положение о неупотребительности форм прошедшего времени от страдательных глаголов совершенного вида с большей или меньшей категоричностью поддерживается и другими учеными [55].

---

[53] Однако «по указанию академика Грота, употребление возвратных глаголов в значении страдательных с творительным падежом и в таких случаях, когда мы этого не допускаем, было одним из любимых приемов Державина, у которого находим, например: «Благословись, Репнин, потомством» (= будь благословен)» (В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Петроград, 1915, стр. 284). Ср. также часто используемые в народных сказках обороты: «*ловись*, рыбка, и маленькая, и большая» или «*рубись*, дерево, и кривое, и прямое». Ср. также не вполне обычное: «Предо мной мечта-невеста появляется опять... Я прошу ее: — Не надо, не *мечтайся*, отойди» (Дубровин. Мечта, «Огонек», 1955, № 8).

[54] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 189.

[55] См., например: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 175; И. П. Мучник. О залогах русского глагола, вып. II, стр. 154; Р. А. Маркарян. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке, стр. 14.

Не вызывает возражений общее положение о том, что глаголы страдательного значения образуются преимущественно от переходных глаголов несовершенного вида; тем не менее имеются возвратные глаголы страдательного значения, произведенные и от глаголов совершенного вида. И в этих страдательных глаголах совершенного вида нет никакого ограничения в употреблении форм времени, и формы прошедшего времени встречаются не реже, чем формы будущего времени, причем не только у писателей прошлого века, но и у наших современников, например:

«Из блюда, полного водою, Выходят кольца чередою; И *вынулось* колечко ей Под песенку старинных дней» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Меж них *завелся* очень скоро Немой, но внятный разговор» (М. Ю. Лермонтов. Казначейша).

«Закрыта книга — наша повесть *Прочлась* до крайнего листа» (Н. П. Огарев. К*** <М. Л. Огаревой>).

«К сожалению, конец песни, которая пелась каким-то замогильным, грустным напевом, *забылся* и не дошел до нас» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Трое суток бегал Антон, разыскивая повсюду свою клячонку; все было напрасно: она не *отыскалась*» (Д. В. Григорович. Антон-горемыка).

«Нижние стекла у окон его кабинета *завесились* непроницаемыми тканями» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«После опыта любви, на который *потратилось* много жизни... он уехал в чужие края» (Там же).

«Как восемь лет исполнилось Сыночку моему, В подпаски свекор сдал его. Однажды жду Федотушку — Скотина уж *пригналася* — На улицу иду» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Едва *огласилось* решенье суда, Всем было неловко и жутко» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Только теперь, когда уже *почуялся* конец, в сердце вспыхнула сосущая боль, только теперь Аннинька настоящим образом поняла свое прошлое» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«И жажда свободы его *утолилась*: Он видит небесный простор» (В. М. Гаршин. Пленница).

«Но он еще далек был от такого признания и теперь, думал только о том, как бы сейчас не *узналось* все и она или ее защитник не рассказали всего и не осрамили бы его перед всеми» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Толпа, скучиваясь, зашевелилась, и быстро *снялись* шляпы» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

«Имущему дастся, а у неимущего отнимется», помнишь? Она — неимущий. За что? не знаю; в ней нет, может быть, эгоизма, — я

не знаю, но у нее отнимется, и все *отнялось*» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

«Для постройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева *основались* громадные кирпичные заводы» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Такого водопада жалоб и требований, какой *излился* на головы начальства в первые недели после февральской революции, мир не знавал» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Вот на ящике показался Клычков. Шинелишка старая, обтрепанная: она *унаследовалась* от той войны» (Д. Фурманов. Чапаев).

«Через два-три года в нем [Чапаеве] кое-что отпало бы окончательно из того, что уже начинало отпадать и теперь, *приобрелось* бы многое из того, что его начинало интересовать и заполнять, притягивать к себе неотразимо» (Там же).

«Итак, два слова об этом утреннем часе. Почему же такой выделен мною и *запомнился* как счастливейший?» (О. Форш. Одеты камнем).

«Если бы эта привычная жизнь *нарушилась* и в нее ворвались бы новые порядки и новые люди, она [бабушка] не вынесла бы перемен» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«К сожалению приятная прогулка длилась недолго, потому что грибов было множество и ведра *наполнились* слишком быстро» (В. Панова. Спутники).

«Все это было против правил и инструкций, но в эту ночь как-то *забылись* инструкции, помнилась только общая русская беда, из которой надо было вылезать общими усилиями» (Там же).

«Отец отрезал кусок колбасы. — Лови, Васька! Васька [тигренок], все еще стоя на столе, широко раскрыл свою пасть. Колбаса ловко шлепнулась в нее и мигом *проглотилась*. А Васька выпучил на нас глаза: это что же за надувательство? Куда же колбаса девалась, а?» (О. Перовская. Ребята и зверята).

«Однажды ночью по пионерской цепочке *передалось*: «Тревога! Все на сбор!» (Н. Богданов. Однажды ночью, сб. «Кряжонок»).

«Но все кончается. Грузовик остановился, и под ногами *ощутилась* твердая, не колеблющаяся опора» (В. Солоухин. Владимирские поселки).

«На наш взгляд, недостатки *породились* потому, что партийные организации и правления отдельных колхозов, добившись некоторых успехов, успокоились и перестали контролировать работу ремонтников» («Красный север», Вологда, 25.IV.1959).

Из приведенных примеров, количество которых легко можно умножить, явствует, что формы прошедшего времени от страдательных глаголов совершенного вида существуют. Причем они довольно широко употребляются не только без творительного

падежа содействующего объекта, но и с творительным падежом указанного значения, подчеркивающим и подтверждающим специфическое значение страдательности в данных возвратных глаголах, например:

«Скоро вслед за ними все угомонилось, и гостиница *объялась* мертвым *сном*» (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

«Дыбом становится волос, *Чем наводнилась* печать; Даже умеренный «Голос» Начал не в меру кричать» (Н. А. Некрасов. Песни о свободном слове).

«В снах тоже появилась своя жизнь; они *населились* какими-то *видениями*, *образами*, с которыми она иногда говорила вслух» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Короткие сумерки быстро *сменились* чудною, ласковою тропическою *ночью*» (Н. М. Станюкович. Максимка).

«Мозг *озарился мыслью*, что, быть может, во всем мире нашелся один лишь человек..., который пожалел старуху» (А. С. Новиков-Прибой. Попался).

«Двор посольства неожиданно *наполнился толпой* соотечественников» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Уверенность эта внезапно *впиталась* всем *существом* Рагозина и стала действительностью» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Узнав викария, он сразу настолько *покорился им*, что стал порицать даже тех, кто колебался в признании за монахом неоспоримой безгреховности» (Там же).

«Покупка машины *ускорилась размолвкой* с Ильей Матвеевичем» (В. Кочетов. Журбины).

3. Что касается форм лица, то указываются ограничения в употреблении их от страдательных глаголов как совершенного, так и несовершенного вида: «...вообще формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице ед. и мн. ч.; для выражения 1-го и 2-го лица прибегают к первому способу образования страдательного залога (т. е. к страдательным причастиям. — *Н. Я.*)»[56].

При выяснении закономерностей словоизменения всегда существенно различать, образуется ли данная форма в исследуемом разряде слов и только является малоупотребительной по тем или иным причинам или не образуется вовсе. Страдательные глаголы, действительно, редко употребляются в формах 1-го и 2-го лица, потому что обозначаемое этими глаголами отобъектное пассивное действие редко приписывается лицам речи, а также потому, что в русском языке есть формы страдательных причастий, передающие значения, близкие к значениям спрягаемых форм возвратных глаголов страдательного значения и употребляющиеся при подле-

[56] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 189. Об этом говорят и другие исследователи: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 457—458; И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 154.

жащих — личных местоимениях 1-го и 2-го лица предпочтительнее. Тем не менее указанные формы от страдательных глаголов употребляются, а потому отрицать их безоговорочно нельзя.

«И скоро ль на радость соседей-врагов Могильной *засыплюсь* землею?» (А. С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге).

«Через неделю я получил повестку от председателя суда и узнал из нее, что я *назначаюсь* общественным обвинителем по делу» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Я не могу быть полезным вашему сыну по той простой причине, что сам, да, сам, *привлекаюсь* по политическому делу» (К. А. Федин. Первые радости).

«Каждый день я *ослепляюсь* солнцем и подхожу к окну, чтобы любоваться его лучами» (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве).

«Сережа глубоко вздохнул и почувствовал, что у него противно засосало под ложечкой и немножно зарябило в глазах. «Наверно, *укачиваюсь*», — со страхом подумал он» (П. А. Павленко. Степное солнце).

«Когда я пришлю Вам контракт подлинный — предложите Вы этой фирме издать полное собрание моих сочинений. Я здесь очень *читаюсь* — «Фома» на-днях вышел 17-м изданием» (А. М. Горький. Письмо И. П. Ладыжникову от августа 1906 года).

«В этом все дело, — застонал Пьянков. — Я пишу, *издаюсь*, а меня почти не знают» (С. Нариньяни. На букву «П»).

«— На прививку! Третий класс! — Вы слыхали? Это нас! Я уколов не боюсь. Если надо — *уколюсь*! Ну, подумаешь: укол! Укололся и — пошел...» (С. Михалков. Прививка).

«— Ну, что Питер, как на тебя действует, — прокричал Богатырев, — скажи, а? — Чувствую, что *загипнотизировываюсь*, — сказал Нехлюдов. — *Загипнотизировываешься*? — повторил Богатырев и громко захохотал» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Жаль одно: на пустые приманки, Милый юноша! *ловишься* ты, Отвратительны эти цыганки» (Н. А. Некрасов. Недавнее время).

«Ой ты, охота псовая! Забудут все помещики, Но ты, исконно-русская Потеха! не *забудешься* Ни во веки веков!» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Сегодня ты *видишься* мне со шрамами на вдохновенном лице» (Назым Хикмет. Думаю о тебе, перевод М. Луконина).

«Теперь, в мечтаньях дерзновенный, Он проникает в глубь высот, И ты Разведчицей вселенной Им *посылаешься* Вперед!» (Б. Лихарев. Собака, «Звезда», 1958, № 2).

«— На работу? — переспросила мать, не веря ушам своим, — не поспеешь, что ли? Спала бы, гудки будут — *разбудишься* (В. Родной. Комсомольская ударная).

«Вы *обвиняетесь* в злостном саботаже» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Ершов, — сказал он, — инженер Воробейный и ты *прикоман-*

дировываетесь к члену парткома мастеру Василенко» (В. Кочетов. Братья Ершовы).

Что касается прошедшего времени, то оно не располагает специальными формами для различения лиц, но употребление форм прошедшего времени при подлежащих — местоимениях 1-го и 2-го лица тоже возможно, например:

«Для меня особый интерес представляли обеды Шарля Эмбера, на которые *я приглашался* не как военный агент, а как один из протестующих против недостаточной материальной помощи, оказываемой союзниками русской армии» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«На обедах у Ипполитова-Иванова, куда *я* неизменно *приглашался*, Римский-Корсаков бывал всегда в отличном настроении» (С. Василенко. Страницы воспоминаний).

«Давно ли *вы* так *поработились* ими, о боже!» (Ф. М. Достоевский. Бесы).

4. Указывают также на невозможность образовать инфинитив от возвратных глаголов страдательного значения: «Инфинитив страдат. не может быть произведен посредством *-ся* в противоположность страдат. залогу спрягаемых форм; это зависит от того, что *-ся* может окончательно парализовать для сочетавшегося с ним названия субстанции значение субъекта действия, производителя, только при наличности такого подлежащего, которому это действие приписано быть не может; между тем при инфинитиве такого подлежащего вообще быть не может» [57].

Инфинитив есть у каждого отдельного глагола (за исключением, может быть, единичных непродуктивных случаев, типа *гнетет*), потому что это независимая форма глагола, заключающая наиболее отвлеченное и свободное выражение данного процесса. Именно поэтому все глаголы, в том числе и возвратные глаголы страдательного значения, в словарях приводятся в форме инфинитива. Разве можно предположить, что в толковых, нормативных словарях приводятся в качестве заглавных слов несуществующие формы? Нет сомнения, что объект действия производящего глагола не может стать непосредственным субъектом при инфинитиве страдательного глагола в сказуемом, но в том-то и дело, что значение страдательности заключается не в структуре предложения, а в определенной лексической соотносительности со значением производящего глагола, и эта лексическая соотносительность свойственна в равной степени всем формам словоизменения глагола.

Инфинитив возвратных глаголов страдательного значения встречается прежде всего очень широко в формах будущего времени от страдательных глаголов несовершенного вида, например:

«Уговор наш *будет считаться* нарушенным, как только вы выедете оттуда» (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо).

[57] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 481; см. также: Грамматика русского языка, т. I, стр. 505.

«Дошли до меня слухи, что в Петербурге *будет ставиться* на сцену моя пьеса „Доходное место“» (А. Н. Островский. Письма).

«Только тогда от наших мероприятий будет прок государству, если они *будут применяться* в общесоюзном масштабе» (В. Панова. Спутники).

«А имя автора *будет вспоминаться* и *чествоваться*, и будет бессмертен скромный художник со своею простою наружностью» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Даже если бы инфинитив страдательных глаголов употреблялся только в составе форм будущего времени, мы не имели бы права говорить об отсутствии инфинитива у возвратных глаголов страдательного значения, так как «в образованной таким способом форме будущего времени инфинитив спрягаемого глагола выражает реальные и несинтаксические формальные значения (вид, возвратность или невозвратность, переходность или непереходность), тогда как вспомогательный глагол выражает синтаксические формальные значения (наклонение, время, лицо, число)»[58].

Однако инфинитив страдательных глаголов довольно широко употребляется и не только в составе будущего времени, но и в морфологически свободном употреблении, обычно примыкая к словам, связывающим его в той или иной степени с субъектом действия. Такими словами чаще всего бывают глаголы типа: *стать*, *начать*, *продолжать*, *перестать*, *мочь*, *хотеть*, *желать* и другие, например:

«— Старосту, старосту кличет... Дрон Захарыч, вас, — послышались кое-где торопливо-покорные голоса, и шапки *стали сниматься* с голов» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

«Пассажирские вагоны были пусты, скамейки недавно вытерты, поезд, видно, только что приготовили. С шумом и торжествующим грохотом вагоны *начали* живо *заполняться*» (К. А. Федин. Необыкновенное лето).

«А вопрос о стадионе между тем *продолжает обсуждаться* (в который раз) и в Уфимском горкоме КПСС, и в Исполкоме горсовета, и даже в некоторых республиканских учреждениях» («Правда», 30.VI.1954).

«Не *перестает ощущаться* боль оттого, что известно, какой болезнью она порождена» (К. А. Федин. Необыкновенное лето).

«Эта самая неверная, убыточная профессия земледельца на небольшом куске земли *могла бы* с успехом *вестись* в его имении приказчиком за сто рублей в год» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Новый двигатель отличается удобным воздушным охлаждением, плавным ходом, он *может* легко *запускаться* и работать в лютые морозы» («Комсомольская правда», 12.XI.1959).

«Казалось, весь город *хотел* у него [художника Чарткова] *писаться*» (Н. В. Гоголь. Портрет).

«[Тарас] узнав о тех нападениях, которым подвергалась его

[58] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерки грамматики русского литературного языка, стр. 194.

жена, *пожелал арестоваться*, чтобы защищать ее, и с Нижнего ехал как арестант, вместе с заключенными» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Нож о камень точат, нож визжит — не хочет. Нож все больше злится: «Проживу и так! Не *хочу точиться*!» Вот чудак!» (Ф. Кривин. Нож).

«Тетради *должны просматриваться* учителем регулярно, по возможности ежедневно» (А. С. Пчелко. Методика преподавания арифметики).

«За его разные проделки ему *следовало бы подвергнуться* наказанию по крайней мере в пять раз больше» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«И действительно, известия о Мишкиных подвигах *не замедляли получаться*: вчера он [олень Мишка] отколотил ребят..., сегодня утащил и пожевал чье-то платье» (О. В. Перовская. Ребята и зверята).

Сравните также:

«Короткое, ежедневное сближение человека с человеком не обходится ни тому, ни другому даром: много надо, и с той и с другой стороны, жизненного опыта, логики и сердечной теплоты, чтоб, наслаждаясь только достоинствами, не колоть и не *колоться* взаимными недостатками» (И. А. Гончаров. Обломов).

Встречается инфинитив и от страдательных глаголов совершенного вида, например:

«Его доход с земли уменьшился почти наполовину, но был с избытком достаточен для Нехлюдова, особенно с прибавлением суммы, которую он получил за проданный лес и которая *должна была выручиться* за продажу инвентаря» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Его знали в художественных кругах Парижа как своеобразного и серьезного мастера, но широкой публике он был неизвестен, — он не гонялся за успехом, не пускал к себе критиков, да и работал слишком медленно, чтобы *запомниться* посетителям выставок» (И. Эренбург. Буря).

«Сейчас важно не упустить случай. Показать себя. Вызвать доверие. *Запомниться*» (Г. Николаева. Битва в пути).

Сравните инфинитив страдательного глагола в безличном предложении:

«Кто бы мог подумать..., что этой речке *суждено будет обагриться* кровью сынов французского народа» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

Таким образом, нет достаточных оснований для того, чтобы отрицать отсутствие форм инфинитива у возвратных глаголов страдательного значения; можно только отметить более или менее ограниченную структурно употребляемость этих форм. Между прочим, наличие у страдательных глаголов формы инфинитива является косвенным подтверждением того, что страдательные гла-

голы представляют собой отдельные, самостоятельные слова, а не формы производящих переходных глаголов.

5. Многие исследователи указывали также на отсутствие форм деепричастий от возвратных глаголов страдательного значения[59]. Действительно, деепричастия от страдательных глаголов, как правило, не образуются, но поскольку здесь нет противоречия между лексическим значением глагола и грамматическим значением формы, иногда встречаются все же формы деепричастий, в которых можно усматривать или предполагать страдательное значение, например:

«Теперь наступали сумерки; даль начинала уже пропадать, *заслоняясь* густым, сизым *мраком*» (Д. В. Григорович. Кошка и мышка).

«С полгода, по смерти Обломова, жила она с Анисьей и Захаром, *убиваясь горем*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«И весь этот мирный пейзаж на моих глазах как будто оживал, *переполняясь шорохом, плеском* и *звоном* буйной реки» (В. Г. Короленко. Река играет).

«Первая, так сказать, разговорная часть протекала в библиотеке, *завершаясь* легким *чаем*, вторая — был ужин в парадной столовой для связей сердечных и родственных» (О. Форш. Одеты камнем).

В приведенных примерах налицо даже дополнение в творительном падеже, которое легко может быть истолковано в качестве творительного содействующего объекта. Конечно, подобные деепричастия встречаются и без дополнения в творительном падеже, например:

«Таким образом, на первый раз дело кончилось ничем. Но есть разговоры, которые, раз *начавшись*, уже не прекращаются. Через несколько часов Арина Петровна вновь возвратилась к прерванной беседе» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Еще больше пунктов называлось и сразу отбрасывалось, не *удостоиваясь* разведки. И между ними был и Куряж» (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма).

Рассмотрев возможность образования различных форм словоизменения от возвратных глаголов страдательного значения, можно сделать вывод, что отмечаемая в литературе ущербность системы словоизменения возвратных глаголов страдательного значения несколько преувеличена и что рассматриваемые глаголы отличаются от прочих возвратных только тем, что от них не образуются формы повелительного наклонения и крайне редко образуются формы деепричастий. В отношении же других форм словоизменения (в том числе форм прошедшего времени от глаголов совершенного вида, форм 1-го и 2-го лица и форм инфинитива) рассматриваемые глаголы никакого исключения не представляют, хотя некоторые из этих форм и ограничены в употреблении.

---

[59] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 481; А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 61; Грамматика русского языка, т. I, стр. 505.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кроме возвратных глаголов страдательного значения, к отобъектным возвратным глаголам принадлежит еще многочисленная, но замкнутая группа глаголов, отличающихся по своей семантике от всех остальных возвратных глаголов.

В эту группу входят следующие глаголы: *беспокоиться, вдохновиться, веселиться, возбудиться, возмутиться, волноваться, воодушевиться, восхититься, встревожиться, завлекаться, завлечься, заинтересоваться, закручиниться, злиться, изумиться, интересоваться, испугаться, истомиться, конфузиться, мучиться, обеспокоиться, обидеться, обижаться, обмануться, обрадоваться, образумиться, огорчаться, огорчиться, ожесточаться, ожесточиться, оживиться, оживляться, ослепиться, ослепляться, опечалиться, очароваться, очаровываться, печалиться, пленяться, пленяться, порадоваться, поражаться, поразиться, прельститься, прельщаться, пугаться, радоваться, развеселиться, разволноваться, раздражаться, разозлиться, растрогаться, сердиться, сконфузиться, смутиться, смущаться, соблазниться, соблазняться, терзаться, томиться, тревожиться, трогаться, тронуться, тяготиться, убедиться, убеждаться, увлекаться, увлечься, удивиться, удивляться, удовлетвориться, удовлетворяться, удручаться, ужасаться, ужаснуться, умилиться, умиляться, успокоиться, успокаиваться, утешиться, утешаться* и др.

Эти глаголы получали в научной литературе различное истолкование как со стороны своего лексического значения, так и со стороны своих отношений и связей с другими разрядами возвратных глаголов.

Первым обратил внимание на этот семантический разряд возвратных глаголов Ф. Ф. Фортунатов, находивший в этих глаголах «значение изменения, происходящего в состоянии самого субъекта признака, от глаголов, обозначающих в невозвратной форме действия, производящие изменения в состоянии объектов, напр.: *сердиться, томиться, радоваться, мириться, гнуться, вертеться, кидаться, литься* и мн. др., между прочим и *садиться, становиться*, в их соотношении с *садить, становить*, между тем как *садиться*,

становиться, присесть, стать в соотношении с *сидеть, стоять* имеют, понятно, другое значение, не связанное с формою залога» [1].

Нам кажется, что Ф. Ф. Фортунатов объединил в данном разряде несходные глаголы, так как одни из них и вне сопоставления с производящими глаголами обозначают «изменение», происходящее в состоянии субъекта, как например: *гнуться* («становиться гнутым, изогнутым»), другие глаголы указывают на внешнее состояние субъекта, как, например, *литься*, и третьи, не указывая ни на какое изменение в состоянии, обозначают просто внутреннее состояние или переживание субъекта, например, *радоваться*.

А. А. Шахматов первоначально также объединял в одном разряде лексически разнородные глаголы, следуя в характеристике их за Ф. Ф. Фортунатовым: «Возвратно-общее, когда действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта: *радоваться, печалиться, горячиться, веселиться, влюбиться, сердиться, учиться, заботиться, беситься, томиться, хвалиться, обидеться, баловаться, интересоваться, любоваться, решаться, томиться*» [2].

Не вполне понятно только, почему в этот разряд внесены глаголы *хвалиться* и *решаться*: в них явно нет такого значения, когда «действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта». Что же касается глаголов *горячиться, заботиться, баловаться*, то они отличаются от прочих названных глаголов тем, что их связь с производящими переходными глаголами стала более далекой и индивидуальной, вследствие чего поблекло и специфическое значение, свойственное глаголам этой группы. Позднее А. А. Шахматов несколько изменяет свой взгляд на значение возвратных глаголов этой группы и на их отношение к другим разрядам возвратных глаголов, выделяя в отдельную группу «глаголы, означающие внутренние, душевные переживания субъекта, причем субъектом может быть только одушевленное существо; при одних из них имеются вне сочетания с *-ся* глаголы переходные; при других — таких глаголов нет вообще; не вижу основания отделять одни глаголы от других в их залоговом значении. Синтаксическим отличием от предыдущей группы является невозможность для них означать страдат. залог. Примеры для глаголов на *-ся*, при которых известны глаголы без *-ся*: *радуюсь, сознаюсь, веселюсь, бьюсь, колочусь, тороплюсь, теряюсь, беспокоюсь*. Примеры для глаголов на *-ся*, при которых нет глаголов без *-ся: боюсь, стараюсь, опасаюсь, горжусь, улыбаюсь, усмехаюсь*» [3].

В данном определении А. А. Шахматов, с одной стороны, точнее формулирует значение возвратных глаголов интересующей нас

---

[1] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, стр. 1154—1155.
[2] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 195.
[3] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 478.

группы, говоря уже не об «изменении» внутреннего состояния субъекта, а только о внутреннем, душевном «переживании» одушевленного субъекта; но, с другой стороны, он отказывается здесь от очень существенной части своего прежнего определения, а именно от того, что при этом значении возвратного глагола предполагается воздействие предмета на внутреннее состояние субъекта.

Следующим образом характеризует рассматриваемый разряд возвратных глаголов В. В. Виноградов: «В этом случае *-ся*, замыкая действие в сфере субъекта, образует возвратные глаголы, выражающие изменения во внутреннем состоянии субъекта (*сердить — сердиться; радовать — радоваться; торопиться, веселиться, страшиться, удивляться, удовлетворяться, подчиняться, восхищаться, признаться, беспокоиться, утешиться* и т. п.). Очевидно, это значение может возникнуть лишь в лексическом кругу глаголов со значением чувства, внутреннего душевного переживания. Возвратные глаголы внутреннего состояния не могут иметь страдательного значения. Соотношение субъектных и объектных значений в них иное, чем в глаголах «физических изменений» (типа *пожиматься, бросаться)*. Здесь *-ся* указывает на то, что субъект сам охвачен действием-состоянием (т. е. переживанием, чувством). Это значение родственно лексическому значению так называемых «общих глаголов», которые не имеют соответствий среди форм без *-ся: стараться, бояться, опасаться, гордиться, улыбаться, усмехаться* и т. п.» [4].

Как видим, В. В. Виноградов также называет это значение значением «изменения» в состоянии субъекта, проводит разграничение между данными глаголами и глаголами со значением «физического изменения», утверждает невозможность в них страдательного значения и отмечает близость их к несопоставимым глаголам со значением чувства. Что касается глагола *торопиться*, который часто приводят в ряду глаголов рассматриваемого значения, то, пожалуй, он несколько отличается по своей семантике от всех остальных, так как обозначает не столько внутреннее переживание, сколько дает характеристику внешнего действия: «спешно делать что-либо». Глаголу *подчиняться* тоже, видимо, не место среди глаголов, обозначающих внутренние переживания. Глагол же *веселиться*, хотя в настоящее время и не имеет значения внутреннего переживания, но еще не так давно такое значение в этом глаголе было. Сравните:

«Сажая деревцо, и тем я *веселюсь*, Что если от него сам тени не дождусь, То внук мой некогда сей тенью насладится» (И. А. Крылов. Старик и трое молодых).

Следуя в характеристике этих глаголов за Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковский уточняет и развивает основное положение Ф. Ф. Фортунатова: «Значение этой рубрики определяется из того

[4] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 632.

значения, которое имеют эти глаголы без надставки *-ся*. Они обозначают тогда действие, изменяющее душевное состояние того предмета (лица), на который оно направлено (*сердит, удивляет, умиляет* и т. д.). В глаголах же с *-ся* показано, что это изменение душевного состояния происходит как бы само собой, в самом деятеле. *Сердится* — это значит, что человек испытывает то самое состояние, которое он производит в другом, когда его *сердит*» [5].

В академической «Грамматике русского языка» говорится, что эти глаголы «обозначают, что действие, замкнутое в субъекте, относится к изменениям во внутреннем состоянии субъекта, что субъект как бы охвачен соответствующим действием-состоянием. Такое значение может возникнуть лишь у глаголов, основа которых обозначает чувства, душевные переживания».[6] В другом месте по поводу этих же глаголов сказано: «Возвратная частица *-ся* в этом случае выражает значение обращенности действия к самому носителю его — субъекту; она указывает на сосредоточенность, замкнутость действия в самом субъекте» [7].

Следует заметить, что вообще, за небольшим исключением, в любом возвратном глаголе, образованном от переходного глагола, поскольку частица *-ся* устраняет переходность, действие сосредоточивается, замыкается в самом субъекте. Но семантическое соотношение с производящей основой может быть при этом различным.

Если исходить в классификации сопоставимых возвратных глаголов, образованных от переходных глаголов, не только из их собственного общего лексического значения, но и из того сдвига в значении, который происходит в новообразованном при помощи частицы *-ся* возвратном глаголе по сравнению со значением производящего глагола, то нетрудно будет убедиться, что рассматриваемый разряд глаголов ближе всего по своему возвратному значению к глаголам страдательного значения.

По своему общему лексическому значению глаголы этого разряда обозначают не изменение в состоянии субъекта, а просто различные внутренние переживания субъекта [8], например:

«Шацкий узнал, что в форте Александровском *томился* в ссылке Тарас Шевченко» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Я *терзался* от мысли, что кто-нибудь донесет» (О. Форш. Одеты камнем).

«Помещик *закручинился*, Упал лицом в подушечку» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

---

[5] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 130—131.
[6] Грамматика русского языка, т. I, стр. 34.
[7] Там же, стр. 415.
[8] Л. А. Булаховский называет это значение значением «внутреннего переживания», см. его «Курс русского литературного языка», I, стр. 175.

«Увы! *Утешится* жена, И друга лучший друг забудет» (Н. А. Некрасов. Внимая ужасам войны).

«Молодой электромонтер Низвецкий вдруг *сконфузился* и встал» (В. Панова. Спутники).

«И чем больше он говорил, тем сильнее *волновался* и отпивал стаканом воду из графина» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Если и можно видеть в данных примерах какое-либо изменение в состоянии субъекта, то только в пределах такого изменения, которое связывается со значением форм времени и вида глагола и возможно в любом глаголе, возвратном и невозвратном, обозначающем состояние. В последнем примере, из И. Е. Репина, действительно, выражается изменение в состоянии субъекта, но оно выражается не глаголом *волновался*, а наречием *сильнее*.

Следствием специфического лексического значения этих глаголов подлежащим при них выступает, как правило, название одушевленного предмета: человека, животного, птицы. Реже, вместо названия живого существа, могут выступать другие слова (названия органов человеческого тела, их функций, психологических процессов и т. п.), синекдохически указывающие на живое существо — субъект данного переживания или чувства, например:

«*Глаза* его *опечалились*, он похудел и стал жить бирюком» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Вижу дитя на руках у родимой, *Сердце волнуется* думой любимой» (Н. А. Некрасов. Свобода).

«И проклял я то *сердце*, что *смутилось* Перед борьбой — и отступило вспять» (Н. А. Некрасов. Возвращение).

«Для него, для Пастухова, который умрет, в смерти нет никакого смысла. И его *мысль возмущается* смертью» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«В мощной груди занимается дух; Дивной гармонией *нежится слух*» (Н. А. Некрасов. Псовая охота).

«И чем чаще *смущалось воображение* представлением о Головлеве, тем сильнее развращалась воля, и тем дальше уходили вглубь недавние кровные обиды» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Едва ее ноги держали, *Душа истомилась* тоской» (Н. А. Некрасов. Мороз, красный нос).

Производящие невозвратные глаголы, от которых образуются возвратные глаголы со значением внутреннего переживания, представляют собой лексически обособленную группу среди других переходных глаголов и обладают целым рядом свойственных только им особенностей. В них, безусловно, имеется значение «изменения в состоянии», но только это изменение в состоянии относится к состоянию объекта, а не к состоянию субъекта.

«Чтобы понять этот оттенок значения, — пишет М. Н. Петерсон, — надо иметь в виду, что такие глаголы переходного залога, как *сердить*, *пугать* и т. п., обозначают такое воздействие субъекта

на объект при котором субъект изменяет или стремится изменить состояние объекта» [9].

В данном определении тонко подмечена и точно сформулирована основная сторона значения переходных глаголов, от которых образуются рассматриваемые возвратные глаголы; при этом учтены даже те различия в значении этих глаголов, которые могут быть связаны с принадлежностью этих глаголов к различным видам.

Итак, переходные глаголы, типа: *возмущать, волновать, злить, огорчать, пугать, поражать, радовать, сердить, тревожить, удивлять, утешать* и т. п., обозначают — воздействовать на кого-либо в сторону возбуждения в нем определенного чувства или переживания. При этих глаголах в силу их лексического значения возможен в качестве объекта только одушевленный предмет, поэтому прямое дополнение при них выражается названием одушевленного предмета или словами, синекдохически указывающими на живое существо: музыка *волнует слушателей*, музыка *волнует сердца* слушателей. Конечно, здесь, как и в любых подобных случаях, может иметь место персонификация неодушевленных предметов, позволяющая их названиям выступать наряду с названиями одушевленных предметов в качестве прямого объекта при данных глаголах, например: Солнце *радует землю*. В качестве же субъекта при этих переходных глаголах возможен как одушевленный, так и неодушевленный предмет, например: *сын радует* родителей, воздушные *шары радуют* детей. Наряду с названием предмета неодушевленного в качестве грамматического субъекта при данных глаголах выступают придаточные предложения, например:

«Андрея *поразило, как изменился Степан Бояркин за одни сутки*» (М. Бубеннов. Белая береза).

При субъекте — неодушевленном предмете — воздействие на объект может носить только пассивный (непроизвольный) характер; при субъекте — одушевленном предмете — воздействие на объект может носить как пассивный (непроизвольный), так и активный (произвольный) характер, что создает более или менее значительные нюансы в значении глагола, например:

«О милый сын, ты входишь в те лета, Когда нам кровь *волнует* женский лик» (А. С. Пушкин. Борис Годунов).

«Когда требовалось устроить стачку против начальства, то опять коноводом был Гороблагодатский: под его влиянием отпетые настраивали недавно сеченных и вообще недовольных; эти *волнуют* весь класс, самые смиренные и кроткие начинают шуметь и грозить» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Одной из более частных примечательных особенностей данных производящих глаголов является также то, что от многих глаголов

---

[9] М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку, стр. 81.

несовершенного вида, принадлежащих к данному лексическому разряду, несмотря на то, что они являются переходными глаголами, нельзя образовать страдательных причастий настоящего времени (что касается страдательных причастий прошедшего времени, то они не образуются обычно от этих глаголов так же, как не образуются обычно и от большинства глаголов несовершенного вида), например, от глаголов: *радовать, сердить, злить, беспокоить, гневать, конфузить, пленять* и др. Однако от других глаголов несовершенного вида, входящих в данный лексический разряд, страдательные причастия настоящего времени легко образуются, например: *оскорблять — оскорбляемый, обижать — обижаемый, вдохновлять — вдохновляемый, ожесточать — ожесточаемый* и т. п.

Таковы производящие переходные глаголы, от которых образуются возвратные глаголы со значением внутреннего состояния или переживания.

Интересно, в сравнении с образованием других разрядов возвратных глаголов, то, что возвратные глаголы со значением внутреннего переживания образуются от всех переходных глаголов рассмотренного лексического значения, независимо от их вида, кроме единичных случаев, когда в языке имеются возвратные глаголы другого образования, выступающие со значением соответствующего внутреннего переживания, например, от глагола *смешить* нет *смешиться*, поскольку есть *смеяться*, от глагола *обнадеживать* нет *обнадеживаться*, поскольку есть *надеяться*.

Как же видоизменяется значение основ этих производящих глаголов с прибавлением к ним словообразовательной частицы *-ся*? Что происходит при этом с прямым объектом производящего глагола и как утрата его отражается на лексическом значении производного глагола?

При выделении глаголов страдательного значения, при характеристике самого страдательного значения исходят обычно из одного и того же реального факта и сопоставляют различные языковые выражения этого факта, причем для сопоставления берутся предложения с различными подлежащими, например: *почтальон разносит письма — письма разносятся почтальоном*. При выделении же других разрядов производных возвратных глаголов, в частности при определении значения рассматриваемых глаголов, обычно исходят из различных фактов реальной действительности и сопоставляют предложения, имеющие одно и то же подлежащее, например: *я сержу кого-либо — я сержусь*. При таком сопоставлении значений ускользает из поля зрения та метаморфоза объекта действия производящего глагола, которая так характерна для глаголов страдательного значения, но которая имеет место и при образовании глаголов со значением внутреннего переживания, состояния. Ведь если сопоставить: *меня сердят — я сержусь*, то это сопоставление аналогично сопоставлению: *письма разносят — письма разносятся*.

Сравните также:

«— Вот, эфенди, ваши вещи [говорит врач, выписывая больного из лечебницы. — *Н. Я.*]. Смотрите, в шашки больше не играйте. Не утомляйте ваш мозг. И, самое главное, не *раздражайтесь*. — Человек сам по себе не раздражается, *его раздражают*» (Омер Сейфеддин. Вернулся разум, перевод Е. Гальпериной, «Турецкие рассказы», 1940).

«Лариса. Да ведь они меня *терзают*-то? Огудалова. А кому нужно, что ты *терзаешься*. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?» (А. Н. Островский. Бесприданница).

«Вершинский. Вы, кажется, задали себе задачу постоянно *бесить меня*... Варя (хохочет). Бесить!.. Ха-ха-ха! Бесить! Разве вы *беситесь*? Пустите меня. Вершинский (кусая губы). Ну, извините, я хотел сказать — сердить» (А. Н. Островский. Дикарка).

«[Дикой] Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче *сердиться*, а он, как нарочно, *рассердил*-таки» (А. Н. Островский. Гроза).

«— Вас, молодых, не перемолотишь! *Замаяли* совсем. — Но по легким ее шагам и взмахам рук и по задорному ее лицу совсем не видно было, что она *замаялась*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Уже в первой формулировке А. А. Шахматова, данной им в «Очерке...» глаголам внутреннего переживания или состояния, имеется намек на сходство значения данных глаголов со значением страдательных глаголов в замечании о том, что «действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта» (см. выше, стр. 150).

Тем не менее никто из исследователей, выделявших данный лексический разряд возвратных глаголов, не отмечал близости этих глаголов к глаголам страдательного значения, а, напротив, многие усматривали в этих глаголах близость и сходство с другим разрядом возвратных глаголов — с глаголами, обозначающими изменения во внешнем состоянии субъекта. Так, например, П. С. Кузнецов объединяет все эти глаголы с глаголами, обозначающими физические действия: «Действие (или состояние) замыкается в самом субъекте, причем речь может идти как о физических действиях его, так и о психических состояниях. Сюда относятся такие случаи, как *останавливаться, прогуливаться, торопиться, радоваться, тревожиться, удивляться*»[10].

На первый взгляд эти глаголы и в самом деле кажутся близкими, так как при выяснении характерных оттенков значения возвратных глаголов в их соотношении со значением производящих глаголов может быть не столь существенно, о внешних или внутренних изменениях в состоянии субъекта идет речь. В действительности же это не так: между этими двумя разрядами возврат-

[10] Современный русский язык. Морфология, стр. 340.

ных глаголов глубокое различие как в способе их образования и соотношения с основой производящего глагола, так и в общем лексическом значении, связанном с возвратностью этих глаголов. Общее же у них только в их непереходности, вызванной присоединением частицы *-ся*. Глаголы со значением внутреннего переживания могут иметь, как мы видели, синонимические выражения одного и того же факта реальной действительности и через невозвратный и через возвратный глаголы, что свидетельствует о включении значения производящей основы в значение производной, тогда как для глаголов, обозначающих внешние изменения в состоянии субъекта, физические действия субъекта, таких синонимических конструкций нет и не может быть, поскольку нет метаморфозы объекта действия производящего глагола в субъект производного. Не может быть соответствующего одному и тому же реальному факту сопоставления: *меня бросают — я бросаюсь, собаку прогуливают — собака прогуливается*, а если бы такое двоякое выражение оказалось возможным, то возвратный глагол имел бы в данном случае страдательное значение, например:

«Человек залезал в длинное круглое жерло. Захлопывалась задняя крышка и открывалась передняя. Сжатым *воздухом подводник выбрасывался* из лодки» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

Синонимический оборот: сжатый *воздух выбрасывал подводника* из лодки. Глагол *выбрасываться* имеет в данном случае страдательное значение.

Сравните: «С тех пор, как я в прошлом году *выбросился* с парашютом из горящего самолета, прыгать мне уже нельзя» (А. Гайдар. Судьба барабанщика).

«Трое суток шел тяжелый зеленый лед. Бился в причальные стенки, лез пластами на пороги стапелей, *выбрасывался* на берега» (В. Кочетов. Журбины).

К обоим последним примерам подобрать синонимические обороты с производящими глаголами невозможно. Глаголы *выброситься* и *выбрасываться* не имеют в данных употреблениях значения страдательности.

Если при этом сопоставить тот факт, что отмеченные выше ограничения в выражении субъекта (подлежащего) при возвратных глаголах со значением внутреннего переживания, состояния полностью совпадают с ограничениями в выражении объекта при производящем переходном глаголе, то вряд ли у нас останется сомнение в том, что этот субъект при возвратном глаголе является трансформацией соответствующего объекта при невозвратном производящем глаголе. Это убеждает нас в том, что характерная для глаголов страдательного значения специфическая связь возвратного глагола с производящим переходным, заключающаяся в превращении объекта производящего невозвратного глагола в субъект производного возвратного, характерна и для этого разряда глаголов. Сходство соотношения производных и производящих глаго-

лов в обоих разрядах возвратных глаголов свидетельствует о словообразовательной близости глаголов страдательного значения с глаголами внутреннего переживания, т. е. свидетельствует о том, что оба эти разряда глаголов являются отобъектными.

Следует еще заметить, что глаголы совершенного вида со значением внутреннего переживания могут иметь синонимические обороты со страдательными причастиями прошедшего времени, образованными от производящих невозвратных глаголов, например: *увлекся кем-чем — увлечен кем-чем, пленился кем-чем — пленен кем-чем* и др. Что же касается производящих глаголов несовершенного вида, то от них, как было указано, во многих случаях страдательные причастия не образуются вовсе, если же и образуются, то редко используются в предикативной функции как синонимы к спрягаемой форме возвратного глагола. Сравните: *терзается сомнениями — терзаемый сомнениями.*

Творительный падеж дополнения со значением содействующего объекта, в котором отражается субъект действия производящего невозвратного глагола и который некоторыми учеными выдвигался в качестве основного признака страдательного значения возвратного глагола, широко встречается и при возвратных глаголах исследуемого значения, наглядно подтверждая близость словообразовательного характера этих глаголов с глаголами страдательного значения. Поскольку при переходных глаголах со значением возбуждения переживания, чувства в объекте — в качестве субъекта может выступать и одушевленный и неодушевленный предмет, постольку при возвратных глаголах внутреннего переживания, состояния в творительном падеже содействующего объекта возможен и одушевленный и неодушевленный предмет, например:

«Он занимался тогда русской литературой и очень *вдохновился* было *сюжетом*, исполненным впоследствии Литовченкой» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Возбужденный необыкновенной славой, Ге быстро и бурно *возбуждался* всяким *успехом*» (там же).

«А я до такой степени вдруг *возмутился Васильевым*, что даже обрадовался его скорому уходу» (там же).

«Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь *ими волноваться*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Опять он *волнуется мыслью*, как Ольга сначала опечалится...» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Иудушка до того устает за работой и, главное, так *волнуется ею*, что весь в поту встает из-за стола» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Дамы похвалили его голос и музыку, но более *восхищались мягкостью* и *звучностью* русского языка» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Когда мужики трезвели, приходили в себя, они *восхищались талантом* Митрия Степановича, но ругали уже не его, а самих себя» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Если бы она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы *завлекся трудностью* предприятия» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«*Мельницей* Володимирыч так *заинтересовался*, что каждый день нет-нет, да и крикнет, откладывая овчину в сторону...» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Топографы сильно *заинтересовались* его писательскими *опытами*» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Я с вызовом смотрел на нее, я внутренне молил ее *обеспокоиться* моим *возбуждением*, задать вопросы, потребовать ответа» (О. Форш. Одеты камнем).

«Круциферский *обиделся* последней *выходкой* и, против своего обыкновения, довольно холодно и сухо сказал...» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Благодаря русской правдолюбивой натуре, они не только не *оскорблялись* этим *произведением*, но в самых обязательных выражених изъявляли мне свою признательность за верное воспроизведение современных недостатков и пороков их сословия» (А. Н. Островский. Письма).

«Он не *ослеплялся красотой* и потому не забывал, не унижал достоинства мужчины» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Припоминать тот сад, ту темную аллею, Откуда мы *луной пленялись* вместе с нею» (Н. А. Некрасов. Пускай мечтатели осмеяны давно).

«Многие догадывались, что молчаливый пан Попельский *пленился панной Яценко* именно в ту короткую четверть часа, когда она исполняла трудную пьесу» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«Спустившись к Москве-реке, он *пленился* одним *пролетом* моста, заваленным, по-зимнему, всяким хламом» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Вот тогда-то мы оба *пленились дружбой* маркиза Позы и дон-Карлоса и посадили в училищном саду деревца» (О. Форш. Одеты камнем).

«Гусар Пыхтин гостил у нас; Уж как он *Танею прельщался*» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Всякий художник, бывавший в захолустье на этюдах, знает меткие словца подростков, слыхал серьезный, правдивый приговор степенных мужиков всякому лицу, всякому предмету в картине и *поражался верностью* оценки и *беспощадностью* метких эпитетов» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Даже умеренный „Голос" Начал не в меру кричать; Ни одного элемента Не пропустил, не задев, Он *положеньем* Ташкента *Разволновался*, как лев» (Н. А. Некрасов. Песни о свободном слове).

«*Смутился* ли, певец унылый, Измены *вестью* роковой, Или над Летой усыпленный Поэт, бесчувствием блаженный, Уж не *смущается ничем*» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Он увереннее прежнего глядит около себя, не *смущается будущим*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Писаря... не *соблазнились* ни *положением*, ни более высоким *окладом*» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Даже Аннинька, несмотря на жалкую будущность кочующей актрисы, не *соблазнилась* головлевскими *привольями*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Соболь, начальник АХЧ, *терзался сомнениями*» (В. Панова. Спутники).

«Узник усталый в тюремном углу *Терзается* лютою *думой*» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«После полудня она начала *томиться жаждой*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Если ты устанешь, я одна пойду и не выйду без него: он *тронется* моими *просьбами*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Профессор отвечал учтивейшим образом, *тронулся запиской*, но денег не прислал» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Теперь ему по целым неделям приходилось сидеть без рапортичек, и он только изредка *тяготился этим*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Дома я еще ходил в куртке и в отложных воротничках, хотя очень *ими тяготился*» (И. С. Тургенев. Первая любовь).

«Лаксман *тяготился* служебными *обязанностями* и предпочитал странствовать по Сибири» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Он [Васильев] с места в карьер взял меня под свое покровительство, и я *им* нисколько не *тяготился*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Но я не угадал этого назначения, я *увлекся приманками* страстей пустых и неблагодарных» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«А он, не думая о том, Что станется с женой, *Увлекся призраком* пустым» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Многие художники *удовлетворяются* этой *деятельностью* и наживают даже состояние» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Для себя ему, казалось, ничего не нужно было, и он мог *удовлетвориться ничем*» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Когда Максим, по-видимому, *успокоился* этим *уверением*, Вася... продолжал» (К. М. Станюкович. Побег).

«Так размышлял о Лузгиной старый матрос и в эту минуту не *утешался сознанием*, что она будет на том свете в аду» (К. М. Станюкович. Нянька).

«В своей глубокой тоске немного *утешаюсь тем*, что этот коротенький эпизод нашей жизни мне оставит навсегда такое чистое, благоуханное воспоминание» (И. А. Гончаров. Обломов).

Однако далеко не при всех возвратных глаголах внутреннего переживания возможно дополнение в творительном падеже со значением содействующего объекта. Весьма знаменательно то, что творительный падеж содействующего объекта невозможен при некоторых наиболее употребительных возвратных глаголах внутреннего переживания, как, например: *радоваться, обрадоваться, сердиться, рассердиться, удивиться, удивляться* и др.[11] Этот факт может служить убедительным доказательством того, что творительный падеж содействующего объекта отнюдь не является непременным спутником данного значения возвратных глаголов. При глаголах внутреннего переживания, которые не могут иметь при себе творительного падежа содействующего объекта, а также при некоторых глаголах, которые допускают такое сопровождение творительным падежом, возможны и другие, менее типичные способы выражения содействующего объекта или указания на содействующий объект, а именно:

1. Дополнения в родительном или дательном падеже без предлога:

«Не *ужасайся* их *пения* дикого!» (Н. А. Некрасов. Железная дорога).

«О, как я *обрадовался* этому *чувству*!» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Тут из окна повысовывались головы. Смотрят люди и *удивляются* такому *голосищу*» (И. Василенко. Заколдованный спектакль).

2. Дополнение в родительном, винительном, творительном и предложном падежах с различными предлогами:

«Раненые *томились от жары*, ели плохо» (В. Панова. Спутники).

«Надо бы теперь поженить сынка-то, надо бы *порадоваться на* его *счастье*, надо бы внучат понянчить» (Д. В. Григорович. Кошка и мышка).

«Фаина *гневалась* на Супругова *за то*, что он не обращал на нее внимания» (В. Панова. Спутники).

«Надо, чтоб люди сами *на себя рассердились*, опровергли бы свою подлую жизнь» (А. М. Горький. Мои университеты).

«Подали чай, потом завтрак, в продолжение которых Арина Петровна все жаловалась и *умилялась* сама *над собой*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот *о чем томился*» (И. С. Тургенев. Ася).

---

[11] Ср. недопустимое ныне употребление такого творительного падежа у Державина, приведенное В. И. Чернышевым: «Лель *упорством рассердился* (= был рассержен)» («Правильность и чистота русской речи», стр. 284). Что касается страдательных причастий, образованных от тех же переходных глаголов (конечно, там, где причастия возможны), то при них творительный падеж содействующего объекта употребляется: *обрадованный кем-чем, рассер-*

«И дед, у которого любимое занятие при безделье — щелкать на стареньких счетах и который всегда *сокрушается о каждой копейке*, сейчас словно в бане вымылся или переживает какую-то удачу» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Начала *печалиться о том*, что она не христианка» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

3. Придаточное предложение:

«Я *удивился, как он мог угадать*, что мне плохо; по виду этого не могло быть заметно» (О. Форш. Одеты камнем).

«По временам она смотрела на улицу и *убеждалась, что лужи делаются все больше и больше*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Бедняжка! *Радуется, что у него нет дочерей*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«К тому же он так *радовался, что у милиции новая красивая форма*» (О. Форш. Одеты камнем).

«Митюшин ужаснулся при мысли, что его завтра же могут позорно наказать, и *возмутился, что свой же брат, матрос, точно злорадствует позору ближнего и беззаконию*» (К. М. Станюкович. Отчаянный).

«Она расспрашивала его о родственниках и *интересовалась, правда ли, что во Владивостоке очень много китайцев*» (В. Панова. Спутники).

4. Наконец, более или менее широкий контекст, в том числе и придаточные предложения, не имеющие характера дополнения, может давать указание, как то наблюдается и при возвратных глаголах страдательного значения, на содействующий объект, на источник, причину, возбуждающие данное переживание, чувство, состояние:

«Почему другие люди говорят друг другу резкости и не *обижаются*, а его, Супругова, болезненно обижает каждый пустяк?» (В. Панова. Спутники).

«Мы прождали станового все утро, страшно *злились* и пошли наконец на этюды развлечься от тяжелого состояния» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Позором, ужасом, трудом Этапного пути Я вас старался напугать. Не *испугались* вы!» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«— Ах, дядя! скука какая у вас! — На этот раз Порфирий Владимирович серьезно *обиделся* и замолчал» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Тогда Ахметка убеждался, что его поняли, *удовлетворялся* и снисходительно кивал головой в знак солидарности во взглядах» (В. Г. Короленко. Соколинец).

«Он имел неосторожность сослаться на Гершеля и был послан

женный кем-чем, что свидетельствует о значительном несходстве значения страдательности и значения внутреннего переживания.

в город, должен был прочесть книгу и рассказать ей, пока она не *удовлетворилась*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Рекрутчина пришла. Да я не *беспокоилась*: Уж за семью Филиппову В солдаты брат ушел» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Когда они капризничали, она не *раздражалась*, а старалась исполнить их капризы и шутила при этом» (В. Панова. Спутники).

«И когда товарищи, узнав о бывшем с ним приключении в Богучарове, шутили ему, что он, поехав за сеном, подцепил одну из самых богатых невест в России, Ростов *сердился*» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

«Он хотел испугать Захара и *испугался* сам больше его, когда вникнул в практическую сторону вопроса о свадьбе» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Бедная моя! Как она будет *терзаться*, когда я погибну» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Я устал от Горецкого и *обрадовался*, когда он стал уходить» (О. Форш. Одеты камнем).

Устанавливая близость словообразовательного значения возвратных глаголов внутреннего переживания к словообразовательному значению возвратных глаголов страдательного значения, все же нельзя упускать из виду того, что возвратные глаголы внутреннего переживания располагают целым рядом существенных специфических особенностей, не свойственных другим возвратным глаголам, и в том числе — возвратным глаголам страдательного значения.

Прежде всего они отличаются от глаголов страдательного значения весьма своеобразной и сплачивающей их семантикой, базирующейся на лексических особенностях производящих переходных глаголов. Особенности эти состоят в том, что производящие переходные глаголы обозначают определенное воздействие на внутреннее состояние одушевленного объекта, причем это воздействие может носить активный (произвольный) или пассивный (непроизвольный) характер. Соединяются с частицей *-ся* эти глаголы обычно только в значении непроизвольного воздействия. Именно эта, существеннейшая особенность семантики производящих глаголов приводит к тому, что субъект действия производных возвратных глаголов, выражаемый, как правило, одушевленным существительным, выступает более активно и самое действие обозначает не просто отражение воздействия на субъект извне, а реакцию субъекта на воздействие извне, тогда как глаголы страдательного значения характеризуются предельной пассивностью обозначаемого ими действия, которое является только отражением воздействия, получаемого со стороны. В связи с этим можно говорить о состоянии субъекта при глаголах внутреннего переживания, ибо состояние может быть результатом определенного воздействия на предмет, тогда как отражение воздействия нельзя считать, как говорилось выше, состоянием предмета.

В «Грамматике русского языка» говорится, что «так как относящиеся сюда глаголы обозначают поглощенность переживаниями, то значение активного действия в этих глаголах ослаблено» [12]. Мне представляется, что не «значение активного действия в этих глаголах ослаблено», а, наоборот, их отличие от прочих отобъектных глаголов в том, что, обозначая уже возникшее в субъекте переживание или состояние, они тем самым обозначают несколько более активизированное действие по сравнению с пассивным характером действия глаголов страдательного значения.

Таким образом, значение возвратных глаголов внутреннего переживания характеризуется не только тем, что устраненный присоединением частицы *-ся* прямой объект невозвратного переходного глагола становится субъектом действия возвратного глагола, но и тем, что лексическое значение такого возвратного глагола предполагает большую или меньшую активность субъекта действия. Возрастание активности действия может привести возвратный глагол со значением внутреннего переживания к полной утрате сходства с глаголами страдательного значения, к полной утрате отобъектного соотношения с производящим глаголом. Последнему весьма благоприятствует отсутствие при глаголе творительного падежа или иного указания в контексте на причину, источник воздействия, так как при этом ослабляется, как впрочем и в глаголах страдательного значения, связь данного глагола с производящим и связь субъекта действия возвратного глагола с объектом действия невозвратного глагола.

Некоторые ученые указывают как на специфическую особенность глаголов данного словообразовательного и лексического разряда на то, что в них невозможно совмещение значения внутреннего переживания со значением страдательности, что вполне возможно в других возвратных глаголах, принадлежащих к различным разрядам глаголов нестрадательного значения.

Возможность совмещения различных возвратных значений в одном возвратном глаголе базируется в первую очередь на возможности различных способов устранения прямого объекта производящего переходного глагола. А словообразовательный характер возвратности в глаголах внутреннего переживания, т. е. способ устранения прямого объекта переходного глагола при присоединении частицы *-ся*, по существу совпадает с словообразовательным характером возвратности в глаголах страдательного значения, вследствие чего рассматриваемые глаголы ничем не отличаются от возвратных глаголов страдательного значения. Все же, хотя и крайне редко, но можно встретить совмещение в производном возвратном глаголе значения внутреннего переживания со значением страдательности. Возьмем в качестве примера глагол *оскорбляться*:

[12] Грамматика русского языка, т. I, стр. 420.

«Бельтов начал до того забываться, что *оскорблялся* именно этим родственным *участием* посторонних, именно этими отеческими желаниями его исправить» (А. И. Герцен. Кто виноват?). — значение внутреннего переживания.

«В светских искусственных браках большею частью *оскорбляется* и унижается женщина; но в бурсацких и женщина и мужчина» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы). — значение страдательности.

Среди возвратных глаголов имеются отдельные глаголы, которые по своему общему лексическому значению внутреннего переживания, состояния или чувства весьма близки к рассматриваемому разряду, но которые, однако, по тем или иным причинам не могут быть включены в данный словообразовательный разряд возвратных глаголов. Одни из подобных глаголов, хотя и могут сопровождаться творительным падежом, указывающим на причину возникновения данного переживания, чувства, но не сопоставляются с невозвратными переходными глаголами и тем самым исключают возможность какого бы то ни было словообразовательного значения, например: *любоваться кем-, чем-либо, гордиться кем-, чем-либо, удовольствоваться кем-, чем-либо* и т. п. Другие же, хотя и сопоставляются с невозвратными переходными глаголами, но находятся с ними в иных смысловых отношениях. Возьмем для примера глагол *стыдиться*. По общему лексическому значению он близок к глаголам типа *радоваться, смущаться*; при нем, хотя и не употребителен творительный падеж содействующего объекта, но возможен родительный падеж дополнения, указывающий на причину данного переживания.

«*Рук* своих он как будто *стыдился*, и когда говорил, то старался прятать или обе за спину, или одну за пазуху, а другую за спину» (И. А. Гончаров. Обломов).

И тем не менее того словообразовательного отношения к производящему глаголу, которое мы назвали отобъектностью, у этого глагола нет: никто и ничто не стыдит человека, а он сам испытывает стыд, ему стыдно — вот что обозначает глагол *стыдиться*. Сравните:

«Но, покрасневши, сновиденье пересказать *стыдился* он» (М. Ю. Лермонтов. Измаил-бей).

Отмечают еще одну сторону в соотношении между возвратными глаголами внутреннего переживания и производящими глаголами: «Соотношение *сердить — сердиться* аналогично соотношению *вешать — висеть, гноить — гнить* и т. д. Таким образом в рядах *сердить — сердиться, удивлять — удивляться* и др. содержится каузативно-следственное соотношение, чего нет в рядах *поднять — подняться, отправить — отправиться*»[13].

---

[13] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 144.

В самом деле, семантические отношения, существующие между глаголами типа *поить — пить, вешать — висеть* сходны с семантическими отношениями между глаголами типа *радовать — радоваться, сердить — сердиться*, но вместе с тем здесь имеется и существенное различие. Значение, которое мы видим в глаголах *поить* и *вешать* в их отношении к глаголам *пить* и *висеть*, от которых они были образованы, называют причинным, каузативным или фактитивным; сравните: «Фактитивные глаголы означают причинение того действия или состояния, которое означается глагольным корнем» [14].

Производный характер глаголов, указывающих на причину действия, отмечают также исследователи тех языков, где имеется понудительный залог [15]. Ввиду того, что подобное смысловое отношение может иметь место между глаголами различного производного соотношения, некоторые исследователи разграничивают понятия каузативных и фактитивных глаголов, оставляя за рассмотренными глаголами термин «каузативные», а под «фактитивными» подразумевая другую группу глаголов: «Глаголы в форме действительного залога обозначают, что субъект производит то состояние, которое обозначается производными основами тех же глаголов в форме среднего залога. Такое значение глаголов в форме действительного залога, являющееся по отношению к значению их в форме среднего залога, я называю значением фактитивным, в отличие от значения собственного каузативного» [16].

Соотношение глаголов типа *радовать — радоваться* отличается от соотношения глаголов типа *пить — поить, гнить — гноить* именно тем, что значение каузативности, причинности в первом случае заключается в непроизводном глаголе, а во втором — в производном. Таким образом, именно в производящих глаголах типа *радовать* мы находим то собственно фактитивное значение, которое устанавливает Г. Ульянов. Фактитивное значение устанавливается «в формах от непроизводных основ только по соотношению их с соответствующими формами от производных основ» [17], т. е. только при наличии производного глагола с указанным значением находим в производящем глаголе значение фактитивное.

Когда мы устанавливаем отношения между производящей и производной основой в пределах определенной языковой системы, то значение производного слова мы толкуем, исходя из производящего, а производным для нас является слово, не только семантически выводимое из другого, но и имеющее соответственные фор-

[14] А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 283. Ср. также: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 344.

[15] См., например, Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 182—183.

[16] Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I, Варшава, 1891, стр. 50.

[17] Там же.

мальные показатели производности (аффиксы, изменение ударения, чередование согласных и т. п.). Для нас не только *столик* (=маленький стол) производное от *стол*, но, в системе современных соотношений, и *зонтик* (=маленький зонт) производное от *зонт*. Поэтому-то так затруднительно, не прибегая к историческим объяснениям, обосновать производность таких отглагольных образований, как *вход*, *выход* и т. п. И совсем уж необычным представляется такое положение, когда какая-то сторона значения производящего слова познается только в сопоставлении с производным! Глаголы со значением возбуждения в объекте определенного состояния или переживания часто в современном языке сами по себе никакого фактитивного значения не имеют: в большинстве своем они, если не являются непроизводными (например, *пугать*), сопоставляются с именами существительными и прилагательными и от них получают свое лексическое значение, например: *веселить* — «делать веселым», *ужасать* — «вызывать ужас» и т. п. Сравните, например:

«Последняя туча рассеянной бури! Одна ты несешься по ясной лазури, Одна ты наводишь унылую тень, Одна ты *печалишь* ликующий день» (А. С. Пушкин. Туча). — *печалишь* означает «делаешь печальным» или «вызываешь в нем печаль».

«Но он надежде верил мало, Едва бродя, едва дыша, И только нас *бодрить* хватало В нем сил» (Н. А. Некрасов. Несчастные). — *бодрить* означает «вызывать бодрость, делать бодрым».

Следовательно, замечание И. П. Мучника о смысловом соотношении в глаголах *радовать* — *радоваться* в основном не лишено справедливости, но это смысловое соотношение никак нельзя считать ведущим в характеристике возвратных глаголов исследуемого значения. К тому же «каузативно-следственные отношения», и именно фактитивность производящего глагола встречается иногда и при сопоставлении возвратных глаголов других групп со своими производящими. Так, например, глагол *помирить* может иметь значение «заставить помириться», а глагол *вертеть* может иметь значение «заставить вертеться». Даже в таких глаголах, как *поднять* — *подняться*, которым И. П. Мучник не без основания отказывает в возможности иметь каузативно-следственное соотношение, в редких случаях, в определенных условиях употребления может возникать указанное отношение значений, например: «учительница *подняла* одну за другой нескольких учениц», т. е. «заставила их подняться» — «ученицы *поднялись*». В данном случае в глаголе *поднять* налицо фактитивное значение, а в глаголе *подняться* — следственное. Конечно, возникновение фактитивного значения весьма не типично для глаголов, обозначающих движение, физические изменения объекта, совместность и т. п., при том же можно заметить, что в невозвратных глаголах типа *мирить*, *поднять* фактитивное значение может возникать и при отдельном, независимом от производного возвратного глагола их употребления, но

в возвратных глаголах типа *мириться, подняться* следственное значение может появляться только сугубо «ситуационно», т. е. только в том случае, если они употребляются вместе с невозвратными глаголами, имеющими фактитивное значение, и фактитивное значение последних возбуждает в возвратных глаголах следственное значение. При независимом же от производящего глагола употреблении следственного значения в подобном возвратном глаголе не может быть, например:

«Такая ли заботушка, Что из домов повыжила, С работой *раздружила* нас, Отбила от еды» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Ты опять упрекнула меня, Что я с музой моей *раздружился*» (Н. А. Некрасов. Мороз, Красный нос).

Вероятно, рассмотренным частичным сходством в значении некоторых производящих невозвратных глаголов с глаголами, обозначающими воздействие на внутреннее состояние субъекта, объясняется включение ряда глаголов иного лексического значения и иного словообразовательного характера в данный разряд или объединение двух разрядов в одном общем. Сравните у Ф. Ф. Фортунатова: *мириться, гнуться, вертеться, кидаться, литься*, или у А. А. Шахматова в «Синтаксисе» — объединение двух групп в одном «обще-возвратном залоге». Именно этой особенностью в значении ряда производящих глаголов других лексических разрядов объясняются и попытки представить переходные невозвратные глаголы как производные от возвратных, например: «В армянском языке глагол принимает каузативное (причинное) значение при помощи суффиксации, в русском же языке для придания причинности или прибегают к описательному способу (*побудить плавать, петь, войти*), или к префиксации (*ложить — уложить, спать — усыплять, верить — уверить*), или пользуются другими глагольными корнями (*кушать — кормить*), или же способом отбрасывания *-ся* (*мириться — мирить, радоваться — радовать, сердиться — сердить*)» [18].

Следовательно, общее лежит собственно говоря не в возвратных глаголах, обозначающих внутреннее переживание с одной стороны и различные иные значения с другой, а в том оттенке значения, который могут приобретать производящие невозвратные глаголы не только типа *радовать*, но и типа *поднять*, т. е. в оттенке фактитивного значения. Что же касается значения производных возвратных глаголов в их отношении к невозвратным, то оно весьма различно в этих группах. Глаголы типа *мириться, подняться* не могут быть признаны отобъектными, поскольку в них нет той специфической опоры на лексическое значение производящего глагола, которая свойственна глаголам страдательного значения и глаголам внутреннего переживания; эти глаголы не допускают, как правило,

[18] Р. А Зорабян. Категория залога в русском и армянском языках. Кандидатская диссертация. Баку, 1947, стр. 156.

синонимических оборотов с использованием производящих невозвратных глаголов; о творительном падеже содействующего объекта при них не может быть и речи, ибо при употреблении этих глаголов с творительным падежом содействующего объекта они приобретают страдательное значение.

Таким образом, возвратные глаголы, обозначающие внутренние переживания, состояния, чувства, и образованные от переходных глаголов, обозначающих воздействие на одушевленный предмет в направлении возбуждения в этом одушевленном предмете известного чувства, психического состояния или переживания, по своему словообразовательному характеру являются отобъектными и находятся в наибольшей близости к глаголам страдательного значения, так как в них субъектом переживания или состояния выступает объект действия производящего невозвратного глагола.

Отличаются рассматриваемые глаголы от возвратных глаголов страдательного значения прежде всего активностью субъекта действия, что влечет за собой ряд других существенных отличий. Так, в связи с большей активностью субъекта при возвратных глаголах внутреннего переживания, от них совершенно свободно образуются такие формы словоизменения, образование которых ограничено, затруднено или невозможно от глаголов страдательного значения: инфинитив, формы 1-го и 2-го лица, повелительное наклонение и деепричастие, например:

«Нет, господа, если кто имеет право *обижаться, сердиться*, выходить из себя, беситься, так это я» (А. Н. Островский. Письма).

«Нам представляется, что этими опытами должны *заинтересоваться* и подвергнуть их всестороннему глубокому изучению» (О. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии).

«Чуткие художники перестали вдруг *интересоваться* картинами, композициями» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Опять возникло в нем раздражение против этого человека, и опять он убеждал себя, что нет оснований *раздражаться* (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Слышал, что на корвете своем вы обошли побережье Кара-Бугаза. Весьма *интересуюсь* подробностями» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Разверните «Войну и мир» Л. Н. Толстого, начните читать эту великую книгу жизни, которую написал русский человек, и вы невольно *сконфузитесь* перед величием искусства, воплощающего русскую правду» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Не *ужасайся* их пения дикого!» (Н. А. Некрасов. Железная дорога).

«Не *радуйся*, мой друг, и не надейся попустому» (И. А. Крылов. Мышь и крыса).

«И снова, преданный безделью, *Томясь* душевной пустотой, Уселся он — с похвальной целью Себе присвоить ум чужой» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Поступком *оскорбясь* таким, Все дружбу прекратили с ним» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Галки не боятся мертвых, Когда я умру от потери крови, она прилетит и сядет, не *пугаясь*, рядом» (А. Гайдар. Школа).

Большей активностью субъекта при возвратных глаголах данного лексического разряда объясняется и более легкая и быстрая утрата ими того специфического соотношения с производящим глаголом, которое роднит их с глаголами страдательного значения, — утрата отобъектности. Сравните, например:

«Может быть, ты захотел бы видеть меня у ног своих, и так мало-помалу, сделать своей рабой, капризничать, читать мораль, потом плакать, *пугаться*, пугать меня, а после спрашивать, что нам делать» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Он хотел испугать Захара и *испугался* сам больше его, когда вникнул в практическую сторону вопроса о свадьбе» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Приходилось сидеть сложа руки и думать, то есть *тревожиться*. А поводы для тревоги с каждым днем становились больше и больше» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Отличает также данные возвратные глаголы от возвратных глаголов страдательного значения то, что к возвратным глаголам внутреннего переживания могут быть невозвратные синонимы, чего не может быть у глаголов страдательного значения, теснейшим образом связанных с производящими глаголами, например: *печалиться — грустить, томиться — скучать, пугаться — трусить* и т. п.

Все эти особенности объединяют глаголы внутреннего переживания в особый разряд возвратных отобъектных глаголов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Присоединение частицы *-ся* к переходным глаголам лишает глагол переходности и тем самым изменяет в большей или меньшей степени лексическое значение глагола. В возвратных глаголах отобъектного образования это изменение в значении глагола основывается на том, что изменяется угол зрения на определенный факт реальной действительности и осуществляется путем трансформации объекта производящего глагола в субъект производного возвратного глагола. При этом, на основании двух различных способов выражения одного и того же факта реальной действительности, значение отобъектного возвратного глагола устанавливается как производное из глагола невозвратного, вследствие чего здесь возможен синонимический синтаксический оборот с использованием производящего невозвратного глагола.

Возвратные глаголы отсубъектного образования противопоставляются во всей своей совокупности возвратным глаголам отобъектного образования в том отношении, что в них объект действия производящего переходного глагола не становится субъектом действия возвратного глагола. В силу этого устранение в них переходности осуществляется иным способом и значение производящего переходного глагола изменяется в ином направлении, чем в глаголах отобъектного образования.

Вряд ли можно указать такие случаи, когда объект, устраненный присоединением частицы *-ся*, исчезает бесследно, ни в какой степени не затрагивая лексического значения глагола, т. е. когда возвратный глагол обозначает буквально то же самое действие, что и глагол невозвратный, но только при отсутствии объекта, совершаемое без переноса на объект.

Даже в приведенном выше примере *ругнул — ругнулся* можно обнаружить некоторое различие в значении глаголов.

Что же происходит с объектом производящего глагола при отсубъектном образовании возвратного глагола и, следовательно, в каком направлении изменяется значение производящего глагола в производном?

Возвратные глаголы отсубъектного образования не представляют единства в словообразовательном и семантическом отношении.

Прежде всего следует отметить, что для многих из них нельзя найти другое, синонимическое выражение данного факта реальной действительности с помощью производящего невозвратного глагола, почему и выяснение их значения не может основываться на сопоставлении двух сходных по смыслу высказываний; в ряде случаев выяснение этого значения возможно только в сопоставлении непосредственно со значением самого производящего невозвратного глагола, например, для глагола *причесываться* возможно сопоставление оборотов, или конструкций: *я причесываюсь — я причесываю волосы*, но глагол *мчаться* можно сопоставлять только с отдельным глаголом же — *мчать*.

В связи с этим все возвратные глаголы отсубъектного образования можно подразделить на три большие группы:

1. Возвратные глаголы, полностью сохраняющие ту сторону лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, хотя в значение глагола и могут быть внесены различные незначительные семантические оттенки. При этом значение возвратного глагола по сравнению со значением производящего глагола расширяется за счет включения в его семантику, кроме значения самого производящего глагола, еще и значения объекта этого производящего переходного глагола в более конкретном или в более обобщенном виде, т. е. возвратный глагол = производящий глагол + объект этого производящего глагола.

Отнюдь не обязательно именовать каждый лексический или словообразовательный разряд возвратных глаголов, тем более что границы этих разрядов подчас зыбки и зачастую лежат не между отдельными глаголами, а между отдельными значениями одного и того же возвратного глагола. Все же для удобства изложения и дальнейших ссылок на тот или иной словообразовательный разряд возвратных глаголов, а также ввиду того, что характер изменений в значениях отсубъектных возвратных глаголов сходен с характером изменений в значениях переходных глаголов, употребляемых в непереходных значениях, мы позволим себе использовать те названия отдельных разрядов непереходных глаголов, которые мы применяли при рассмотрении непереходных значений, возникающих в переходных глаголах, отнюдь не претендуя на то, что эти названия наиболее удачны и вполне соответствуют характеру называемого значения или разряда возвратных глаголов. Так, возвратные глаголы данного разряда мы будем называть возвратными глаголами включенного объекта.

2. Возвратные глаголы, частично сохраняющие ту сторону лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, поскольку прямой объект производящего переходного глагола переходит при возвратном глаголе в косвенный. При этом общее значение глагола может в значительной степени отклоняться от значения производящего переходного

глагола. Назовем возвратные глаголы этого разряда возвратными глаголами переключенного объекта.

3. Возвратные глаголы, полностью утратившие ту сторону лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего. При образовании этих возвратных глаголов прямой объект производящего глагола утрачивается полностью, не включаясь в значение возвратного глагола и не переходя в косвенный, а это влечет за собой значительные изменения в общем лексическом значении глагола, вплоть до утраты сопоставимости и лексической связи с производящим переходным глаголом. Назовем такие возвратные глаголы возвратными глаголами исключенного объекта.

* * *

Рассмотрим первый разряд отсубъектных возвратных глаголов, т. е. возвратные глаголы включенного объекта. Возвратные глаголы этого разряда включают в свое лексическое значение как значение самого производящего переходного глагола, так и значение объекта этого производящего глагола, причем объекта именно производящего глагола, а не образованного от него возвратного, у которого прямого объекта нет и не может быть в силу непереходности возвратных глаголов.

Мы уже говорили выше о возможности включения объекта в значение глагола при употреблении переходных глаголов в значении непереходных. Включение объекта в значение самого глагола можно встретить и в производных глаголах, т. е. при словообразовании глаголов. С. О. Карцевский видит его, например, в ряде таких производных глаголов, как: *ахнуть* — «сделать, издать ах», *выкать* — «говорить вы», *грохнуть* — «сделать грох»:

«Почти все глаголы, — говорит он, — соответствующие акустическим восприятиям, могут становиться переходными с того момента, когда меняют внутренний объект на дополнение образа действия. Так, *выкать* = *говорить вы*, *называть (кого) на вы*; *грохнуть* = *сделать грох*, *грохот, (что)*, *с грохотом* и т. д. Само собой разумеется, что эти перефразы очень схематичны и очень грубы» [1].

Различие между словообразованиями, указанными С. О. Карцевским, и возвратными глаголами со значением включенного объекта в том, что в первых в основу производного слова ложится название объекта, следовательно объект получает точное и конкретное выражение, а действие выражено аффиксом, в котором общее значение действия конкретизировано в большей или меньшей степени (*сделать*, *говорить*, *произвести* и т. п.); а в возвратном

[1] S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 84.

глаголе в основе лежит название действия, получающего таким образом точное и конкретное выражение, а объект с большей или меньшей конкретизацией выражен присоединением частицы *-ся*.

Включение значения объекта производящего глагола в значение возвратного глагола допускал и Б. Гвоздиков, устанавливая «залог неопределенного прямого объекта», хотя он и говорил не столько о значении возвратного глагола, сколько о значении частицы *-ся*: «*-Ся* в значении неопределенного объекта прежде всего может быть близко к значению винительного падежа, тем более, что *-ся* представляло собой винительный падеж» [2].

Можно только упрекнуть Б. Гвоздикова в том, что он, не обобщив своих наблюдений, не установив закономерностей словообразования в этом разряде возвратных глаголов, идет от примера к примеру и констатирует множество отдельных конкретных значений частицы *-ся*, вплоть до того, что по поводу примера из Державина: «То ею в голове *ищуся*», — пишет: «*Ся* = pediculos» [3].

Многочисленный разряд возвратных глаголов включенного объекта может быть подразделен на несколько более дробных разрядов в зависимости от характера и значения включенного объекта, что в свою очередь связано с характером значения производящего глагола и его управления.

А) У производящего глагола может быть только один или несколько лексически и предметно ограниченных неодушевленных объектов. Если у производящего глагола возможен только один объект, то возвратный глагол полностью включает в свое значение как значение производящего глагола, так и значение этого единственного объекта, например: *курица несет яйца — курица несется*. Таких возвратных глаголов, абсолютно совпадающих по значению со словосочетанием, включающим производящий глагол + один конкретный объект, чрезвычайно мало. Вот, например, глагол *зажмурится* = зажмурить глаза, или глагол *оскалиться* = оскалить зубы.

«Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно *зажмуриться*, а в потемках можно и так с о т к р ы т ы м и г л а з а м и» (А. Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь).

«— Бей хоть сто раз, — *зажмурившись* и вновь о т к р ы в а я г л а з а, сказал Гейка» (А. Гайдар. Тимур и его команда).

«Он положил качающееся дуло на сук, нацелился с упора и, невольно *зажмурившись*, выстрелил. Когда он о т к р ы л г л а з а, то увидел, что двое поспешно поворачивают назад» (А. Гайдар. Пусть светит).

---

[2] Б. Гвоздиков. Опыт классификации залогов, стр. 185—186.
[3] Там же, стр. 190.

«Артемка опять привел гимназистов в будку и хитровато сказал: — Закройте глаза. — Гимназисты послушно *зажмурились*» (И. Василенко. Артемка у гимназистов).

«Солнце светило ему прямо в лицо, и, *сощурившись*, никого не видя, Ефимка домчался до кладбищенской ограды» (А. Гайдар. Пусть светит).

Сравните также: «— Я поторопился немного убрать паруса, Павел Николаевич? — обращается к капитану мичман, несколько смущенный... — Отлично распорядились... молодцом!.. Всегда лучше *убраться* раньше, чем позднее! — проговорил с обычной приветливостью капитан» (К. М. Станюкович. Своим судом).

Сюда же можно отнести глаголы: *понуриться* = понурить голову, *насупиться* = насупить брови, *жмуриться* = жмурить глаза, *щуриться* = щурить глаза, *прищуриться* = прищурить глаза, *уставиться* = уставить глаза, *насторожиться* (о животных) = насторожить уши.

Строго говоря, таких переходных глаголов, которые служили бы для образования возвратных глаголов включенного объекта и могли бы иметь при себе только один объект, в смысле одно только слово, не существует, так как мы почти всегда можем заменить данное слово каким-либо синонимом или уменьшительным образованием, например: *зажмурить глаза — зажмурить очи, насторожить уши — насторожить ушки* и т. п. Поэтому нам приходится говорить не только о лексической, но и о предметной ограниченности этого единственного объекта производящего глагола.

Гораздо обычнее такие случаи, когда при производящем переходном глаголе возможно несколько лексически и предметно ограниченных неодушевленных прямых объектов или даже вообще нет ограничения для прямого объекта при производящем глаголе. Возвратный глагол, сопоставимый с такими переходными глаголами, может обозначать, что только один из возможных объектов, или несколько, или даже любой из них включается в его лексическое значение, например:

строить можно дом, мост, клуб, железную дорогу и т. п. — *строиться* (не в страдательном значении) обозначает «строить жилье, дом, домашние постройки»:

«Поедем к тебе: ведь тебе *строиться* надо, теперь лето, драгоценное время уходит» (И. А. Гончаров. Обломов).

тратить можно деньги, зарплату, стипендию, бумагу, (переносно) силы, слова и т. п. — *тратиться* обозначает только «тратить деньги, средства»:

«Оба они отказывали себе во всем, редко съезжали на берег, чтобы не *тратиться* и кое-что скопить в плавании для близких» (К. М. Станюкович. Ужасный день).

пропить можно все, что угодно (без лексического и предметного ограничения) — *пропиться* обозначает «пропить все»:

«Расхвастался Вавилушка, И старому и малому Подарков насулил, А *пропился* до грошика» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

застегнуть можно любую одежду, пуговицы, крючки и т. п. — *застегнуться* и обозначает «застегнуть одежду, пуговицы и т. п.»:

«У одного товарища таким образом он спорол с одежды все костяшки, так что не на что было *застегнуться* — все валилось долой» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Старшой *застегнулся* на все пуговицы и отправился к инспектору не без внутреннего трепета» (Там же).

Сравните также:

«Шувалов вышел вместе с нами в переднюю. Старый тетушкин лакей ловко набросил на плечи ему николаевку. Плотно *запахиваясь*, Шувалов сказал, глядя своим острым взором в черные глаза Михаила» (О. Форш. Одеты камнем). — *запахиваться* — «запахивать полы, пальто, шинель и т. п.».

«А девка и не слышала, Как *укололась* до крови» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«— *Укололась*, — сказала она, — наколола палец на проволочку» (К. Федин. Необыкновенное лето). — *уколоться* — «уколоть палец».

«Бабченко, пожав ему руку и больше уже не обращая на него внимания, опять *уткнулся* в свою бумагу» (К. Симонов. Дни и ночи).

«Лодка *уткнулась* в песок, и Сабуров, выскочив на берег, пошел узнавать, где теперь та переправа» (К. Симонов. Дни и ночи). — *уткнуться* — «уткнуть нос, подбородок, лицо, голову».

«Михаил, к радости моей, ничего не возражая, лишь вторично *приложился* тетушке к ручке» (О. Форш. Одеты камнем). — *приложиться* — «приложить губы».

«Он [Артемка] вымыл лицо и руки, причесался, *подпоясался* ремешком, и они отправились» (И. Василенко. Артемка у гимназистов). — *подпоясаться* — «подпоясать рубашку, одежду».

Сравните: «Дал ей ситцу штуку целую, Ленту алую для кос, Поясок *рубаху* белую *Подпоясать* в сенокос» (Н. А. Некрасов. Коробейники).

«Служив отлично-благородно, Долгами жил его отец, Давал три бала ежегодно И *промотался* наконец» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). — *промотаться* — «промотать деньги, наследство, имущество».

«А Дарья домой воротилась — *Прибраться*, детей накормить» (Н. А. Некрасов. Мороз, красный нос).

«Принесли кашу, и все занялись едой. Прикончив кашу, поднялись, помолились, и стали *прибираться*» (К. М. Станюкович. Своим судом).

«Готовится к встрече важного гостя и наша «Мурена». Наспех *прибираемся*» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники). — *при-*

браться, прибираться — «прибрать, прибирать комнату, квартиру, помещение».

Сравните также просторечное:

«— А я хожу к Вере Никандровне *убираться* — отряхивая платьице, сказала Аночка» (К. Федин. Первые радости).

«Какой остров нас приютил, мы не знали. Конечно, хотелось *определиться*» (М. Водопьянов. Полярный летчик).

«Я только по компасу *определялся*, чтобы машину не потерять» (В. Катаев. Сын полка).

«Капитан вышел на мостик. *Определитесь* по звездам, — сказал он старшему штурману: — надо точно знать наше место в океане» (Б. Житков. Механик Саперно).

«Мальчик сбился с пути и не знал, куда идти. В ночном полумраке трудно было *определиться*, и он полез на торос» (Т. Семушкин. Приключения Айвама). — *определиться, определяться* — «определить, определять свое местонахождение».

Сюда же можно отнести такие глаголы, как: *сосредоточиться* — «сосредоточить мысли, внимание», *потупиться* — «потупить голову, взор, глаза, очи», *издержаться* — «издержать деньги, средства», *изъясняться* — «изъяснять мысли, чувства», *найтись* — «найти соответствующие слова, движения, поступки», *облизываться* — «облизывать губы», *распуститься* (о растениях) — «распустить листья, лепестки, почки», *хмуриться* — «хмурить брови, лоб, чело», *нахмуриться* — «нахмурить брови, лоб, чело», *почесаться* — «почесать место, которое чешется»; сюда же просторечные: *водиться* — «водить знакомство, дружбу», *стираться* — «стирать белье, одежду», *смотаться* — «смотать удочки», *заткнуться* — «заткнуть глотку» и т. д.

В отдельных случаях возвратный глагол отобъектного образования может иметь два оттенка в значении, связанных с различными оттенками значения производящего глагола и с включением различных неодушевленных объектов в значение производного глагола, например, глаголы *уложиться, укладываться* могут обозначать: а) «уложить укладывать вещи, одежду, книги» и б) «уложить, укладывать материал (во времени)».

Глагол *надуться* может обозначать «надуть губы, обидеться» и «надуть щеки»:

«Он засмеялся, а я опять надул щеки, как можно полнее, и опять стою. Он спрашивает: — Что же ты это *надуваешься*, зачем гримасничаешь?» (Н. С. Лесков. Очарованный странник).

Глагол *затянуться* может иметь значение «затянуть пояс, ремень», но может обозначать и «затянуть в себя дым»:

«Еще не сняв пилотки, он попросил закурить, два раза *затянулся*, сел, откинулся к стене и, не вынув изо рта папиросы, мгновенно заснул» (К. Симонов. Дни и ночи).

Сравните также:

«На всех скамьях, сверху донизу сидели разодетые, как в празд-

ник, люди и *обмахивались* веерами» (И. Василенко. Артемка в цирке).

«Уж как ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя — все-таки купчиха. Это, сударь ты мой, разрядится, мантилии да билиндрасы разные навешает на себя, растопырится, прости господи, распустит хвост-то, как павлин... фу ты, прочь поди... так и шумит! А уж ты, Матрена Савишна, как ни *крахмалься*, а все-таки не барыня» (А. Н. Островский. Семейная картина).

Сюда же можно отнести и глагол *спроситься* — «спросить разрешения», хотя объект, включенный в значение возвратного глагола, ставится при производящем невозвратном глаголе в родительном падеже.

Как и всякое производное слово, возвратные глаголы включенного объекта не равняются по смыслу тем словосочетаниям, на основе которых они толкуются, с которыми они сопоставляются, и могут, индивидуализируя свое значение, очень далеко отходить по значению от подобных словосочетаний. Кроме того, они могут развивать переносные значения, которые также отводят их от подобных словосочетаний. Однако в современном языке все же существует целый ряд возвратных глаголов отобъектного образования, значение которых базируется на значении производящего невозвратного глагола и неодушевленного объекта при нем.

Б. У производящего глагола может быть как неодушевленный, так и одушевленный прямой объект, причем неодушевленный объект лексически более или менее ограничен, а одушевленный объект, напротив, лексически более или менее неограничен. Возьмем, например, глагол *причесывать*. *Причесывать* можно волосы, бороду, кудри, усы, локоны, гриву, хвост и т. п. (совсем необычно у В. В. Маяковского: «*Причешите* мне *уши*!»), вместе с тем *причесывать* можно сына, дочку, детей, женщин, мужчин, Валю, Шуру, Сашу, клиентов, собачек, кошечек, барашков, лошадей и т. д.

Двух несочиненных прямых объектов у глагола быть не может, следовательно, такой переходный глагол, как *причесывать*, может быть употреблен либо только с одушевленным, либо только с неодушевленным прямым объектом. Если переходный глагол употреблен только с одушевленным объектом (*сестра причесывает мальчика*), то значение переходного глагола расширяется в том смысле, что он уже включает в свое значение и значение неодушевленного объекта, т. е. в данном случае *причесывает* обозначает «причесывает волосы». Если же переходный глагол употреблен с неодушевленным объектом (*сестра причесывает волосы*), то значение переходного глагола расширяется в том смысле, что он как бы включает в свое значение и значение адресата *себе*, т. е. в данном случае *причесывает* обозначает «причесывает себе», т. е. то, что адресата действия нет и действие замыкается в самом субъекте.

Имеются переходные глаголы, лексическое значение которых предполагает с большей или меньшей обязательностью, кроме прямого объекта, еще и косвенный — адресата действия, выраженного формой дательного падежа. Сюда относятся прежде всего глаголы, обозначающие действия, которые обычно совершаются для кого-либо, в интересах кого-либо, например: *рассказываю что кому, доказываю что кому, сообщаю что кому, даю что кому* и т. п. (иногда можно совершать эти действия и для себя самого, но в таком случае необходимо дополнение в дательном падеже со значением адресата действия *себе: доказываю себе, рассказываю себе* и т. п.). Если же действие переходного глагола может совершаться для себя в такой же мере, как для кого-либо другого, то отсутствие дательного падежа адресата обозначает, что действие совершается для себя или что несущественно, для кого именно совершается данное действие; если же оно совершается не для себя, а для кого-либо, то необходимо дополнение, указывающее на адресат действия, например:

«В те дни, когда в садах лицея Я безмятежно расцветал, *Читал* охотно Апулея, А Цицерона не читал» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Он иногда *читает Оле* Нравоучительный роман» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Варю кашу (несущественно кому) — *варю кашу детям.*

Пишу письмо (неизвестно кому) — *пишу письмо брату.*

Глаголы типа *причесывать*, будучи употреблены с неодушевленным объектом (*причесываю волосы*), становятся в ряд с такими переходными глаголами, которые допускают или предполагают адресат действия: отсутствие адресата действия (дательного падежа) обозначает, что действие совершается для себя, над собой, себе, хотя никакой возвратной частицы в глаголе и нет. Если же необходимо указать, что действие совершается в интересах не субъекта, а кого-либо иного, то необходим дательный падеж адресата действия (*сестра причесывает волосы мальчику*). Этот дательный падеж адресата выступает только при наличии прямого объекта при глаголе.

Итак, если значение производящего переходного глагола допускает или предполагает указание на адресат действия (корреспондирующий с одушевленным прямым объектом), то значение возвратного глагола может быть больше, чем значение производящего глагола + прямой объект, потому, что оно несомненно включает в себя еще и значение отсутствия адресата действия, т. е. лишает глагол не только связи с прямым объектом, но и с косвенным — адресата действия.

Присоединение частицы *-ся* к подобным переходным глаголам создает новый глагол, в лексическое значение которого включается значение неодушевленного прямого объекта переходного глагола, а потеря возможности управлять винительным падежом прямого

объекта влечет за собой невозможность употребления при глаголе и дательного падежа адресата. При этом нет никаких оснований для отождествления субъекта данного действия, выраженного возвратным глаголом, с объектом или адресатом этого же действия. Об объекте или адресате действия можно говорить лишь в связи со значением производящего переходного глагола, но не производного возвратного.

При сопоставлении: *сестра причесывает мальчика — сестра причесывается*, — может казаться, что вся специфика значения данного вовратного глагола заключается в отнесении действия к субъекту. Но мы уже видели, что наличие одушевленного прямого объекта несколько расширяет значение невозвратного глагола, включая в него значение неодушевленного объекта. К тому же для более точного выяснения специфики значения возвратного глагола предпочтительнее рассматривать выражение одного и того же реального факта при помощи возвратного и соответствующего невозвратного глаголов, а именно: *сестра причесывает волосы — сестра причесывается*. Только такое сопоставление раскрывает истинное значение возвратного глагола: становится ясным, что значение возвратного глагола, полностью включая в себя значение производящего переходного глагола, присоединяет к нему еще и значение прямого неодушевленного объекта. Лексическое значение этих возвратных глаголов связано, как правило, с воздействием на органы или на поверхность тела живого существа, но никаких синонимических оборотов, включающих производящий глагол + *себя* к этим возвратным глаголам в языке нет [4].

Примеры на данный разряд возвратных глаголов:

«Один великовозрастный камчадал оттачивает перочинный нож и потом б р е е т в е р х н ю ю г у б у и щ е к и. *Выбрившись*, он начинает долбить в парте ящичек» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Бальзаминов (из кухни): Не мешайте, маменька! Матрена м е н я з а в и в а е т!.. Бальзаминова: «Зачем ты *завиваешься*-то?.. Бальзаминов: Да ведь я тебя просил в о л о с ы з а в и в а т ь - т о, а не уши» (А. Н. Островский. Праздничный сон до обеда).

«Все *белится* Лукерья Львовна» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«А как красные девицы, молодые молодицы *белятся*, *румянятся*, на молодцов поглядывают» (А. Н. Островский. Бедность не порок).

«Он носил воду Сатане, окачивал его, стараясь выслужиться и получить шайку; наконец Сатана *вымылся*, и Лягва с радостным

---

[4] Не вдаваясь в специальный анализ значения и образования возвратных глаголов данного разряда, С. О. Карцевский в одном месте толкует значение подобного глагола именно так: «*Я умываюсь* = я сам умываю себе лицо» (S. K a r c e v s k i. Système du verbe russe, стр. 90).

выражением лица протянул руку к шайке» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Он подошел к Хорю, тоскливо и каким-то дряблым голосом проговорил: — Дай шаечки, когда *вымоешься*» (Там же).

«Она наряжалась, *завивалась* у парикмахера, душилась одеколоном» (В. Панова. Спутники).

«Перед обедом я опять *напомадился* и опять надел сюртучок и галстук» (И. С. Тургенев. Первая любовь).

«Солдаты шилом *бреются*, Солдаты дымом греются, Какое счастье тут?» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Артемка *причесался*, аккуратно завернул в газету книжку... и пошел к цирку» (И. Василенко. Артемка в цирке).

«Проснувшись, Артемка зажег лампу и наскоро привел себя в порядок: *умылся*, пригладил волосы, *почистился*» (Там же).

«Перед тем как выйти из будки, Артемка снял с полочки кусочек душистого мыла, тщательно *умылся*, *причесался* и, что самое главное, надел туфли» (И. Василенко. Артемка у гимназистов).

«Стыдно робеть, *закрываться* перчаткою, Ты уж не маленький» (Н. А. Некрасов. Железная дорога).

Сюда же можно отнести глаголы: *мыться*, *сморкаться*, *высморкаться*, *стричься*, *краситься*, *пудриться*, *мазаться*, *париться*, *мылиться*, *намылиться* и т. п.

Возвратные глаголы включенного объекта данной группы не образуются, как правило, от таких переходных глаголов, которые по своему лексическому значению предполагают только одушевленный прямой объект, например: *аттестовать*, *экзаменовать*, *нянчить*, *пасти*, *доить*, *запрягать*, *наряжать* и т. п. Если от таких переходных глаголов и образуются возвратные глаголы, то они имеют другие значения, например: *аттестоваться*, *экзаменоваться*, *запрягаться*, *доиться*, *пастись* и т. п.

Можно указать, по существу, лишь один глагол, который, предполагая по своему лексическому значению только одушевленный, причем лексически и предметно ограниченный, прямой объект, образует все же возвратный глагол со значением включенного объекта. Это глагол *плодиться* — «плодить детей, детенышей и т. п.»:

«И жили там помещики, Владельцы именитые, Каких теперь уж нет! *Плодилися* и множились И нам давали жить» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«На месте, в степях, у богатых донских казаков-атаманов, лошади *плодились* круглый год на подножном корму» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Однако глагол *плодиться* может иметь и другое значение — «множиться, увеличиваться в числе»:

«В Москве ведь нет невестам перевода. Чего! *Плодятся* год от года» (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

И в ряде случаев просто невозможно решить, какое именно из этих двух значений имел в виду автор, например:

«„Чтоб вошь, блоха паскудная, В рубахах не *плодилася*“, — потребовал Лука» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Глаголы *одеть, одевать* закономерно требуют после себя одушевленного прямого объекта, однако в широком употреблении они зачастую смешиваются с глаголами *надеть, надевать*, требующими после себя только неодушевленного прямого объекта, и, вероятно, поэтому в возвратных глаголах *одеться, одеваться* возможно значение включенного объекта, например:

«Да и собой-то уж очень красавица: телом сахар, из себя солидна, во всей полноте; как *одевается*, две девки насилу застегнут» (А. Н. Островский. Праздничный сон до обеда).

При глаголе *купать* тоже, как правило, выступает только одушевленный прямой объект, хотя «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова отмечает в грамматических пометах к этому глаголу *кого-что* (в примерах же и в этом словаре даются только случаи с одушевленным объектом), и возвратный глагол *купаться* закономерно не имеет значения включенного объекта. Тот факт, что значение включенного объекта данной группы обычно отсутствует в возвратных глаголах, которые сопоставляются с переходными глаголами, управляющими только одушевленным прямым объектом, косвенно подтверждает сделанный выше вывод о том, что при возможности употребления производящего глагола и с одушевленным, и с неодушевленным объектом, в значение возвратного глагола включается значение только неодушевленного объекта.

Поскольку и в первом и во втором из рассмотренных разрядов возвратных глаголов включенного объекта включенным объектом является только неодушевленный объект, постольку глаголы этих двух разрядов можно объединить под общим названием возвратных глаголов включенного неодушевленного объекта.

В. У производящего глагола в ряду других одушевленных объектов может выступать в качестве прямого объекта сам субъект данного переходного действия, т. е. действие производящего глагола таково, что может быть обращено на самого деятеля. Это реализуется постановкой при глаголе винительного падежа возвратного местоимения *себя*. Возвратные глаголы, образованные от таких переходных глаголов, могут включать в свое значение и значение этого объекта, т. е. возвратный глагол может приобретать то значение, которому с наибольшим основанием могло бы быть присвоено название собственно-возвратного, например:

«*Воображаясь* героиней Своих возлюбленных творцов, Клариссой, Юлией, Дельфиной, Татьяна в тишине лесов Одна с опасной книгой ходит» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«А для этого надо было *закабаляться* у барина или залезать в долги к богатеям» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«С тех пор ей стало все постыло, и она только думала о том, как бы ей *избавиться* от того стыда, который ожидал ее» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«В русской орфографии сама матушка не была сильна — и знала это — и не хотела *компрометироваться*» (И. С. Тургенев. Первая любовь).

«Перед судом официальным Подхалюзин может *оправдаться*: он не давал никаких документов ни отцу, ни стряпчему» (А. Н. Островский. Письма).

«Дыша свежестью утра, она говорила с Сергеем, обещала ему *очиститься* от этого ужаса, звала на помощь любовь» (И. Эренбург. Буря).

«Она хочет — слышишь? — чтоб ты не умирал совсем, не *погребался* заживо» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Мальчик очутился в воде, *привязался* к обломку мачты и провел на ней почти двое суток» (К. М. Станюкович. Максимка).

«А еще вот что — возьми мой кушак и *привяжись* за другое дерево. А то сорвешься с кобла» (А. С. Новиков-Прибой. Среди топи).

«Соседка, перестань *срамиться*!» (И. А. Крылов. Слон и моська).

«Чтобы создать такие линзы, врачу нужна была не только техника. Для этого надо и *«отождествиться»* с больным, почувствовать его состояние» («Известия», 21.II.1960).

Однако неверно было бы полагать, что в этих случаях субъект действия возвратного глагола становится объектом этого же действия; субъект не может стать объектом действия возвратного глагола, поскольку возвратный глагол вообще не может иметь прямого объекта. Только действие переходного глагола может быть обращено на лицо действующее как на объект, например:

«Постепенно она *уверила себя*, что беда должна произойти с сыном» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Именно в подобных словосочетаниях видел подлинное возвратное значение Ф. И. Буслаев: «Собственно возвратный глагол означает явственное обращение действователя на него самого, и для того переносит ударение на возвратное местоимение, тогда вм. древнейшего и слитного *-ся* требует при себе позднейшего и отдельного винительного падежа *себя*, чем и отличается от залога страдательного или среднего, напр. *называть себя* — глагол возвратный, *называться* — страдательный; *жжет себя* — возвратный, *жжется* — средний (напр. «крапива *жжется*»)» [5].

Мы, конечно, не можем называть подобные словосочетания глаголами, поскольку в этих словосочетаниях *себя* совершенно самостоятельный, отдельный член предложения (прямой объект), который может быть свободно заменен самыми разнообразными

[5] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 350—351.

словами в том же падеже и в той же функции, например: *уверила брата, сестру, соседей, весь город, всех* и т. п.

Кроме того, местоимение *себя* может вступать в сочинительное словосочетание с другими словами, выступающими в качестве прямого объекта, например:

«Мистер Гомперс очень сожалеет о том, что случилось, но пострадавшим в этом деле считает *себя и своих друзей*» (В. Г. Короленко. Без языка).

«Казалось, разыскивать новые причины страдания и мучить *себя и других* стало для него чем-то вроде потребности» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«...а может быть хотела позабавить *себя и мужа* комизмом несовместимости этой обстановки с каким-либо изяществом» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Это совершенно невозможно при возвратных глаголах. Сравните:

«Я *отравился* и *отравил вас*, вместо того, чтоб быть просто и прямо счастливым» (И. А. Гончаров. Обломов).

Правда, в единичных случаях, как говорилось выше, *себя* при глаголе может иметь несвободный характер, однако фразеологическая связанность возвратного местоимения *себя* с переходным глаголом может не препятствовать образованию возвратного глагола с рассматриваемым значением. Возьмем для примера словосочетание *держать себя*, синонимическое словосочетанию *вести себя:*

«Четырех лет, пока не исключили Силыча, достаточно было, чтобы привыкнуть Карасю *держать себя* независимо» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы). — «Вы на слухи плюйте, но *себя держите* так, чтобы подкопаться нельзя было» (В. Панова. Спутники).

Соотносительный с этим словосочетанием возвратный глагол *держаться* весьма близок ему по значению:

«И пока разговор был официальный, деловой — она *держалась* уверенно, была находчивой и остроумной» (Там же).

Даже синтаксические связи данного словосочетания и возвратного глагола сходны: и в том и в другом случае требуется обстоятельство образа действия: *держать себя независимо — держаться уверенно* и т. п.

Далеко не все переходные глаголы могут иметь при себе в качестве прямого объекта возвратное местоимение *себя*: этому довольно часто препятствует лексическое значение переходных глаголов, обозначающих действия, которые нельзя обычно произвести над собой, например: *избегать, пригласить, караулить, встретить* и т. п. Естественно, что от подобных глаголов нельзя образовать возвратных глаголов данного разряда.

Но и не от всех переходных глаголов, могущих иметь при себе прямой объект *себя*, образуются возвратные глаголы с включением этого объекта в значение глагола, например:

. «Сначала *себя заставлял*, потом это вошло в привычку — не вспоминать» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«— Граф, он *оговорил себя* сам, у вас и раньше мелькала догадка, что он безумец» (О. Форш. Одеты камнем).

«Боясь упустить какую-нибудь подробность, *перебивая* самого *себя* и возвращаясь назад, он размахивал в темноте руками» (И. Василенко. Артемка у гимназистов).

«Аночка к этому времени успела *побороть себя*, разработалась и уже много сделала» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Профессор Ильинский, не взирая на невероятную трудность дороги, не *пожалел себя* и приплелся в пустыни Кара-Бугаза» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Он бы *принудил себя* — если б мог!» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Но его сон был мучителен и тревожен: он привык *уважать себя* и не мог забыть, что с ним сделал негодяй Падди» (В. Г. Короленко. Без языка).

«Какой-то скорбный, мучительный голос звал меня заглянуть в свое сердце, и я не *узнала себя*» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Как? Она сама хочет уехать, и пишет вам, и *упрекает себя* в неосторожности» (И. С. Тургенев. Ася).

«Если шуба на лисице хороша, значит лисица сыта ходит. А сытая она и ступает не так, как голодная: легко *себя носит*» (В. Бианки. Черный).

Соответствующие возвратные глаголы либо отсутствуют, либо имеют другое значение. В частности переходные глаголы со значением возбуждения в объекте определенного чувства или переживания никогда не образуют возвратных глаголов этого значения, хотя и могут изредка употребляться с прямым дополнением *себя*, например:

«— Мальчик, — участливо спросила меня молодая незнакомая женщина, — ты о чем плачешь? Тебя обидели? — Нет, — вытирая слезы, ответил я, — я сам *себя обидел*. — Она улыбнулась и взяла меня за руку: — Но разве может человек сам *себя обидеть*? Ты, может быть, ушибся, разбился?» (А. Гайдар. Судьба барабанщика).

Собственно-возвратными глаголами и можно было бы называть такие возвратные глаголы, в которых *-ся* синонимично *себя*, т. е. словообразовательное значение которых опирается на словосочетание, состоящее из переходного глагола и дополнения *себя*.

Рассматриваемые возвратные глаголы почти никогда не тождественны по смыслу словосочетанию производящего глагола с *себя*, как не тождественны вообще производные слова словосочетаниям. О различии в значении таких возвратных глаголов и соответствующих словосочетаний писали многие авторы, например, А. М. Пешковский отмечал: «В готовом, целом слове значения частей его никогда не могут так резко отделяться друг от

друга, как значения отдельных полных слов в словосочетании. Поэтому, например, даже в таких случаях, как *он застрелился* и *он застрелил себя*, где оба выражения вполне употребительны, разница значения ощущается достаточно ясно (первое более цельно, второе более расчленено, так что, например, для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит *застрелил себя*, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит *застрелился*)»[6].

Обороты, состоящие из переходного глагола и прямого дополнения *себя*, отличаются от синонимических, соотносительных с такими оборотами возвратных глаголов прежде всего именно тем, что в них имеются и субъект и объект действия, а поскольку эти субъект и объект указывают на одно и то же лицо (предмет), в них имеется также и возврат действия на самого деятеля, на субъект, тогда как возвратные глаголы, в силу своей непереходности, предполагают только субъект.

«Это так, конечно, но все-таки... не могу допустить, чтобы она *отравилась*... Боже мой, если ваше предположение справедливо, то ведь это... это жестоко, бесчеловечно. *Отравила себя*, чтобы казнить этим другого!» (А. П. Чехов. Следователь).

Различие в оттенках значения возвратного глагола и соответствующего словосочетания создается еще многозначностью возвратного глагола и однозначностью словосочетания, например: «Так *утешал* он *себя*, но никак не мог *утешиться*. Воспоминание это жгло совесть» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Сравните: «Увы! *Утешится* жена, И друга лучший друг забудет» (Н. А. Некрасов. Внимая ужасам войны).

Вместе с тем в целом ряде случаев значения возвратного глагола и производящего глагола с *себя* настолько близки, что могут легко заменять друг друга, например:

«Под сердцем залог драгоценный Ты носишь: теперь ты *беречься* должна» (Н. А. Некрасов. Русские женщины). — «Я на знакомства очень осторожен — я *берегу себя*» (А. Н. Островский. На всякого мудреца довольно простоты).

«Меж тем, чтоб обмануть верней Глаза враждебного сомненья, Он, *окружась* толпой врачей, На ложе мнимого мученья, Стоная молит исцеленья» (А. С. Пушкин. Полтава). — «На родную деревню взглянуть: Не видна ее бедность нагая! Запаслася скирдами, родная, *Окружилася* ими она И стоит словно полная чаша» (Н. А. Некрасов. Рыцарь на час). — «Но душа требовала отзыва, и Карась *окружил себя* особого рода дураками. Это род дураков честных, добрых, милых» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«В меня вселится новый бес, И, Фебовы презрев угрозы, *Унижусь* до смиренной прозы» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). —

---

[6] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 114.

«Это правда. Я пал. О, секи! Я упал в самомнении зверя. Я *унизил себя* до неверья, Я унизил тебя до тоски» (Б. Пастернак. Я их мог позабыть?).

Сравните: «Советский Союз *превратился*, точнее *превратил* сам *себя* во вторую промышленную державу в мире» («Правда», 22. II. 1959).

Но даже в этих случаях можно найти различия между сравниваемыми единицами в большей или меньшей употребительности их, в стилистических нюансах, в тех дополнительных обертонах, которые они в различной степени могут получать в контексте.

Необходимо также подчеркнуть, что возвратный глагол и глагол переходный в словосочетании с *себя* — это совсем разные самостоятельные глаголы, хотя и соотносительные по значению, но не представляющие смыслового тождества, как нет его и в других словообразовательных разрядах между словами производными и производящими.

Часто указывают на то, что при глаголах данного разряда возможность выражения подлежащего ограничивается: «Синтаксическими признаками, отличающими этот залог от других возвратных залогов, являются: во-первых, сочетание с субъектом, означающим лицо или вообще живое существо» [7].

Замечание это вполне правильно, но его можно расширить, заметив, что субъект, обозначающий лицо или живое существо, характерен не только для данного разряда, но и для всех остальных разрядов возвратных глаголов включенного объекта, среди которых лишь в виде исключения встречаются глаголы, могущие сочетаться с неодушевленным субъектом.

А. А. Шахматов указывает еще на одну синтаксическую особенность глаголов данного разряда, а именно — на «отсутствие другого объекта, кроме однако выражаемого творит. падежом для означения орудия действия» [8]. Но если А. А. Шахматов подчеркивает невозможность иного дополнения, кроме дополнения в творительном падеже, то И. П. Мучник считает дополнение в творительном падеже специфической синтаксической чертой этих глаголов:

«Собственно-возвратные глаголы часто вступают в беспредложное сочетание с творительным падежом (орудия, средства). Ср. вышеприведенные: «Маша окуталась *шалью*», и «дамы..., оправдывались *тем*, что Володя маленький» [9].

Творительный падеж дополнения со значением орудия, средства

---

[7] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 477. См. также: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 630—631 и И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 140.

[8] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 477.

[9] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 141.

не является характерной особенностью только этих возвратных глаголов, а широко возможен при возвратных глаголах различного значения, даже страдательного, особенно, если при этом отсутствует творительный падеж содействующего объекта, например: *он оправдывается незнанием, я причесываюсь щеткой, посуда моется горячей водой* и т. п.

Возможность употребления творительного падежа орудия, средства при различных разрядах возвратных глаголов определяется в первую очередь не значением данного разряда возвратных глаголов, а особенностями управления производящих невозвратных глаголов, так, например: *привязать себя веревкой — привязаться веревкой*, но если при *беречь себя* не употребляется творительный падеж, то нельзя употребить его и при *беречься*.

Чтобы не пользоваться термином «собственно-возвратные», в который вкладывалось весьма разнообразное содержание, а также, чтобы придерживаться по возможности однотипной терминологии, назовем возвратные глаголы этого разряда — возвратными глаголами включенного возвратного объекта.

Г. У производящего переходного глагола в ряду других одушевленных (и неодушевленных) объектов возможен в качестве прямого дополнения особый «объект взаимности», выраженный своеобразным взаимным местоимением *друг друга*. Это местоимение, не отмечаемое обычно в грамматиках среди других местоимений, состоит из двух несамостоятельных и не могущих изменять свое место частей, объединенных одной общей флексией. Флексии служат для выражения падежных форм данного местоимения, причем у него так же, как и у возвратного местоимения *себя*, нет формы именительного падежа: родительный падеж — *друг друга*, дательный падеж — *друг другу*, винительный падеж — *друг друга*, творительный падеж — *друг другом*, предложный падеж — *друг о друге*. Могут быть и другие предложно-падежные конструкции этого местоимения, причем предлог ставится внутри местоимения, между частями его, как и в отрицательных и неопределенных местоимениях с частицами *не-*, *ни-* и *кое-*: *друг без друга, друг к другу, друг на друга, друг с другом, друг на друге* и т. п. Местоимение *друг друга* употребляется, как и возвратное местоимение *себя*, в качестве дополнения, чаще при глаголах, реже при прилагательных, предикативных наречиях и существительных, указывая «на предметы, находящиеся по своему состоянию или действию в известных отношениях друг с другом»[10]. Предложно-падежные формы этого местоимения могут указывать как на взаимно-возвратные отношения предметов (лиц), так и на пространственные отношения предметов (лиц), например: *помнили друг о друге, летели*

[10] С. Г. Абраамян. Местоимения и местоименные члены в современном армянском языке. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1953, стр. 16.

друг за другом. Беспредложные падежные формы этого местоимения всегда указывают только на взаимно-возвратные отношения предметов (лиц), например: *избегали друг друга, довольны друг другом, помогали друг другу* и т. п.[11]

В силу своего значения, предполагающего множественность деятелей, местоимение это широко используется при глагольных формах множественного числа, а также при формах, не дающих указания на число (инфинитив, деепричастие); при формах же единственного числа это местоимение может выступать лишь в тех случаях, когда эти формы единственного числа относятся к собирательному существительному, например: *любили друг друга, надо помогать друг другу, молодежь приветствовала друг друга*. При глагольных формах 1-го и 2-го лица единственного числа глаголов это местоимение, как правило, не употребляется.

Таким образом, некоторые возвратные глаголы включают в свое значение подобный «объект взаимности», сопоставляясь с переходным глаголом + винительный падеж взаимного местоимения *друг друга: видеться* — «видеть друг друга», *встретиться* — «встретить друг друга», *браниться* — «бранить друг друга», *грызться* — «грызть друг друга», *обниматься* — «обнимать друг друга», *целоваться* — «целовать друг друга» и т. п. Эти возвратные глаголы принято называть взаимными.

В русском языке большинство невозвратных глаголов обозначает действия, которые могут быть произведены как одним лицом (предметом), так и несколькими лицами (предметами). Для обозначения этого различия в числе лиц, производящих действие, у глаголов существуют формы числа, которые при наличии подлежащего в предложении согласуются с числом существительного-подлежащего, даже если это число имеет чисто формальный характер; при отсутствии же подлежащего (например, в односоставных личных предложениях) самостоятельно указывают на единичность или множественность лиц, производящих действие: *бежит — бегут*. Форма множественного числа в этих случаях, указывая на множественность действующих лиц, указывает на одинаковое отношение этих лиц к действию (и к объекту), но никак не определяет отношения действующих лиц друг к другу.

Однако имеется небольшое количество глаголов, своим лексическим значением указывающих на действия, которые не могут быть произведены одним лицом, в одиночку, а непременно требуют участия нескольких лиц, причем эти лица находятся в определенном отношении не только к действию, но и друг к другу. Таковы глаголы: *враждовать, спорить, дружить, беседовать, разговаривать, воевать* и другие, прежде всего глаголы, связанные по значе-

---

[11] Иногда вместо этого местоимения встречается уменьшительная форма от него — *друг дружку*, или используется синонимический оборот — *один другого*.

нию с речью, с беседой, с общением между людьми. Еще Ф. И. Буслаев отмечал: «Действительный или средний глагол тогда только получает значение взаимного, когда по самому смыслу своему показывает взаимное действие двух или нескольких предметов, напр., *воевать, спорить*» [12].

Значение взаимности, как одно из характерных значений непереходных глаголов, может встречаться как в невозвратных глаголах, так и в возвратных глаголах различных словообразовательных разрядов:

1. В невозвратных глаголах: *спорить, беседовать, разговаривать, воевать, враждовать* и др.

2. В возвратных несопоставимых и косвенно-сопоставимых глаголах: *сражаться, бороться, здороваться, драться, условиться, прощаться, совещаться, соглашаться, препираться, пререкаться, расставаться* и др.

3. В возвратных глаголах смешанного образования (суффиксально-частичного, префиксально-частичного, префиксально-суффиксально-частичного): *брататься, съехаться, разлететься, переписываться* и др.

4. В возвратных глаголах включенного объекта: *целоваться, обниматься, браниться, ругаться, встречаться, видеться, грызться, обнюхиваться, облобызаться, знаться* и др.

5. В возвратных глаголах переключенного объекта: *делиться, меняться* и др.

6. В возвратных глаголах исключенного объекта *знакомиться, ссориться, мириться, объединиться, судиться* и др.[13]

Что касается переходных глаголов, то в них, именно в силу их переходности обычно не может быть взаимного значения. Правда, значение некоторых переходных глаголов таково, что допускает наличие действия с обратным отношением субъекта и объекта, например *встречать, пересекать* и т. п., — но сами по себе подобные глаголы никакой взаимности не выражают и только наличие известного характера дополнений может сообщать всему высказыванию или словосочетанию оттенок взаимного значения. Обычно значение взаимности переходного действия передается синтаксически с помощью различных падежных форм взаимного местоимения *друг друга*, прибавляемых к формам глаголов, не имеющих без этого дополнения значения взаимности [14], например:

«— *Берегите друг друга*, мужики! — крикнул Пастухов из тамбура» (К. Федин. Первые радости).

---

[12] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 351. См. также М. А. Тростников. Определение залогов, стр. 8.

[13] О двух последних разрядах возвратных глаголов см. ниже.

[14] Это возможно также в тех редких случаях, когда прямое дополнение лексически тождественно с подлежащим, напр.: *рука руку моет, рыбак рыбака видит* издалека и т. п. Ср. также:

«*Подруга* каждая тут тихо *толк подругу*, и шепчут все друг другу» (И. А. Крылов. Обезьяны).

«Мы поздно разошлись и долго *провожали друг друга*, чтобы сколько-нибудь рассеять удручающее настроение» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Мы *полюбили друг друга* так внезапно, так быстро...» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Они [двое слепых] столкнулись и *ощупали друг друга*» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«Организм не сумма клеток, а единая целостная система, где все части взаимно *обусловливают друг друга* и зависят от внешней среды» (О. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии).

«Друзья! Хоть вы охрипнете, *хваля друг дружку*, — Все ваша музыка плоха!» (И. А. Крылов. Кукушка и петух) [15].

Именно в подобных словосочетаниях усматривал подлинное взаимное значение И. Ф. Калайдович: «Ежели предмет речи и сам принимает от другого предмета такое же действие, какое в нем производит, тогда действие называется в з а и м н ы м. Прм. Петруша и Алеша (или Петруша с Алешей) *любят друг друга*» [16].

Возвратные глаголы, включающие в свое значение объект взаимности, сопоставляются именно с такими словосочетаниями. И уже у Ф. И. Буслаева находим попытку как-то отграничить возвратные глаголы включенного взаимного объекта от прочих, имеющих также взаимное значение [17].

Своеобразный подход к возвратным глаголам взаимного значения находим у А. В. Попова, который существо взаимного значения видит в том, что «действие одинаково относится к обоим предметам, т. е. каждый из двух предметов (или групп предметов) является вместе и субъектом и объектом, напр. *человек борется с зверем* значит *человек борет зверя, а зверь человека*» [18]. «В таком случае, — продолжает А. В. Попов, — возвратный местоименный объект, заключенный в среднем глаголе, получает взаимное значение (друг с другом, друг друга) и такие средние гл. называются взаимными» [19].

В этом высказывании любопытно то, что взаимное значение возвратных глаголов, связываясь с субъектно-объектными отношениями, проецируется на д в а употребления производящего глагола, а также то, что в значении взаимного глагола усматри-

[15] Другие косвенные падежи местоимения *друг друга* могут сообщать значение взаимности и действиям непереходных глаголов (напр.: *писать друг другу, привыкать друг к другу, следить друг за другом* и др.), в частности возвратным не имеющим такого значения, например: «Ругательски ругаются, Немудрено, что *вцепятся Друг другу* в волоса» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). — «Три раза низко *кланялись друг другу* (Ф. Гладков. Повесть о детстве). — «Поездные пассажиры за четверо суток и то *свыкаются друг с другом*» (В. Панова. Спутники) и т. п.

[16] И. Ф. К а л а й д о в и ч. Грамматика языка русского. М., 1834, стр. 18. См. также М. А. Т р о с т н и к о в. Определение залогов, стр. 8.

[17] Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка, стр. 351.

[18] А. В. П о п о в. Синтаксические исследования, стр. 294.

[19] Там же, стр. 294—295.

вается включенное значение взаимного местоимения, хотя оно и указано не только в форме винительного падежа. Однако, опираясь в толковании взаимного значения возвратного глагола на два употребления производящего глагола, А. В. Попов тем самым в любом возвратном глаголе взаимного значения усматривает как бы два акта, что приводит его к выделению еще одного разряда возвратных глаголов, которые он именует «полувзаимными глаголами»: «Здесь следует отметить оттенок значения, который можно назвать полувзаимностью. В глаголе, напр., *перекликаться* взаимность значения очевидна. Если сравнить с этим глагол *откликаться, отзываться*, то легко видеть, что они означают вторую половину действия, выражаемого такими глаголами, как *перекликаться*: „А перекликается с В", значит — „А кричит к В, В откликается ему". Так. обр. *ся* из указателя взаимности делается указателем того, что известное действие является ответом на другое»[20].

«Так объясняется, — говорит дальше А. В. Попов, — *ся* в глаголах *отзываться, откликаться, отражаться, отдаваться, слушаться, ослушаться* и, вероятно, в *отшутиться, отговориться, отказаться, отбиться*»[21].

Ф. Ф. Фортунатов относил к взаимным возвратным глаголам только определенную группу возвратных глаголов взаимного значения с одинаковым словообразовательным отношением к производящему глаголу. Последующие же исследователи, как правило, стали объединять в разряде взаимных глаголов возвратные глаголы различного словообразовательного характера[22].

Правда, в наше время существует и другая, более распространенная, точка зрения, по которой в разряд взаимных возвратных глаголов включают только возвратные глаголы включенного взаимного объекта, все же остальные глаголы взаимного значения объединяют в общий разряд глаголов со значением совместности[23]. Стремление выделить глаголы включенного взаимного

---

[20] А. В. Попов. Синтаксические исследования, стр. 296.

[21] Там же.

[22] См., например, А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 478; его же. Очерк современного русского литературного языка, стр. 195; Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 130; В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 168 и др. Справедливо связав значение взаимности в ряде возвратных глаголов с присоединением к значению производящего глагола значения взаимного местоимения *друг друга*, А. М. Пешковский (Русский синтаксис, стр. 115) включил в разряд взаимных глаголов глаголы различных словообразовательных образцов, что привело его к таким странным толкованиям значения отдельных возвратных глаголов как «съезжают друг к другу» или «разъезжают друг от друга».

[23] См., например, И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 148—149; А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 53—54; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 633; Грамматика русского языка, т. I, стр. 419 и др.

объекта вполне законно, но решение его нельзя признать вполне удовлетворительным.

Таким образом, выделение особого словообразовательного разряда возвратных глаголов взаимного значения, сопоставимых с переходными глаголами + *друг друга*, можно считать более или менее общепризнанным. Однако и в наши дни некоторые ученые не разграничивают отдельных разрядов взаимных возвратных глаголов, объединяя не только различные разряды сопоставимых возвратных глаголов, но и сопоставимые возвратные глаголы с несопоставимыми [24].

Выделяемый обычно особый разряд взаимных возвратных глаголов представляет собой возвратные глаголы включенного взаимного объекта. Образуются эти возвратные глаголы от переходных глаголов, семантика которых предполагает обычно объект одушевленный, причем этим объектом может быть и взаимное местоимение *друг друга*, значение которого и включается в значение возвратного глагола, например:

«Направо и налево гребни гор, один выше другого, *пересекались*, тянулись, покрытые снегами, кустарником» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Глаза наши с симпатией *встретились*, я почувствовал в нем друга, не начальство» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Мы стоим, глядим... Очи *встретятся* — Усмехнемся мы, Усмехнется нам Лиодорушка» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Резвые струи бежали, *толкались*, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бежали дальше» (В. Г. Короленко. Река играет).

«Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу. Они сбежались и *схватились* руками» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Широко разведя руки, они быстро *обнялись*, потом отстранились и опять стали осматривать друг друга и смеяться все громче и громче» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Боже мой, что только творилось на этой пристани: и плачут, и кричат, и смеются, и *обнимаются*, и *ругаются*, и машут платками» (В. Г. Короленко. Без языка).

«Глеб и Сергей *потрогались* руками, сплелись пальцами на миг, осторожно, по-чужому» (Ф. Гладков. Цемент).

«Она ли, Даша, ушла дальше, или стали они чужие и не *узнались* в прежней любви?» (Ф. Гладков. Цемент).

«А в лесу мать-волчиха. *Обнюхались*, обрадовались и дальше побежали по лесу» (Ф. Чарушин. Что за зверь?).

Сюда же можно отнести и глагол *шептаться* — «шептать что-либо друг другу», хотя здесь объединяются значение включен-

[24] Современный русский язык. Морфология, стр. 341.

ного неопределенного объекта (что-либо) и значение включенного взаимного объекта, причем последний при производящем переходном глаголе ставится в дательном падеже: *шептать друг другу*.

«Тихо *шепчутся* березы над могилами кладбища» (В. Г. Короленко. В дурном обществе).

«Тут, глядя на него, иной качает головой; Те *шепчутся*, а те смеются меж собой» (И. А. Крылов. Ларчик).

«Она — в губернаторской ложе. О ней *шепчется* театр» (К. Федин. Первые радости).

Чаще возвратные глаголы взаимного значения образуются тогда, когда переходный глагол обозначает действие, которое по своему лексическому значению не может замкнуться в субъекте действия: *целовать* (кого, но не себя), *встречать* (кого, но не себя), *обнимать*, *видеть* и т. п. Однако взаимное значение возможно и в таких возвратных глаголах, которые сопоставляются с переходными, могущими иметь в качестве дополнения, указывающего на прямой объект, и местоимение *друг друга* и местоимение *себя*. В таких случаях лексически закрепляется за возвратным глаголом одно из двух возможных значений, т. е. возвратный глагол имеет либо значение включенного взаимного объекта, либо значение включенного возвратного объекта. Совмещения этих значений в одном глаголе обычно не наблюдается. Например: «милые *бранятся*, только *тешатся*». Можно *бранить* и *себя* и *друг друга*, однако глагол *браниться* имеет значение включенного взаимного объекта — «бранить друг друга», а глагол *тешиться* имеет значение включенного возвратного объекта — «тешить себя».

Совмещение же других возвратных значений со значением включенного взаимного объекта не исключается, например, страдательное значение возможно в таких глаголах, как: *встречаться*, *видеться*, *целоваться* и др.

Неоднократно указывалось, что значение взаимности проявляется исключительно или преимущественно в формах множественного числа глаголов[25]. Однако это не совсем так. Не следует понимать положения о том, что значение возвратного глагола включенного взаимного объекта = значению производящего глагола + *друг друга* в буквальном смысле. Между возвратными глаголами включенного объекта и соответствующими переходными + объект всегда имеется некоторое, большее или меньшее семантическое различие. Поэтому, хотя и есть отдельные глагольные формы производящих переходных глаголов, при которых место-

[25] См. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 168; А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке, стр. 54; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 633—634; Грамматика русского языка, т. I, стр. 35 и 419. Однако в единственном литературном примере, приведенном в «Грамматике» на это значение, возвратные глаголы стоят не в форме множественного числа, а именно: «И новые друзья ну *обниматься*, *ну целоваться*. Крыл., Собачья дружба».

имение *друг друга* не употребительно, это еще не определяет различия в значении форм производного возвратного глагола, поскольку частица *-ся* не прибавляется к каждой отдельной готовой форме производящего глагола, а представляет элемент морфологической структуры самостоятельного отдельного слова.

У данных глаголов, как и у всех остальных глаголов, имеется форма инфинитива, например:

«Потом. маменька, начинают все *целоваться*: то сестры промежду себя *поцелуются*, то он и ту поцелует, и другую» (А. Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь).

«Мать и дочь стали рыдать и *целоваться*» (В. Панова. Спутники).

«Собаки начинают *грызться*, рвать одна другую — только шерсть летит клочьями» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

«И когда Алексей не пришел во-время к тому фонарю, под которым уговорились *встретиться*, она почувствовала себя глубоко несчастной» (В. Кочетов. Журбины).

Следовательно, не только в формах множественного числа глаголов, но и в формах инфинитива ясно проявляется это значение взаимности, так что нет необходимости в специфическом дополнении для его выражения. А ведь в инфинитиве наиболее точно, без влияния на лексическое значение глагола грамматического значения формы, в данном случае формы множественного числа, обнаруживается лексическое значение глагола. И в деепричастии, также лишенном форм числа, значение взаимности может быть выражено без дополнения в творительном падеже, например:

«Бывало, в поздние досуги Сюда ходили две подруги. И на могиле при луне, *Обнявшись*, плакали оне» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«Ватага мужиков и парней, *взявшись* за руки и растянувшись поперек всей широкой улицы, горланила во всю глотку» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Видимо, дело здесь не только в формах множественного числа глагола. И не только в формах множественного числа подлежащего, поскольку может быть несколько подлежащих, из которых каждое выражено формой единственного числа; подлежащее может быть выражено собирательным существительным или существительным, обозначающим группу лиц, и т. п., например:

«*Аночка* и *Кирилл видались* каждую неделю» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«*С Пиладом* мой *Орест грызутся*» (И. А. Крылов. Собачья дружба).

«Не ветры веют буйные, Не мать-земля колышется — Шумит, поет, ругается, Качается, валяется, Дерется и *целуется* У праздника *народ*» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Три года *часть* этих людей не *видалась* и с тяжелым чувством замечала, глядя друг на друга, умножение седых волос, морщин, худобы и толщины» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

Наконец, может вообще не быть подлежащего, как, например, при обобщенно-личном употреблении формы 2-го лица единственного числа глаголов:

«Живем в одном городе, почти рядом, а *увидишься* раз в неделю, и то в церкви, либо на дороге, вот и все!» (А. Н. Островский. Гроза).

Таким образом, нельзя думать, что возвратный глагол взаимного значения является недостаточным в отношении наличия у него форм обоих чисел или что формы единственного и множественного числа у него отличаются друг от друга по лексическому значению. Но в предложениях с взаимными глаголами (любого словообразовательного разряда) тем или иным способом должна быть выражена множественность участников данного действия: будь то формой подлежащего или формой сказуемого, будь то лексическим значением подлежащего, формой и лексическим значением дополнения или дополнений и др. Поэтому при подлежащем, выраженном формой единственного числа одного единичного существительного (знаменательного или местоименного), требующего и от глагола формы единственного числа, соучастник действия обычно выражается дополнением, имеющим форму творительного падежа с предлогом *с*, например:

«*Головлев* надел шубу, вышел на крыльцо, *расцеловался с Аннинькой*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«*Парень с девицей целуется*, Просит цену набавлять» (Н. А. Некрасов. Коробейники).

«У меня нет матери; она одна могла бы спросить меня, зачем *я вижусь с тобой*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«С тех пор в продолжение трех лет *Нехлюдов не виделся с Катюшей*» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«*Он встречался с Зиночкой* на маленьких вечеринках у общих знакомых» (В. Панова. Спутники).

«Если за добрым обедом Выпил ты лишний бокал И, поругавшись с соседом, Громкое слово сказал, Не говорю уж — подрался (Редко друг друга мы бьем), Хоть бы *ты* тут же *обнялся* С этим случайным *врагом*, — Завтра в газетах напишут!» (Н. А. Некрасов. Песни о свободном слове) [26].

---

[26] В последнем примере есть еще два глагола взаимного значения, хотя и иного образования: *поругавшись* и *подрался*; примечательно, что при форме единственного числа *подрался* отсутствует дополнение в творительном падеже, но взаимное значение глагола несомненно. В некоторых случаях употребление таких глаголов в единственном числе без дополнения в творительном падеже может сообщать глаголу тонкие нюансы значения, например: «Девочка (3, 8) за столом по обыкновению препирается со своим взрослым братом. Брат (обращаясь к девочке): Ты все *споришь*. Девочка: Нет, это ты *споришь*. Брат: Нет, ты *споришь*. Девочка: Я говорю — *я не спорю*, а ты говоришь, что я *спорю*, значит ты *споришь*» (Е. А. Аркин. Дошкольный возраст). В глаголе *спорить* ослабевает взаимное значение, и он приближается по смыслу к глаголу *возражать*.

Дополнение в творительном падеже, указывающее на соучастника действия, возможно и при формах множественного числа, инфинитива и деепричастия, например:

«С одной стороны Обломовка, с другой княжеский замок с широким раздольем барской жизни, *встретились* с немецким *элементом*, и не вышло из Андрея ни доброго бурша, ни даже филистера» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Старик смотрел на нее из-под бровей пытливыми глазами, которые *встречались* порой с гневным, сверкающим *взглядом* молодой девушки» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«Вчера только с ним повидался отец. *Повидаться с ним* можешь и ты» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«*Увидеться с бедной женою* И с первенцем *сыном* отцу довелось Не здесь» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Среди пустынного простора приятно было *встретиться* с каким-нибудь *кораблем*, обменяться, подняв флаги, приветствиями и разойтись в разные стороны, растаивая в синеющей дали» (А. С. Новиков-Прибой. Шалый).

«Внизу Арагва, *обнявшись* с другой безыменной *речкой*, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

В литературе имеются замечания о том, что взаимное значение возникало первоначально в формах неединственного числа: «Первоначально, следовательно, необходимым условием для появления взаимновозвратного значения была форма числа неединственного, а затем уже по аналогии появились и формы числа единственного» [27].

Об этом же говорит и В. А. Богородицкий: «Естественно предположить, что сначала формы взаимного залога возникли во множественном числе (*мы боремся...*), а после образовалось и единственное число по аналогии с другими глаголами (напр., *моемся* : *моюсь* = *боремся* : *x*; *x* = *борюсь*») [28].

В качестве иллюстрации к возможности образования подобных форм по аналогии В. А. Богородицкий приводит известный рассказ об ученике, остающемся в школе на каникулы, который пишет домой: «Все мои товарищи *разъехались*, позвольте и мне *разъехаться*» [29].

Правильность такого предположения о возникновении взаимного значения отнюдь не обозначает, что такое положение должно было сохраниться вплоть до настоящего времени. Раз установив-

---

[27] В. К. Поржезинский. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, стр. 94.

[28] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 168.

[29] Там же, стр. 168, примечание 1. Нам известно подобное аналогичное образование в еще более показательной форме: девочка, оставшаяся на лето в городе, сказала матери: «Дорогая мамочка, все *разъехались*, одна я не *разъехалась*».

шись, пусть первоначально и в формах множественного числа, взаимное значение распространилось на все остальные формы словоизменения глагола, потому что значение объекта производящего глагола *друг друга* вошло в лексическое значение возвратного глагола, и в настоящее время возвратный глагол включенного взаимного объекта, как и взаимные глаголы иного словообразовательного характера, располагает всеми формами словоизменения глагола.

Д) У производящего переходного глагола возможны самые разнообразные прямые объекты, почти без всякого лексического ограничения, но самый круг этих переходных глаголов лексически весьма ограничен. Сюда относятся такие переходные глаголы, как: *бодать, бранить, брыкать, дразнить, жечь, кусать, клевать, лягать, ругать, толкать, царапать* и т. п.

Далеко не все исследователи выделяли возвратные глаголы, образованные от подобных переходных глаголов, в особый разряд возвратных глаголов. Так, Ф. Ф. Фортунатов писал: «Значение действия, рассматриваемого в отвлечении от объектов, т. е. по отношению лишь к субъекту действия, напр. *кусаться, браниться, обещаться, проситься* (некогда *молиться*) и др., между прочим и *послаться* в примерах из Ипатьевской летописи у Буслаева»[30].

Любое действие, выраженное отсубъектным возвратным глаголом и не имеющее при себе дополнения (объекта), мыслится лишь в его связи с субъектом, и «отвлечение от объекта» имеет место при самых различных разрядах отсубъектных возвратных глаголов, но характер и пути этого «отвлечения» различны в различных группах возвратных глаголов. Рассматриваемые возвратные глаголы представляют собой один из видов возвратных глаголов включенного объекта, но в отличие от уже рассмотренных групп возвратных глаголов включенного объекта, в данном случае в значение возвратного глагола включается не конкретный объект, а объект в самом обобщенном виде, т. е. значение возвратного глагола = значению производящего глагола + любой, всякий из возможных объектов, например:

«Иван Петрович неумолим: он хотел немедля водворить меня к черному Врубелю, предположив вдруг смехотворную вещь, что я могу начать *кусаться*» (О. Форш. Одеты камнем). — *кусаться* = «кусать любого, каждого».

«Неустанно и страстно пели соловьи, а днем задорно *дразнились* скворцы и невидимые жаворонки изливали... звон свой» (А. М. Горький. Мои университеты). — *дразнились* = «дразнили каждого, любого, всех».

---

[30] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, стр. 1155; см. также А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 116; И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 146.

Поэтому возвратные глаголы данного типа можно назвать возвратными глаголами включенного обобщенного объекта.

Словари отмечают различные оттенки значения рассматриваемых глаголов, например:

«Бодаться. 1. Бодать кого-н. *Как ни подойду к корове, она все бодается* || Иметь склонность, привычку бодать. *Не подходите к этой корове: она бодается.* 2. Бодать друг друга. *Наша корова с соседской бодались, насилу разогнали*» [31].

Значение свойства в этих глаголах отмечается многими исследователями [32].

В. В. Виноградов, видимо, считает это значение свойства даже основным значением данных глаголов, поскольку, характеризуя их, он говорит только об одном значении: «Активно-безобъектное значение. Это значение особенно ярко выступает у возвратных глаголов, соотносительных с переходными глаголами без *-ся* и обозначающих действие субъекта, фактически переходящее на какой-нибудь предмет, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта, как характеристическая, отличительная черта самого субъекта» [33].

Рассматривая значение постоянного действия и свойства в глаголах страдательного значения, мы уже говорили о том, что значение свойства не является специфическим значением только возвратных глаголов, что оно может с такой же легкостью возникать и в невозвратных глаголах, причем не только в непереходных, но и в переходных. Правда, Б. Гвоздиков находит, что между возвратными и невозвратными глаголами со значением свойства существует некоторое различие: «*Огонь жжет*, не сейчас, а постоянно может жечь, а потому способность жечь — его принадлежность. По отношению к наличности признака принадлежности к субъекту выражение *огонь жжет* ничем не отличается от выражения: *огонь жжется*. Эти выражения различаются тем, что в первом нет, а во втором есть неопределенное указание на объект» [34].

Если понимать это высказывание в том смысле, что значение включенного обобщенного объекта ничем не отличается в глаголах невозвратных и возвратных, но в последних оно морфологически выражено, закреплено, — то с этим нельзя не согласиться.

Возвратные глаголы со значением постоянного свойства (как, впрочем, и невозвратные этого значения) бывают обычно только несовершенного вида, что вполне естественно для значения свой-

[31] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, 1935. Аналогичные оттенки значения указаны в данном словаре и для глаголов: *брыкаться, кусаться, царапаться* и т. п.

[32] См., например, И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 146.

[33] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 635.

[34] Б. Гвоздиков. Дополнительные замечания и поправки к работе..., стр. 375.

ства, признака. Что же касается форм времени, то, конечно, они чаще употребляются в настоящем времени, например:

«Народ у нас вроде козла, чуть что — сейчас *бодается*» (А. М. Горький. Мои университеты).

Но не исключается употребление в этом значении и форм прошедшего времени:

«— У нас сегодня убили хирурга, — сказала девушка. — Я его перевозила, когда он умер... Он был всегда такой злой, на всех *ругался*. И когда оперировал, *ругался* и на нас кричал. И, знаете, чем больше стонали раненые и чем больнее им было, тем он больше *ругался*» (К. Симонов. Дни и ночи).

«Нас Ишка не больно-то слушалась, *брыкалась* и возила всегда «трюх-брюхом», так что все кишки в животе перебалтывались» (О. Перовская. Ребята и зверята).

«Ишке это очень не понравилось. Она вырывалась и каждый раз, когда ее окатывали водой, презабавно *лягалась*» (Там же).

Между прочим, в последнем примере значение постоянного свойства можно и оспаривать. Вообще следует заметить, что значение конкретного действия, как значение основное, наблюдается в этих глаголах значительно чаще, например:

«Петька подпрыгивал, повизгивал, *лягался*, дубленая шубенка его, покрытая гарью, с частыми сборками назади, хлопала по стареньким валенкам» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Если же при схватке с более сильным врагом не случалось под рукой оружия, то он [Карась] употреблял в дело зубы, когти и ноги, то есть *кусался*, *царапался* и *лягался*» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Произошла отчаянная схватка: один, почувствовав весь ужас смерти, вырывался, колотился, словно в истерике, *кусаясь*, размахивая руками» (А. С. Новиков-Прибой. Шалый).

«Прокофьев вежливо *бранился*: впервые от него, научного работника Нефтяного института, пахло не лабораторией и нефтью, а пивным суслом» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Мальчик видел испуганные лица у всех на „Бетси“ и слышал как *ругался* капитан, пока трехмачтовое судно не стало значительно отставать» (К. М. Станюкович. Максимка).

Выше указывалось, что возвратные глаголы типа *целоваться*, *обниматься* могут совмещать значение включенного взаимного объекта с другими значениями возвратных глаголов. Они могут иметь и значение включенного обобщенного объекта, указывая на действие постоянное или на свойство лица (предмета).

«Порфирий Владимирович встал и полез *целоваться*. — Ах, дядя, какой вы странный! Все *целуетесь*! — Отчего же и не *поцеловаться*! Не чужая ты мне — племянушка» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

В последнем примере значение включенного обобщенного объекта конкретизируется до известной степени ситуацией (кон-

текстом). Такая относительная конкретизация включенного обобщенного объекта встречается довольно часто, например:

«Иван Ксенофонтович. Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину! Аграфена Платоновна. За что же вы *бранитесь*? Я вас люблю, вам добра желаю, а вы меня всяческими словами ругаете» (А. Н. Островский. В чужом пиру похмелье).

Большинство глаголов включенного объекта обозначает действия (свойства) живых существ: *кусается, бодается, брыкается, дразнится* и т. п., но возможны и действия (свойства) неживых предметов: *иголка колется, мел пачкается* и т. п.

«Уж *жжется солнышко*» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Во всех возвратных глаголах рассмотренных групп глаголов включенного объекта действие, выражаемое возвратным глаголом, непереходное, или безобъектное: различие в значении между глаголами отдельных групп только в качестве и степени определенности включенного объекта, выступающего при производящем переходном глаголе. Возвратные глаголы по значениям включенного объекта значительно богаче и разнообразнее, чем невозвратные глаголы, могущие наряду с переходным значением иметь и непереходное значение включенного объекта. Так, например, значение включенного возвратного или взаимного объекта свойственно исключительно возвратным глаголам, да и значения включенного неодушевленного объекта в них разнообразнее.

К возвратным отсубъектным глаголам, представляющим включение объекта производящего глагола в значение глагола производного, нет обычно невозвратных синонимов (как нет их и к глаголам страдательного значения), потому что у них связь с производящим переходным глаголом и объектом при нем непосредственная. Лишь в отдельных случаях к возвратным глаголам включенного объекта в качестве синонимов могут выступать соответствующие невозвратные глаголы с таким же непереходным значением включенного объекта, например:

«Кучер покачал головой, а дворник сказал: — Вишь ты, бойкий барин; не дает повадки! — Ну, коли еще *ругает*, так это славный барин! — флегматически говорил все тот же лакей. — Другой хуже, как *ругается*: глядит, глядит, да вдруг тебя за волосы поймает» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Ася... *спросила* Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе? — Давно ли ты стала *спрашиваться*? — отвечал он» (И. С. Тургенев. Ася).

«(Аграфена Платоновна) ...А я, было, его, барышня, признаться, для вас прочила. Лизавета Ивановна. Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня *спроситься*. Аграфена Платоновна. Да что *спрашивать*-то? Дело видимое. Человек хороший, богатый, вас любит» (А. Н. Островский. В чужом пиру похмелье).

Сравните также:

«Вела расходы, брила лбы, Ходила в баню по субботам, Служанок била осердясь — Все это мужа не *спросясь*!» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

«— Веди, товарищ, к начальству, веди всех! Там *разберутся*». (К. Федин. Необыкновенное лето).

* * *

Рассмотрим второй разряд отсубъектных возвратных глаголов, т. е. возвратные глаголы переключенного объекта. Возвратные глаголы этого разряда частично сохраняют ту сторону значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, поскольку прямой объект производящего переходного глагола переходит при возвратном глаголе в косвенный, но вместе с тем общее значение производных глаголов может весьма заметно отклоняться от значения производящих переходных глаголов, например: *нянчить кого* (предметом воздействия может быть только ребенок, детеныш) — *нянчиться с кем*, реже *с чем* (предметом воздействия может быть и ребенок, и взрослый, и даже неодушевленный предмет); *запасти что* (запасти что-либо можно и себе и другим) — *запастись* (обычно только для себя) и т. п.

«*Ся* служит как бы знаком, что место прямого дополнения занято, и что стало быть то существительное, которое претендует на роль дополнения, должно занять место косвенного дополнения» [35].

И. П. Мучник выделяет эти глаголы в отдельную группу, находя в их значении «сдвиг в связях действия с субъектом и объектом». «Вместо полного отвлечения от объекта, — пишет он, — здесь имеет место только определенный сдвиг в связях между действием и его субъектом и объектом. На основе некоторого отделения объекта устанавливается более тесная связь между действием и субъектом. «*Они запаслись прутьями*» по сравнению с «*они запасли прутья*» означает, что предмет, являющийся при глаголе без *-ся* прямым объектом действия, при форме с *-ся* представляет собой только средство для совершения действия, которое мыслится главным образом в его связи с субъектом» [36].

Вряд ли можно согласиться с тем, что дополнение в приведенном примере обозначает «средство для совершения действия», — в дополнении *прутьями* несомненно предметное значение, хотя

---

[35] Б. Гвоздиков. Дополнительные замечания и поправки к работе..., стр. 371.

[36] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 147. См. также у С. О. Карцевского: «*Мальчишки бросают каменья*, но также *мальчишки бросаются каменьями*. Во второй фразе подчеркивается, что *камни* только средство; ложный объект опущен, поскольку мальчишек интересует процесс сам по себе (S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 90).

объект здесь и не прямой, а косвенный. Что же касается возникновения «более тесной связи между действием и субъектом», то она характерна далеко не для всех глаголов данного разряда: так, в глаголе *запастись* она налицо, а в глаголе *нянчиться* ее нет. Вместе с тем такая «более тесная связь между действием и субъектом» свойственна целому ряду возвратных глаголов включенного объекта, о чем говорилось выше. Объясняется это невозможностью употребления при отсубъектных возвратных глаголах дательного падежа адресата, поэтому возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, требующих или предполагающих дательный падеж адресата действия, получают такой дополнительный оттенок значения по сравнению со значением производящего глагола, например: *задавать* (вопрос) *кому* — *задаваться* (вопросом), *раздобыть* (лошадей) *кому* — *раздобыться* (лошадьми) и т. п. Наличие данного оттенка значения у отдельных глаголов различных словообразовательных разрядов зачастую приводит к неоправданному объединению глаголов переключенного объекта с некоторыми глаголами других словообразовательных разрядов [37].

Основной особенностью глаголов этого разряда является именно то, что прямой объект производящего глагола не входит в значение возвратного глагола, но и не утрачивается бесследно, а переходит в косвенный объект. Это влечет за собой изменения в лексическом значении глаголов, изменения не всегда значительные и заметные, но весьма разнообразные и тонкие. Наиболее распространенной формой косвенного объекта при возвратных глаголах данного разряда является форма творительного падежа без предлога, например:

«Была тут также лавочка С картинами и книгами, Офени *запасалися* Своим *товаром* в ней» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«В три дня я в далекий мой путь собралась, Все ценное я заложила. Надежною *шубой, бельем запаслась*» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

Сравните также переносно: «Вы должны *запастись терпением* на несколько дней пути» (В. Панова. Спутники).

«Вот только бы теперь на модели *деньжонками раздобыться*» (А. Н. Островский. Гроза).

«Блажен, кто успокоил кровь Обычной чередою: Успехом увенчал любовь И *завелся семьею*» (Н. А. Некрасов. Прекрасная партия).

«Крестьянин, *заводясь домком*, Купил на ярмарке подойник да корову» (И. А. Крылов. Крестьянин и разбойник).

«Ты думаешь, у нас населения много, так мы можем *людьми швыряться*?» (И. Эренбург. Буря).

---

[37] См., например: Грамматика русского языка, т. I, стр. 34; Современный русский язык. Морфология, стр. 341.

«Я знал, что старик *словами* не *бросается*» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Порфирий Владимирович вглядывается и, разумеется, прежде всего *задается* целой *массой* праздных *вопросов*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Сравните также переносно:

«В своем портрете я *задался целью* передать на полотно прежнего, восторженного Ге» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«— В чем дело? — спросила вдруг Дорис, высоко поднимая брови. Он перестал *тереться ногой* о стул... — Откровенно говоря, — сознался профессор, — у меня чешется нога... — Дорогая Дорис, — сказал он, снова начиная *тереть ногу* о стул» (Стефан Гейм. Блоха, в сб. «Каннибалы и другие рассказы», перевод Т. Путинцевой).

«Как весело притом *Делиться мыслию* своей С любимым существом» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

«Окончив занятья, спускался он вниз И с нами *делился досугом*» (Там же).

«Конечно, нам надо *обмениваться опытом*» (В. Панова. Спутники).

В ряде случаев творительный падеж косвенного объекта выступает при таких возвратных глаголах, которые могут иметь как значение переключенного объекта, так и значение включенного неодушевленного объекта, например:

«Арина Петровна грузно опустилась в кресло и *уставилась глазами* в окно» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Я выскочил в сад, забежал на глухую полянку и *уткнулся головой* в траву» (А. Гайдар. Судьба барабанщика).

«Она отодвинула скамейку, пересела к нему на кровать, *уткнулась лицом* ему в грудь и заплакала. Она плакала долго, поднимала заплаканное лицо, улыбалась и снова *утыкалась* ему в грудь» (К. Симонов. Дни и ночи).

«Сапожник, по православному обычаю, *приложился губами* ко лбу певчего» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы) [38].

Реже встречаются другие падежные формы косвенного объекта. Так, может быть творительный падеж с предлогом *с*:

«Кашку сварит, *нянчится с дитятей*» (А. С. Пушкин. Сказка о попе и работнике его Балде).

«Он не баловал ее, то есть не *нянчился с нею;* но он любил ее страстно и никогда ничего ей не запрещал» (И. С. Тургенев. Ася).

«Пока у ней гостила я, Все время *с Лиодорушкой Носилась*, как с родным» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Встречаются и другие косвенные падежи с предлогами и без предлогов:

---

[38] Примеры на значение включенного неодушевленного объекта в этих же глаголах приводились выше.

«Мы очень скоро *полюбились друг другу*» (И. С. Тургенев. Первая любовь) — сравните *полюбили друг друга*.

«Девичий сон еще был тих и крепок благотворно. А между тем давно жених *к ней сватался* упорно» (Н. А. Некрасов. Прекрасная партия).

«*За нее сватались*, но она ни за кого не хотела идти» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«У всякого талант есть свой; Но часто, на успех прельщаяся чужой, *Хватается за то* иной, В чем он совсем не годен. А мой совет такой: *Берись за то*, к чему ты сроден, Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец» (И. А. Крылов. Скворец).

«Придет время, и мы *возьмемся за револьверы*, а пока наше лучшее оружие — слово» (А. Гайдар. Школа).

В невозвратных глаголах, могущих наряду с переходным значением иметь и непереходное значение переключенного объекта, косвенный объект в большинстве случаев также имеет форму творительного падежа без предлога, хотя возможны и другие формы (см. стр. 76). Наличие в возвратных глаголах частицы *-ся*, формально закрепляющей это «переключение» объекта, приводит к тому, что возвратные глаголы переключенного объекта многочисленнее и разнообразнее невозвратных глаголов переключенного объекта.

* * *

Рассмотрим третий разряд отсубъектных возвратных глаголов, т. е. возвратные глаголы исключенного объекта. Возвратные глаголы этого разряда, становясь непереходными, полностью утрачивают ту сторону лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, поскольку прямой объект производящего глагола не включается в значение возвратного глагола и не переходит в косвенный объект при нем. При этом общее лексическое значение производящих глаголов сохраняется в возвратных глаголах в большей или меньшей степени, но настолько отличается от значения производящих невозвратных глаголов, что непосредственная сопоставимость возвратного глагола с соответствующим невозвратным в значительной степени ослабляется. Возвратные отсубъектные глаголы первых двух разрядов, не утрачивая полностью той стороны лексического значения производящих глаголов, которая связана с наличием при них прямого объекта, могут быть заменены синонимическими оборотами с соответствующими невозвратными глаголами, иначе говоря, значение таких возвратных глаголов может быть прямо истолковано через значение производящего глагола и объекта этого производящего глагола, например: *нестись — нести яйца*, *насупиться — насупить брови*, *причесываться — причесывать волосы, бороду, усы* и т. п., *унижаться — унижать себя*, *обниматься — обнимать друг друга*,

кусаться — кусать любого, каждого, всех; *нянчиться* (с ребенком) — *нянчить* (ребенка) и т. п. Такую же возможность замены синонимическим оборотом с использованием производящего переходного глагола мы наблюдали и в отобъектных возвратных глаголах, например: *разыскивается мальчик — разыскивают мальчика, возмущаюсь поступком — поступок возмущает* (меня) и т. п. Ослабление сопоставимости возвратных глаголов исключенного объекта с соответствующими производящими глаголами и проявляется прежде всего в том, что для возвратных глаголов данного разряда нет в языке синонимических синтаксических выражений того же реального факта через глагол производящий. Например: *поезд мчится*. Глагол *мчаться* связан по значению с глаголом *мчать* общей идеей быстрого движения, но значение глагола *мчаться* не может быть непосредственно истолковано из значения глагола *мчать*, так как никто никого не мчит, если кто-либо или что-либо мчится. Это сопоставление свидетельствует о том, что значение производящего глагола не входит полностью в значение производного возвратного глагола.

Правда, в языке имеются, если не к каждому глаголу исключенного объекта, то ко многим — синонимы лексические (невозвратные глаголы), например: *подняться — встать, приблизиться — подойти, нестись — бежать, валиться — падать, чесаться — зудеть* и т. п. Сравните также:

«В первый же день немецкого наступления после затишья у него разбило несколькими прямыми попаданиями подвал котельной. Он *перешел* в другой, но на следующий день к вечеру разбило и другой. Тогда он *перебрался* сюда» (К. Симонов. Дни и ночи).

«В большинстве случаев бактерии и вирусы не находят в клетках и жидкостях человеческого организма условий для размножения и *уничтожаются*» («Известия», 31.I.1960), — *уничтожаются* = = *гибнут*.

Можно сказать, что чем теснее и закономернее семантическая связь возвратного глагола с производящим невозвратным, тем меньше возможностей для возникновения лексических невозвратных синонимов, но тем больше возможностей для синонимов синтаксических с использованием производящего переходного глагола. И неудивительно, что именно в этом разряде возвратных глаголов встречаются видовые пары, объединяющие возвратный глагол с невозвратным: *ложиться — лечь, садиться — сесть, становиться — стать, лопаться — лопнуть*.

При истолковании значения возвратных глаголов исключенного объекта, так же как и при истолковании глаголов страдательного значения и некоторых других разрядов возвратных глаголов, довольно часто подменяют значение возвратного глагола значением производящего невозвратного глагола, например:

«Ср. такие предложения, как *мальчик спускает санки с горы* и *мальчик спускается с горы*. В первом случае имеется налицо дей-

ствователь (субъект действия, действующее лицо) *мальчик* и объект, охватываемый действием в полном объеме, что выражается по-русски винительным падежом — *санки*. Во втором случае то же самое действие (подчеркнуто мною. — *Н. Я.*) и то же самое действующее лицо, но объекта нет, действие замыкается в самом действующем лице, направлено на само действующее лицо, что выражено отсутствием прямого дополнения в винительном падеже и так называемой возвратной формой глагола (*спускаться*)»[39].

Напротив, в первом и во втором случае совсем разные действия, хотя и имеющие в чем-то смысловое сходство, основывающееся на общности основы без *-ся*. При первом действии деятель стоит на месте, толкает санки, смотрит на них и т. п., а при втором действии деятель передвигается на санках или без них вниз по горе. Конечно, и в том и в другом случае какой-то предмет (санки или мальчик) катится вниз по склону горы, но действия, производимые в обоих случаях мальчиком, совершенно разные.

В количественном отношении рассматриваемый разряд возвратных глаголов представляет собой основную массу отсубъектных возвратных глаголов. Однако эти многочисленные глаголы, представляя весьма неоднородную в семантическом отношении массу, не поддаются или почти не поддаются дальнейшей классификации на основании лексического значения производящих глаголов и того сдвига в значении, который производит в глаголе присоединение частицы *-ся*.

Попытки дальнейшей классификации возвратных глаголов этого разряда обычно основываются только на общем лексическом значении самых возвратных глаголов. Так, И. П. Мучник выделяет в данном разряде три группы глаголов со следующими значениями: а) перемещение в пространстве (глаголы типа: *возвращаться, отправляться, удалиться* и т. п.); б) изменение в положении (глаголы типа: *садиться, прислониться, нагнуться* и т. п.): в) общее изменение в состоянии (глаголы типа: *встряхнуться, погреться* и т. п.) [40].

Наиболее характерной группой глаголов рассматриваемого разряда является группа глаголов со значением движения, или точнее — перемещения в пространстве. Невозвратные глаголы движения, обозначающие перемещение субъекта в пространстве (*идти, бежать, ползти, плавать* и т. п.), непереходны, поэтому присоединение к ним частицы *-ся* вносит в их значение изменение, о котором речь пойдет ниже. Глаголы же движения, обозначающие перемещение объекта в пространстве, переходны, поэтому присоединение к ним частицы *-ся* устраняет эту переходность, и значение движения за отсутствием объекта относится теперь к субъекту, т. е. гла-

---

[39] Современный русский язык. Морфология, стр. 333—334.
[40] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 148.

голы со значением перемещения объекта в пространстве превращаются в глаголы со значением перемещения субъекта в пространстве. При этом действие, производимое субъектом возвратного глагола, значительно отличается, как мы видели, от действия, производимого субъектом производящего глагола, например: *бросает — бросается, тащит — тащится, несет — несется* и т. п. Действия, выраженные невозвратным глаголом и возвратным глаголом, — это совсем разные действия, и субъект возвратного глагола отнюдь не становится объектом того же действия ни непосредственно, ни «по совместительству». Изменение значения возвратного глагола по сравнению со значением невозвратного может быть бóльшим или меньшим. Обычно от значения производящего невозвратного глагола сохраняется только общее значение движения, зачастую в сопровождении некоторых обстоятельственных характеристик этого движения, например: глагол *нести* обозначает движение объекта непременно совместное с движением субъекта, причем без указания скорости этого движения, а глагол *нестись* обозначает движение только субъекта, причем движение большой скорости; глагол *мчать* обозначает движение большой скорости, и глагол *мчаться* сохраняет эту обстоятельственную характеристику движения; различие между глаголами *нести* и *бросать* совсем не такое, как между глаголами *нестись* и *бросаться* и т. п.

Отсутствие закономерности в изменениях лексического значения глаголов движения с присоединением к ним частицы *-ся* приводит к тому, что, во-первых, во многих возвратных глаголах данного разряда, наряду со значением движения, развиваются переносные значения, не имеющие ничего общего с движением, например: *опуститься, волочиться, пуститься, колебаться, валяться, вращаться, подняться, подобраться, тянуться* и т. п.

«Держа куклу кверху ногами, так, что деревянные руки и пеньковые косы ее *волочились* по песку, белокурая девочка остановилась перед забором» (А. Гайдар. Тимур и его команда).

«Репутация скучной актрисы *волочилась* за ней из театра в театр» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«— Ты, говорят, эти дни ужасно *волочился* за моей княжной?» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Тесто *поднялось*, сдвинуло крышку с квашни, потекло на стол и на пол» (В. Панова. Спутники).

«Отмечу лишь удивительную картину берегов у полуострова Мангышлака, где Азия *подымается* отвесным черным порогом из зауральских пустынь» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Каждые десять минут *поднимался* страшный свист, топот и крики» (В. Панова. Спутники).

Во-вторых, многие отсубъектные глаголы, образованные от невозвратных глаголов движения, вообще не имеют значения движения и переходят в разряд несопоставимых глаголов, например: *водиться, даваться, возиться* и т. п.

«Уж эта мне Азия! Что люди, что речки — никак нельзя *положиться*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Мать как-то холодно *отнеслась* к моему огорчению» (А. Гайдар. Школа).

«Это еще больше укрепило персонал в мыслях, что Юлия-то Дмитриевна, может, и *обойдется* без профессора, но уж профессору без Юлии Дмитриевны не *обойтись*» (В. Панова. Спутники).

В-третьих, значение движения возможно в таких возвратных глаголах, которые образованы от глаголов, не имеющих значения движения и, следовательно, также должны относиться к несопоставимым, например: *плестись — плести, красться — красть* и т. п.

«Серая кошка, вытянув спину, осторожно *кралась* в сад» (И. С. Тургенев. Первая любовь).

«В то же утро, ушам не поверя, Протереть не успевши очей, Сколько бедных, истерзанных перьев *Рвется* к окнам из рук рифмачей!» (Б. Пастернак. Вдохновенье).

Все то, что сказано о глаголах, обозначающих перемещение в пространстве, в равной степени может быть отнесено и к возвратным глаголам, обозначающим изменение в положении или общее изменение в состоянии предмета. Правда, И. П. Мучник замечает, что глаголы, обозначающие «изменение в положении», «неспособны вовсе к беспредложному управлению существительными» [41], однако, мне кажется, что это не совсем так: существительные в косвенных падежах при этих глаголах возможны, хотя и не часто, только значение таких управляемых существительных не предметное, а обстоятельственное, например: *сажусь лицом к окну, легким движением нагнулся* и т. п.

На основании лексического значения и связанного с ним управления производящего глагола, закономерно порождающих при присоединении частицы *-ся* определенное значение возвратного глагола, может быть выделена только одна группа глаголов данного разряда. Это возвратные глаголы исключенного объекта с взаимным значением, типа: *мириться, ссориться, знакомиться, судиться* и т. п. Производящие невозвратные глаголы, от которых образуются возвратные глаголы взаимного значения, по своей семантике предполагают множественность объектов, причем выражена эта множественность может быть различно: раздельно (в двух или больше словах единственного или множественного числа) или совместно (в одном слове множественного числа): *знакомить Ваню с Колей, знакомить Ваню и Колю, знакомить мальчиков с летчиком, знакомить своих друзей* и т. п. В качестве объектов при таких переходных глаголах предполагаются только одушевленные предметы.

Возвратные глаголы, образованные от таких переходных глаголов, указывают на взаимное действие, но отличаются от взаим-

---

[41] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 143.

ных глаголов включенного объекта именно тем, что в последних субъекты действия производят друг в отношении друга действие, выраженное производящим глаголом, а в глаголах рассматриваемого типа субъекты производят совсем другое действие по сравнению с действием, выраженным производящим глаголом: если они *ссорятся*, то при этом никто никого не *ссорит*.

«Мать и Катя в эти дни не *разлучались*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«*Сдружились* мы — шестерка солдат разной крови и разной веры: и русские, и татары, и литва, и болгары» (Там же).

«С каждым разговором наши симпатии возрастали, и мы все более *сближались*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Они *подружились*. Каждый вечер он стучался к ней» (В. Панова. Спутники).

Все, что было сказано выше об употреблении различных форм словоизменения взаимных глаголов включенного объекта, в такой же мере относится и к взаимным глаголам исключенного объекта, которые употребляются и в формах инфинитива и деепричастий, и в формах единственного числа, например:

«Ей казалось, что она начала *дружиться* с Анной» (В. Г. Короленко. Без языка).

«Я, ваш старинный сват и кум, Пришел *мириться* к вам, совсем не ради ссоры» (И. А. Крылов. Волк на псарне).

«Жадный, скупой, не *дружился с дворянами*, Только к сестрице езжал на чаек» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Он каждый день все более и более *дружился с хозяйкой*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«*Сблизился* я тогда крепко с несколькими *мальчиками* своих классов» (В. Г. Короленко. Не страшное).

* * *

Таким образом, в отсубъектных возвратных глаголах можно обнаружить те же оттенки непереходного значения, которые имеются в невозвратных переходных глаголах, развивающих непереходные значения. Близость процессов возникновения непереходности в невозвратных переходных глаголах и в возвратных отсубъектных глаголах подметил еще В. Классовский, который замечал: «Дополнительные глаголы (напр. *читать книгу, рыть яму*) могут употребляться в значении обстоятельственных, без изменения в форме (напр. *безграмотные не читают, глазами не роют*) или с изменением ее (напр. *червь роется*)»[42].

Однако в связи с тем, что непереходность значения глагола получает формальное морфологическое выражение только в воз-

[42] В. Классовский. Нерешенные вопросы в грамматике. СПб., 1870, стр. 79.

вратных глаголах, отсубъектные глаголы включенного, переключенного и исключенного объекта несравненно многочисленнее и значительно разнообразнее, чем невозвратные глаголы тех же оттенков непереходного значения. Наличие двух способов возникновения глаголов включенного, переключенного и исключенного объекта приводит к тому, что в ряде случаев возникают параллельные синонимические глагольные образования с частицей *-ся* и без частицы *-ся*, например:

а) *бодать* (неперех.) — *бодаться*, *брыкать* (неперех.) — *брыкаться*, *жечь* (неперех.) — *жечься*, *колоть* (неперех.) — *колоться*, *кусать* (неперех.) — *кусаться*, *лягать* (неперех.) — *лягаться*, *обнимать* (неперех.) — *обниматься*, *пачкать* (неперех.) — *пачкаться*, *толкать* (неперех.) — *толкаться*, *царапать* (неперех.) — *царапаться*, *щекотать* (неперех.) — *щекотаться* и т. п.;

б) *бросать* (чем) — *бросаться* (чем), *брызгать* (чем) — *брызгаться* (чем), *ковырять* (неперех.) — *ковыряться* и т. п.;

в) *бунтовать* (неперех.) — *бунтоваться*, *валить* (неперех.) — *валиться*, *двинуть* (неперех.) — *двинуться*, *дружить* (неперех.) — *дружиться*, *катить* (неперех.) — *катиться*, *кружить* (неперех.) — *кружиться*, *мчать* (неперех.) — *мчаться*, *подружить* (неперех.) — *подружиться*, *прикатить* (неперех.) — *прикатиться* и т. п.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Присоединение частицы *-ся* к непереходным невозвратным глаголам естественно должно иметь какое-то иное значение по сравнению со значением, возникающим при присоединении этой же частицы к глаголам переходным, поскольку непереходные глаголы уже сами по себе лишены связи с прямым объектом. В подавляющем большинстве случаев частица *-ся*, будучи присоединена к непереходному глаголу, лишает этот глагол связи с субъектом, иначе говоря, превращает личный непереходный глагол в безличный, и тем самым также воздействует на его лексическое значение, например:

«Ей сна нет от французских книг, А мне от русских больно *спится*» (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

«Так бы и побежала. Без цели, без оглядки, только чтоб *дышалось* сильнее, чтоб грудь саднило» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Решетов прошелся по комнате, массируя раненую руку и, спросив меня о том, как *летелось*, кого успел повидать в Москве, вдруг, с нетерпеливыми нотками в голосе, сказал...» (Г. Брянцев. Конец осиного гнезда).

И только в некоторых, сравнительно весьма немногочисленных случаях с непереходными невозвратными глаголами сопоставляются личные возвратные глаголы, например:

«На другом берегу озера *белелись* каменные постройки» (В. Солоухин. Владимирские проселки).

«Я живо вскочила, как только ямщик Продрогший в окно *постучался*» (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

Сначала обратимся к рассмотрению основной массы возвратных глаголов, сопоставимых с непереходными невозвратными глаголами, — к глаголам безличным.

Характерное общее значение таких безличных возвратных глаголов весьма удачно определено уже у Ф. И. Буслаева: «Этою формою наш язык любит выражать внутренние побуждения и явления, независимо от воли человека совершающиеся в его природе, как физической, так и нравственной. Напр. в послов. XVII в.

„ичется с голоду, дрожится с холоду“... в Олон. былин. *«стосковалося* у молодца по свою родимую сторонушку» [1].

В трудах последующих грамматистов определение значения безличных возвратных глаголов варьируется в тех или иных отношениях, но существо определения остается тем же: подчеркивается независимость, самопроизвольность действия и направленность или распространение данного действия на предмет одушевленный. Следовательно, словообразовательное значение этих возвратных глаголов заключается в том, что действие, представленное в производящем невозвратном глаголе как производимое субъектом, в возвратном глаголе представляется как самопроизвольное, бессубъектное, т. е. никем не производимое, например:

«Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет! Бальзаминов. Само *думается*, маменька» (А. Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь).

«Он ударил не по злости, не для потехи, не потому, что рука затеклась кровью и просила моциону, а именно «так себе», бессознательно, как-то само *ударилось*, нечаянно» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Я был глубоко оскорблен словами Чубука и замолчал. Но мне не *молчалось*» (А. Гайдар. Школа).

«Мать в который раз за вечер одергивает девочку: — Люда, перестань мигать! — Я не хочу, а у меня *мигается*. — И по лицу девочки видно, что она не шалит и искренне огорчена тем, что у нее *„мигается“*» («Работница», 1960, № 10).

Я высунусь на улицу И погляжу вперед. *Грустится* ль мне, *тоскуется* ль, — Никто не разберет» (С. Чехмарев. Гляди: уже по Лиственной).

Высокая продуктивность образования безличных глаголов при помощи частицы *-ся* не подлежит никакому сомнению. Некоторые ученые склонны были даже утверждать, что такой тип образования возможен от любого глагола [2]. В. В. Виноградов, признавая исключительную продуктивность таких возвратных глаголов, полагает все же, что «производство безличной формы на *-ся* ограничено строгими семантическими условиями» [3].

Указывают, правда, что безличные возвратные глаголы не образуются от возвратных же глаголов [4].

Наиболее трудным представляется вопрос о возможности образования безличных возвратных глаголов от переходных глаголов.

---

[1] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 381.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 346; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 175.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 468. — Правда, В. В. Виноградов не указывает, при этом, какие именно семантические условия ограничивают образование безличных возвратных глаголов.

[4] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 346; В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 469; Грамматика русского языка, т. I, стр. 32.

Некоторые исследователи допускают такую возможность[5]. Выше говорилось о том, что грань между переходными и непереходными глаголами весьма неустойчива и многие переходные глаголы могут употребляться в непереходном значении (при этом непереходное значение отличается зачастую от переходного тем, что включает в себя значение объекта в более конкретном или более обобщенном виде). В этих случаях образование безличных глаголов возможно, так как оно опирается на непереходное значение глагола. Именно поэтому при разграничении возможностей словопроизводства от переходных и непереходных глаголов иногда говорят не о глаголах и их значениях, а о предложениях с наличием прямого объекта и с отсутствием его: «Нельзя образовать безличную форму на *-ся* от глагола в таком предложении, в котором есть объект; например, можно сказать: *сегодня утром легко косилось — была большая роса*. Но невозможно употребить в безличном значении глагол *косить* при объекте — дополнении: «*легко косилось траву*»[6].

По существу это обозначает, что от переходных глаголов безличные возвратные глаголы не образуются. Это положение наглядно подтверждается, если обратиться к переходным глаголам, не имеющим непереходного значения и не могущим употребляться непереходно, а таких глаголов в языке немало, например: *нести, хватать, бросить, ломать, тащить, уважать, знать, звать, приглашать* и др.

Кроме того, как указывалось выше, интенсивность переходности в различных переходных глаголах неодинакова и непереходные значения могут возникать далеко не в каждом переходном глаголе: так, например, переходные глаголы совершенного вида обычно не развивают непереходных значений, а из глаголов несовершенного вида в меньшей степени способны к развитию непереходных значений глаголы префиксального образования и некоторые другие.

От переходных глаголов, не могущих иметь непереходного значения, безличные возвратные глаголы не образуются. Следовательно, можно утверждать, что безличные возвратные глаголы образуются от непереходных глаголов или от тех глаголов, которые совмещают непереходное значение с переходным. Присоединение же частицы *-ся* к переходным глаголам служит только для устранения переходности и не может одновременно служить для обезличивания действия.

Что касается более конкретного лексического значения производящих глаголов, то здесь широко выступают глаголы со значением состояния, например:

---

[5] Современный русский язык. Морфология, стр. 342; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, стр. 165.

[6] Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958, стр. 168.

«Река... чуть-чуть ползет по камешкам, выпуская из себя по сторонам резвые ручьи, под журчанье которых сладко *дремлется*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Взялся за книгу Саввушка, А Грише не *сиделося*, Ушел в поля, в луга» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Сила меж тем в мужике-убавляется, Старость приходит, частенько *хворается*» (Н. А. Некрасов. Притча о Ермолае трудящемся).

«Наркис (барину). Вот что, друг любезный, вели еще стаканчик поднести. А то от страха что-то *зябнется*» (А. Н. Островский. Горячее сердце).

«Правда была горькой, но она была, наконец, сказана, и с ней прочней *стоялось* на земле» (К. Симонов. Живые и мертвые).

«Как живется вам — *здоровится* — *Можется*? Поется как? (М. Цветаева. Попытка ревности).

«Пощадят ли площади меня? Ах, когда б вы знали, как *тоскуется*, Когда вас раз сто в теченье дня На ходу на сходствах ловит улица!» (Б. Пастернак. От тебя все мысли отвлеку).

Сравните: «Никогда с ним не было ни напряженно, ни надуманно, ни пусто. С ним именно «былось», — становилось ощутимо полное человеческое существование во всей его радости» (М. Шагинян. Воспоминания о С. В. Рахманинове).

Однако широко представлены безличные образования и от глаголов со значением действия, причем зачастую действия активного, например:

«Эта песня давно уже слышится, Но она не ведет ни к чему, Коли нам так *писалось* и *пишется*, Значит — есть и причина тому» (Н. А. Некрасов. Газетная).

«Теперь и погулять-то, когда *гуляется*. Ты, батюшка, сам был молод» (Н. А. Островский. Не так живи, как хочется).

«Подсолнух — с шапкой набекрень — Стоит и улыбается: «Егор Савельич, добрый день! Ну, каково *шагается*?!» (А. И. Недогонов. Флаг над сельсоветом).

«Садись тогда, Аполлинария Ивановна... Ну, как живется, *воюется* как?» (Л. Леонов. Русский лес).

«Невеста горько плачется. Стоят в слезах друзья. Мне страшно. Мне не *пляшется*, но не плясать нельзя» (Е. Евтушенко. Свадьба).

С другой стороны, имеются непереходные глаголы со значением состояния или действия, от которых безличные глаголы не производятся, например: *чахнуть*, *участвовать* и т. п.

Безусловно невозможно образование безличных возвратных глаголов от таких непереходных глаголов, семантика которых предполагает субъект неодушевленный, например: *болит* (палец), *настает* (вечер), *настанет* (ночь), *зудит* (кожа), *кипит* (чайник), *светит* (солнце), *капает* (вода), *гремит* (гром), *сверкает* (молния), *гаснет* (огонь), *течет* (вода), *гниет* (сено), *пахнет* (сено), *цветет* (яблоня), *прорастает* (семя), *меркнет* (свет) и т. п. Это объяс-

няется тем, что присоединение частицы *-ся* к непереходным глаголам связано с устранением только субъекта одушевленного, субъекта-лица.

Сравните однако: «Ты не заблудилась, рассиянка? Ты ведь до Швейцарии дошла! Как *шумится* на чужой сторонке, *Зеленеется* в другом краю?» (А. Прокофьев. Березка).

Весьма характерным для безличных возвратных глаголов данного разряда является наличие дательного падежа объекта, в котором, помимо его воли, распространяется или протекает действие, выражаемое глаголом. Объект этот, представляя собой трансформацию субъекта личного производящего глагола, обозначает предмет одушевленный (в отдельных случаях это может быть персонифицированный неодушевленный предмет), например:

«Сегодня так *мне* тяжко, так *грустится*... Хоть ты мою тоску развей» (А. Н. Островский. Василиса Мелентьева).

«Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели, *вам дремлется*» (И. С. Тургенев. Лес и степь).

«И в просторе полей Сладко и вольно так *дышится ей*» (Н. А. Некрасов. Саша).

«*Коробейникам* не *пелося*: Уж темнели небеса» (Н. А. Некрасов. Коробейники).

«И букварей-таки много купили — «Будет вам пряников; нате-ка вам!» Пряники, правда, послаще бы были, Да *рассудилось* уж так *старикам*» (Н. А. Некрасов. Дядюшка Яков).

«Как *едется* в такую рань *приезжей*, С самой посадки не смежившей глаз?» (Б. Пастернак. Спекторский).

«— Весной *мне* почему-то всегда *врется*, — сказал один человек лет семнадцати, когда его уличили во лжи» (В. Карбовская. Любовь с первого взгляда).

«*Мне* не *любится*, не *мечтается*, не *читается* по ночам» (Е. Евтушенко. В Мичуринске).

«*Мне* и *пляшется*, и *плачется*, и бесстрашны смех и грусть» (Р. Козакова. Я не буду выкаблучивать).

«Дрожит собака. Нет ей мочи. Не *воется* и не *скулится ей*» (П. Антокольский. Берлинская кинохроника).

«*Ушам* не *верилось*, и невольно хотелось объяснить недостаток в снарядах исключительно слабостью нашей металлургической промышленности» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Здесь пишется, как дышится, — Взволнованно, распахнуто, Как *небосводам пышется*, И как *звенится пахотам*» (А. Вознесенский. В горах).

«*Волге* долго не *молчится*. *Ей ворчится*, как волчице» (В. Хлебников. Уструг Разина).

«Парижанки березы спрашивают, как *шумится каштанам* в Москве» (Е. Евтушенко. В Мичуринске).

Дательного падежа объекта при рассматриваемых возвратных глаголах может не быть, если объект ясен из контекста, а также,

если он имеет обобщенный характер, т. е. если данное действие может распространяться на любого, каждого, приобретая даже характер закономерности, например:

«Гриша спать попробовал. *Спалося*, не *спалося*, краше прежней песенка в полусне слагалася» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Сердце у ней о чем-то плакало, плакали и звуки. Хотела петь — не *поется*!» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Попробовала-было Арина Петровна в дураки с Евпраксеюшкой сыграть, но ничего из этого не вышло. Не *игралось*, не *говорилось*, даже пустяки как-то не шли на ум» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Уж я лучше буду терпеть, пока *терпится*» (А. Н. Островский. Гроза).

«Достаю свою тетрадь со стихами. Нет, не *пишется*» (А. С. Новиков-Прибой. Подводники).

«Он чувствовал, что спор влечет к тому самому главному, о чем *думалось* с каждым днем все больше и больше» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Не стесняя естественности изложения, буду писать, как *пишется*, без отсекновения, само собой, вступающей современности» (О. Форш. Одеты камнем).

«Подошло время обеда, но как-то не *обедалось*. Ели нехотя, занятые разговорами, взволнованные» (Г. Белых и Л. Пантелеев. Республика Шкид).

«Но все чаще и чаще *игралось* и *вздорилось*, *пилось* и *елось* в совершенно пустых, торжественно безлюдных комнатах» (Б. Пастернак. Детство Люверс).

«Говорят, по осени *грустится*, Потому, что грусть-трава цветет» (И. Верюгин. Таежное).

Значение общей закономерности, могущее возникать при отсутствии дательного падежа объекта, выступает особенно явственно в формах настоящего времени глагола или при наличии определительных слов при глаголе:

«В такие дни и *пьется* как-то *ходко*» (А. Н. Островский. Комик XVII столетия).

«В Вильно, в Варшаве и еще больше здесь, в Кракове, и, вероятно, во всех польских городах есть эти возвышенные точки, где *легко* и *свободно дышится*, где верится в жизнь и в лучшее будущее» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Женщине, которая так ловко умеет обниматься с посторонними мужчинами, как-то *плохо верится*» (А. Н. Островский. Красавец-мужчина).

В данном примере постановка дательного падежа объекта распространения действия затрудняется еще и наличием в предложении другого дательного падежа со значением адресата действия.

Справедливо отмечают близость значения рассматриваемого

дательного падежа с дательным падежом содействующего объекта при личных глаголах страдательного значения: «Известно, что при безличном глаголе субъект состояния, выраженного глаголом, выражается дополнением в дательном падеже (ср. *мне хочется, мне не спится*). Но выражение субъекта, испытывающего известное состояние, при глаголе возвратной формы, выражающем состояние, может иметь место и в личном предложении, например: *Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе молодых франтов* (Гоголь)» [7].

Отсюда делают вывод о близости значения ряда личных, в частности страдательных, возвратных глаголов к безличному значению. Указывают также на возможность страдательного значения в безличных формах, например: «Некоторые из безличных форм на *-ся* имеют значение страдательного залога; напр. *говорится* (т. е. бывает говоримо)» [8].

Такая довольно часто встречающаяся близость значения ряда личных глаголов к безличному объясняется тем, что в современном русском языке формы 3-го лица единственного числа глаголов могут иметь не только личное, но и безличное значение:

«Категория лица, — говорит В. В. Виноградов, — и категория безличности соотносительны. Они нередко обнаруживаются в формах одного и того же глагола. Но сверх того, категория безличности может быть семантическим центром особого глагольного слова» [9].

Конечно, такое значение свойственно форме 3-го лица далеко не всех глаголов и вряд ли можно установить точные границы глаголов, могущих иметь безличное употребление. В качестве примера такого употребления можно указать прежде всего на группу глаголов тесного лексического круга, обозначающих бытие, становление, появление или проявление признака, форма 3-го лица которых при наличии отрицания может приобретать безличное значение. Такое употребление глагола связано с определенной структурой предложения, характеризующейся непременным наличием родительного падежа дополнения, соответствующего именительному падежу подлежащего утвердительной конструкции. Такое безличное употребление свойственно целому ряду возвратных глаголов, например:

«У него почти никогда *не водилось денег*» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«В ней уже *не замечалось* и *следа* той нервной чувствительности, которую она обнаружила при первом посещении бабушкиной могилы» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

---

[7] Современный русский язык. Морфология, МГУ, стр. 342.
[8] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 381.
[9] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 465—466.

«На дворе начиналась весна, но деревья стояли голые, даже свежей *травы* еще *не показывалось*» (Там же).

«Знаешь ли, Андрей, в жизни моей ведь никогда *не загоралось* никакого, ни спасительного, ни разрушительного *огня*!» (И. А. Гончаров. Обломов).

«*Не исполнилось месяца* после прихода Меркурия Авдеевича к Рагозину... как его опять вызвали в финансовый отдел» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Здесь, когда ни Лизе, ни Кириллу еще *не исполнилось шестнадцати лет*, он передал ей первую записку» (Там же).

«*Дела*, само собой разумеется, и там ему *не нашлось*» (А. И. Герцен, Кто виноват?).

«С четырнадцатилетними мальчиками *ударов не случается*» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Во время сеансов, когда *не требовалось* особенно строгого *сидения* неподвижно, я часто просил Всеволода Михайловича читать вслух» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Это вашей милости точно, что *рассудка не требуется*, потому вы за готовым и так проживете» (А. Н. Островский. Лес).

Подобное безличное употребление формы 3-го лица с отрицанием возможно иногда и от возвратных глаголов страдательного значения, например:

«Без ругани, как водится, *Словечка не промолвится*, Шальная, непотребная Слышней всего она!» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Хождение в народ паничей в белых свитках и расшитых сорочках было тогда сильно распространено в Юго-Западном крае. На изучение экономических условий *не обращалось* особенного *внимания*. Молодые люди записывали слова и музыку народных думок и песен, изучали предания» (В. Г. Короленко. Слепой музыкант).

«И тогда, в детстве, над нею тяготела глубокая ночь, но за тьмою, все-таки, предчувствовались лучи. Теперь — *ничего не предчувствовалось, ничего не предвиделось*: ночь вечная, бессменная ночь — и ничего больше» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Совсем *ничего не видится* впереди, кроме позора, нищеты, и улицы» (Там же).

«Никаких *сплетен* про вас *не собиралось*, а Лизаньку никто даже и не назвал по имени» (К. Федин. Первые радости).

Употребление форм страдательных глаголов с отрицанием в безличном значении допускают прежде всего такие возвратные страдательные глаголы, которые сопоставляются с переходными глаголами, предполагающими по своей семантике только одушевленный субъект, как, например: *чувствовать, видеть, говорить, собирать* и т. п. Значение страдательности в данных глагольных формах, употребленных безлично, поддерживается возможностью

широкого употребления при отрицании тех же форм и в личном значении (см. примеры во второй главе).

Не следует смешивать подобные случаи безличного употребления форм личных глаголов с безличными глаголами, употребляемыми с отрицанием, как, например:

«Аринe Петровне даже на стуле *не сидится* от нетерпения» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Собственно-безличные глаголы, образованные от непереходных глаголов с помощью частицы *-ся*, в отличие от безличного употребления форм личных возвратных глаголов, характеризуются не только особой семантикой, но также и тем, что при них, когда они употребляются с отрицанием, не бывает структурно обусловленного родительного падежа дополнения; тогда как при безличном употреблении форм 3-го лица личных возвратных глаголов отсутствует характерный для безличных глаголов структурно обусловленный дательный падеж объекта.

Употребление глагольных форм 3-го лица единственного числа в безличном значении не ограничивается только случаями с отрицанием и обусловленным этим отрицанием родительным падежом дополнения. Довольно широко наблюдается безличное значение указанной формы и в утвердительных оборотах, характеризующихся иными структурными особенностями предложения, например: *голова шумит — в голове шумит, сено пахнет — пахнет сеном* и др.[10]. Отдельным возвратным глаголам эта особенность также свойственна, например:

«Нового человека сейчас узнаешь, у него от лица *светится*» (А. Н. Островский. Старое по-новому).

«Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто *светится*» (А. Н. Островский. Гроза).

«Начал я с матроса второй статьи, как *полагается* нашему брату, а на второй год уже плавал кочегаром» (А. С. Новиков-Прибой. В бухте «Отрада»).

«Ольга расцветала вместе с чувством. В глазах *прибавилось* света, в движеньях грации» (И. А. Гончаров. Обломов).

«С пьесой не *ладилось*, вкус к ней пропал» (К. Федин. Первые радости).

«На каждой станции пассажиров все *прибавлялось*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Я был счастлив, что нашел себе товарища. *Прибавилось* сразу бодрости» (А. Гайдар. Школа).

«Всю дорогу до завода он скреб ногтем за ухом, там почему-то *чесалось*, и колено чесалось, и у ступни» (В. Кочетов. Журбины).

Весьма любопытно, что формы некоторых личных, сопоставимых и несопоставимых, возвратных глаголов могут употребляться

[10] См. об этом подробнее: Е. А. Твердовская. Глагольные безличные предложения в современном русском литературном языке. Кандидатская диссертация. М., 1955.

в безличном значении, очень близком к значению рассмотренных выше собственно-безличных возвратных глаголов, например:

«Так и пустыннику тому *соскучилось* быть вечно одному» (И. А. Крылов. Пустынник и медведь).

«Так проводил я перепись весеннего настроения. Ходил по земле и спрашивал, как *трудится* и как *любится*» (М. Луконин. Признание в любви).

«Живется гладко вам? Вам не *волнуется*?» (Е. Евтушенко. Песни революции).

«— Ну, как ехалось? — спросил Сидор Сидорович Ивана Федоровича, когда они пришли домой. — Не ехалось, а *тащилось*! И врагу такой езды не пожелаю!» (Остап Вишня. Квадратногнездовая колбаса, перевод с украинского Е. Веснина. «Крокодил», 1955, № 9).

Довольно часто безличные возвратные глаголы употребляются в сочетании с инфинитивом:

«Однажды *вздумалось* друзьям В день жаркий *побродить* по рощам, по лугам» (И. А. Крылов. Пустынник и медведь).

«Зимой казалось им холодно, летом по жаре тоже *не годится ехать*» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Потому что человеку как-то *хочется* кого-нибудь *жалеть* и *любить*, а особенно, когда человек на чужбине» (В. Г. Короленко. Без языка).

«В исходе предстоящего совещания она, впрочем, не сомневалась, и потому с легким духом села за письма, которыми *предписывалось* Порфирию и Павлу Владимирычам немедленно *прибыть* в Головлево» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

«Толпа запрудила бульвары, появилась полиция, и дипломатам в подобные минуты *попадать* в сутолоку не *рекомендовалось*» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Он по-деловому глянул туда, где *полагалось быть* небу» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Вот у меня сын временно в заключении. И до сих пор *разрешалось приносить* для него белье» (К. Федин. Первые радости).

«В этот раз мы были в мире и согласии, хотя Кузярю *не терпелось выкинуть* какой-нибудь фокус» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Среди безличных форм наиболее спорными являются формы глаголов со значением речи и других видов общения, например:

«О старом итальянском искусстве *писалось* много, много» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Единственною заметною чертою были маленькие киргизские глазки, раскрывавшиеся вполне, когда подавалось кушанье или *говорилось* о еде» (Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик).

«Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нем [журнале] *говорится*, вероятно, себя узнают» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Тот санитарный поезд, о котором *рассказывается* в этой повести, был в новой классификации типичным тыловым поездом» (В. Панова. Спутники).

«Наш грех, Анна ... за это с нас *спросится* на страшном суде» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

«Война представлялась еще многим интересной новинкой, такой, как про нее *читалось* в исторических романах» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«После бани бурсаки, поев всего краденого, были в добром расположении духа; меньше *раздавалось* швычков и подзатыльников, реже *творилось* всеобщих смазей, и вообще в классе сравнительно было довольно тихо и скромно» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Так, за запольные земли, отдаваемые внаймы крестьянам, *бралось* за десятину в четыре раза больше» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Связь данных безличных форм с глаголами страдательного значения устанавливал еще А. А. Шахматов, объясняя наличие безличных глаголов, сопоставимых, на первый взгляд, с переходными глаголами: «...в этом случае безличный глагол не трудно было вывести из страдательного залога, причем безличною формой становится 3-е лицо ед. числа страдательного залога, за опущением грамматического субъекта: *думается, предполагается*, здесь *упоминалось*» [11].

Страдательное значение основывается на трансформации объекта производящего невозвратного глагола в субъект возвратного производного глагола, поэтому отсутствие при глаголе субъекта может быть довольно веским возражением против того, чтобы считать приведенные глагольные образования безличным употреблением форм страдательных глаголов. Все же само по себе отсутствие при глаголе субъекта не решает еще вопроса о страдательном или нестрадательном значении глагола, поскольку «безличное употребление формы 3-го лица иногда входит в систему форм личного глагола и понимается на фоне личных форм и значений того же слова» [12]. Сомнение в страдательном значении этих глаголов усугубляется, однако, тем, что возможно образование безличных возвратных глаголов, обозначающих действие без указания на субъект потому, что он неизвестен или безразличен для высказывания, и не имеющих никакого страдательного значения, например:

«За военными событиями *следилось* жадно, и распускались самые выгодные для нашей армии слухи» (Л. Н. Толстой. Война и мир).

---

[11] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 196. См. также: Современный русский язык. Морфология, стр. 342; Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения, стр. 180.

[12] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 463—464.

Не являются безличными формы возвратных (так же как и невозвратных) глаголов, находящихся в главном предложении, если придаточное выполняет по отношению к ним функцию подлежащего. Ф. Ф. Фортунатов допускал возможность такого взаимоотношения между глаголом главного и придаточным предложением [13].

Несомненно, что при наличии подлежащего, каково бы ни было его значение и выражение, не может быть и речи о безличности главного предложения или глагола главного предложения. Поэтому, если придаточные, выполняющие роль подлежащего по отношению к сказуемому главного предложения, возможны, то главное предложение при этом личное, только неполное, и, следовательно, глаголы в таких главных предложениях не безличные, например:

«Из расспросов моих *выяснилось, что речь идет о Бебеле*» (А. М. Горький. Мои университеты).

«К утру *обнаружилось, что на стенках котлов нарос слой толщиной почти в дюйм*» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

«Махал рукой, подпрыгивал, Кричал! Ему *мерещилось, Что травит он лису*» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Нечеловеческой силы свист резанул Пастухова до боли, и ему *показалось, что его ударили по голове нагайкой*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Вспоминая вчерашний вечер, проведенный у Корчагиных, богатых и знаменитых людей, на дочери которых *предполагалось* всеми, *что он должен жениться*, он вздохнул» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

«Будто *чувствовалось, что вот-вот и природа оживет из-подо льда и снега*, но это так чувствовалось новичку, который суетно надеялся в первых числах февраля видеть весну» (А. И. Герцен. Кто виноват?).

«Барон... полагал, что стоит ему только показаться в Москве в своих модных пиджаках, с дорогой своей тросточкой и если при этом *узнается, что он действительный статский советник и кавалер станиславской звезды*, то все московские невесты сами побегут за ним» (Н. Г. Писемский. В водовороте).

Встречаются и такие случаи, когда возможно двоякое понимание придаточного: как подлежащего или как дополнения, что влечет за собой и возможность двоякого понимания формы глагола в главном предложении: как личной или как безличной, например:

«Так же в одной поваренной книге *говорится, что раки любят*, чтоб их варили живыми» (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Глагол *говорится* может иметь личное значение и относиться к подлежащему, роль которого выполняет придаточное предложе-

---

[13] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, стр. 1158. См. также: А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 350.

ние; но, вместе с тем, глагол *говорится* может иметь и безличное значение и сопровождаться косвенным дополнением, в роли которого может выступать придаточное предложение.

Среди несопоставимых возвратных глаголов имеется некоторое количество безличных глаголов, например: *посчастливиться, нездоровиться, смеркаться, брезжиться* и т. п., например:

«Где поется, там и *счастливится*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«В подругах ей не *посчастливилось*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Правда, глагол *счастливиться* и производные от него нельзя отнести безоговорочно к несопоставимым, поскольку имеется глагол *осчастливить*, а в редких случаях можно встретить даже и употребление беспрефиксального невозвратного глагола *счастливить*, например:

«Незнамов (с улыбкой). *Счастливить* людей, благодетельствовать? Шмага (смеется). И притом без большого труда. Нет, уж вы *счастливьте* кого угодно, только (грозя пальцем) не артистов» (Н. А. Островский. Без вины виноватые).

«Фрау Леоноре не совсем *здоровилось*: она страдала мигренью» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Не *поздоровится* от эдаких похвал» (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

Что касается глаголов *смеркаться, смеркнуться, брезжиться*, то их формы имеют чаще всего безличное значение, но изредка встречаются и в личном употреблении, например:

«В окнах сада едва *брезжилось*» (Л. Н. Толстой. Юность).

«*Смеркалась даль*, — спокойная на вид» (Б. Пастернак. Осень).

«Пастухов еще раз поблагодарил, испытывая удовольствие от ее резвого взгляда, в котором *брезжилась* нескрываемая женская *жадность*, и слегка засмеялся» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Кроме того, отмечают также личное и безличное употребление форм соответствующих невозвратных глаголов, что опять-таки не дает права безоговорочно относить данные возвратные глаголы к несопоставимым. Так, В. И. Чернышев указывает на употребление в личном и безличном значении глагола *смеркать* у Никитина: «*Смеркает день*» и «Чуть *смеркает*, она калитку запирает».

Сравните также: «Чуть *брезжит* звезд неверный *свет*» (А. С. Пушкин. Цыганы).

Безличные возвратные глаголы, как говорилось выше, обладают высокой продуктивностью. Образуются они преимущественно от глаголов несовершенного вида, хотя отнюдь не исключены безличные возвратные образования и от глаголов совершенного вида, например:

«Я их проиграл, потому что так мне *вздумалось*, а тебе советую не умничать» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

«*Взгрустнулось* как-то юноше по матери страдалице» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«О, как глубоко и радостно *вздохнулось* Санину, как только он очутился у себя в комнате» (И. С. Тургенев. Вешние воды).

«Уланбекова. Не *поспалось* что-то! Дурной сон видела» (А. Н. Островский. Воспитанница).

«Как-то ему *встанется* завтра (сможет ли он легко встать, как почувствует себя, встав)» (Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова).

«А теперь не спишь от недовольства, что не так *сумелось*, как мечтал» (В. Бакалдин. Молодость).

Безличные возвратные глаголы различного образования и значения употребляются в формах настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения; в формах условного наклонения; в форме инфинитива (хотя последнее иногда и оспаривается), например:

«Тот, кто не задумывается об историчности событий, а знает только, что сегодня *живется* легче или тяжелее, лучше или хуже, чем *жилось* вчера или *будет житься завтра*» (К. Федин. Необыкновенное лето).

«Ты пишешь, что Самойлов очень желает играть в моей пьесе, что мудреного желать играть такую роль! Да мне-то не очень *желалось бы*» (А. Н. Островский. Письма).

«Я невольно улыбнулся; к счастью начинало *смеркаться*» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Пожить хочется! Как не *хотеться*! видишь какая красавица» (А. Н. Островский. Гроза).

«Прежде ждала, беспокоилась; а потом уж и ждать перестала, так не спится, с чего *спаться*-то!» (А. Н. Островский. Сердце не камень).

«Да-с, другого слова Меркурию Авдеевичу не подвернулось и не могло *подвернуться*» (К. Федин. Первые радости).

«Ведь каким я теперь брожу и тебе как-нибудь *забродится*» (Н. Асеев. Лирическое отступление).

* * *

Таким образом, при изучении основной массы возвратных глаголов, сопоставимых с непереходными невозвратными глаголами, выясняется, что частица *-ся* служит в этих глаголах для устранения связи действия с субъектом, для указания на полную самопроизвольность или самостоятельность действия.

Однако некоторое, сравнительно небольшое количество возвратных глаголов, сопоставляемых с непереходными глаголами, не утрачивает своего личного характера с присоединением частицы *-ся*, например: *белеться, грозиться, дымиться, звониться, зеленеться, краснеться, мужаться, отказаться, отступаться, отступиться, пла-*

каться, светиться, синеться, стареться, стучаться, хвастаться, чернеться и т. п.

Некоторые исследователи пытались объяснить и эти глаголы как возвратные, связав «возвратность» в них с формой дательного падежа местоимения *себя*. Так, Г. Павский писал: «Когда значение частицы *-ся* сделалось неясным, тогда она допущена и при средних глаголах. Она здесь могла стать на место *си*, т. е. дательного падежа. Легко можем говорить *идет-себе, живет-себе*. Столь же легко и в старину употребляли выражения: *стареется* (= стареет себе), *краснеется* (= краснеет себе)» [14].

Предположение Г. Павского было позднее поддержано некоторыми учеными, например К. С. Аксаковым [15] и А. В. Добиашем [16]. Однако большинство русских ученых искало толкование значения и особенностей этих глаголов в других направлениях. Ф. Ф. Фортунатов характеризует подобные глаголы следующим образом: «В тех редких случаях, где глагол непереходный (не соединяющийся с дополнением в винит. пад.) получает образование формы возвратного (непереходного) залога, это образование усиливает существующее уже в глаголе значение непереходности признака» [17].

Об усилении значения в этих глаголах при наличии частицы *-ся*, хотя и без указания на то, какая именно сторона в значении глагола подвергается усилению, говорит и А. А. Шахматов:

«Присоединяясь к глаголам непереходным, частица *-ся* усиливает значение этого глагола; мы определим его термином усилительно-определительное значение» [18]. Тут же А. А. Шахматов указывает, что усилительно-определительное значение возвратных глаголов не представляет единства: «Усилительно-определительное значение глаголов среднего залога развивает из себя следующие два оттенка: а) усилительное, когда действие субъекта совершается в его интересах: *плакаться, хвастаться, стучаться, звониться*; б) определительное, когда состояние субъекта ограничивается одним определенным моментом или определенными условиями: *снег белеется, что-то чернеется, вишня краснеется* на дереве (ср. *белеет парус* — продолжительное время, уже давно; *вишня краснеет* — в значении «становится красною)» [19].

Наиболее типичную группу глаголов рассматриваемого разряда представляют глаголы, значение которых А. А. Шахматов назвал определительным, т. е. глаголы типа *белеться, краснеться, чернеться* и т. п. Семантическая близость и семантическое несходство

[14] Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка, стр. 96.

[15] К. С. Аксаков. Сочинения филологические, ч. I, стр. 554.

[16] А. В. Добиаш. Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897, стр. 103.

[17] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, стр. 1156.

[18] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 194.

[19] Там же, стр. 195.

таких возвратных глаголов с соответствующими невозвратными (типа *белеть, краснеть, чернеть* и т. п.) отмечались многими исследователями, но толковались не всегда одинаково. Так, для Н. И. Греча определение значения подобных пар глаголов не казалось затруднительным: «*Чернеет*, — писал он, — значит «становится черным», а *чернеется* — «кажется черным» [20].

Более сложными представляются смысловые отношения между этими глаголами К. С. Аксакову: «*Белеть*, напр., значит «возрастать в белом цвете»; значит также «быть видным своим белым цветом», и к *белеть* в этом-то втором значении присоединяется *-ся*: *белéться*. *Белеться* значит тоже (как *белеть*) «быть видным своим белым цветом», но не столь постоянно и положительно; действию придается какой-то живой, зыблящийся, даже неверный оттенок, даже как бы произвол какой-то» [21].

О недостаточной, нечеткой дифференциации значений глаголов подобных соотносительных пар, о смешении их в употреблении писал и В. И. Чернышев: «Без *-ся* они (рассматриваемые глаголы. — *Н. Я.*) означают постепенное усвоение какого-либо качества... формы с *-ся* показывают то, что представляется нашему зрению издали... Однако эти значения давно смешиваются. Говорим: Посмотрите, что там издали *чернеет* (или *чернеется*). И у авторов находим: *Белеет* парус одинокий. Лермонтов (вместо *белеется*). — Прямо перед нами ... *желтело* овсяное поле. Тургенев (вместо *желтелось*). Впрочем, здесь формы без *-ся*, может быть, употреблены для обозначения продолжительного или постоянного действия» [22]. Сравните у А. М. Пешковского: «Между *белеет* и *белеется* в сочетаниях *там что-то белеет* и *там что-то белеется* мы не ощущаем почти никакой разницы» [23].

Важнейшим фактором, формирующим и определяющим частные значения возвратных глаголов, является лексическое значение производящих невозвратных глаголов и связанное с ним теснейшим образом сильное управление этих невозвратных глаголов. Поэтому, чтобы разобраться в оттенках значений этой группы возвратных глаголов, необходимо остановиться на лексическом значении и особенностях соответствующих невозвратных глаголов.

Производящие невозвратные глаголы, с которыми сопостав-

---

[20] Н. И. Греч. Пространная русская грамматика, т. I. СПб., 1827, стр. 240—241.

[21] К. С. Аксаков. Сочинения филологические, ч. I, стр. 554. Ср. также у П. С. Кузнецова: «Форма с *-ся* вносит некоторый очень тонкий оттенок значения, часто играет чисто стилистическую роль. Во-первых, форма без *-ся* выражает признак в более активном, более определенном виде, форма с *-ся* — в более пассивном, более неопределенном виде. *Белеет* имеет значение «что-то белое видно вдали» и «становится белее». *Белеется* выражает тоже, что нечто белое видно вдали, но это белое видно как бы в тумане, колеблется, теряется и вновь появляется» («Современный русский язык. Морфология», стр. 343).

[22] В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 282.

[23] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 119.

ляются возвратные глаголы рассматриваемого значения, представляют собой ограниченную в лексическом и морфологическом отношении группу. Все они образованы посредством ударного суффикса *-е-/-ej-* от прилагательных, обозначающих цвет: *бел(ый) — белéть, красн(ый) — краснéть, черн(ый) — чернéть* и т. п.

Образование подобных глаголов от прилагательных отличается высокой продуктивностью: они могут возникать от любого прилагательного со значением цвета, например:

«Состав идет к восточному порталу, Где *лиловеют* горные луга» (И. Рождественский. На Южсибе).

«Видно, лето не кончило повесть И запас у природы богат. *Бронзовея*, прямые, как совесть, Смотрят старые сосны в закат» (М. Дудин. Утро доброй осени. «Звезда», 1956, № 1).

Всем этим невозвратным глаголам свойственны два основных значения: 1) значение выявления признака — «выделяться данным цветом» («На запад пятиглавый Бештау *синеет*, как „последняя туча рассеянной бури“» — М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени) и 2) значение становления признака — «становиться таким-то по цвету»[24] («Местами открывались клочки серого неба, которое постепенно *синело* и сгущалось, приближаясь к дальнему горизонту» — Д. В. Григорович. Кошка и мышка).

Для некоторых из этих глаголов в словарях указывается только одно значение — становление признака. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова только значение становления признака указано при глаголах: *светлеть, смуглеть, розоветь, рыжеть* и др. На самом деле эти глаголы могут иметь, преимущественно в художественной речи, также и значение выявления признака:

«Мама скажет: — Видишь, за Бродками Просека *светлеет* на пути?» (В. Автономов. Дочь лесника).

---

[24] Первичным значением этих глаголов, вероятно, было второе, так как оно свойственно всем глаголам, образованным от прилагательных по данному образцу (суффикс *-е-/-ej-*), типа *взрослеть, дешеветь, добреть, леветь, толстеть, умнеть, худеть, черстветь* и т. п., даже в новообразованиях: «Яблоня распускала ароматы и горечь прошлогодней листвы, зацветала, *пышнела*» (Н. Ляшко. Сладкая каторга).

«Молодые сайги легко привыкают к человеку и *ручнеют*, пойманные же взрослыми остаются дикими» (В. Шнитников. Звери и птицы нашей страны).

Первое же значение возникает в них крайне редко и представляется необычным, например: «И на лице *свежела* младость, и чувства нежила любовь» (Ф. Н. Глинка. Карелия...); «*Седеют* ивняки пушистым серебром» (Ф. Н. Глинка. Ранняя весна на родине).

У современных авторов:

«Неужели ты, неужели не увидишь в глухом ущелье, Как *остреют* вверху копры» (В. Цыбин. Копры в степи); «На перекладине, *мертвея* Лицом, уставившимся вниз, Цепями схваченный за шею, Столыпин бронзовый повис» (А. Безыменский. Петербургский кузнец); «Дети щебечут. *Седеет* мята, И серебрится полынь-трава» (Д. Кедрин. Переводы); «Если б номер газетный не прибыл, Если б говор газетный иссяк, Я, наверно, *немел* бы, как рыба, Не узнав, не прочтя, что и как» (Б. Слуцкий. Газеты).

«Чей это могучий лоб *смуглеет* В облаке седых кудрей?» (А. Адалис. Был я гостем в день рожденья сына...).

«Здесь лагерем стоит индийский гость. На рейде *розовеет* сквозь туманы расцветшая коралловая гроздь» (А. Адалис. Прогулка в ноябре).

«*Желтеет* степь, и *рыжеет* дол — Они во весь кругозор!» (И. Сельвинский. Большая весна).

Даже в новообразованиях легко возникает это значение выявления признака: «Вот Лариса быстро и умело, Словно получилось так само, На сосну, что возле *бронзовела*, Свежее поставила клеймо» (Б. Шмидт. Весенние звезды).

Отдельные глаголы могут, помимо двух указанных значений, иметь еще какие-либо значения или оттенки значений. Так, например, глагол *зеленеть* может обозначать «покрываться зеленью, быть в зелени»; сравнить: «Потому что черные руины *Зеленеют*, солнцем залиты, Потому что город твой старинный Снова свеж и молод, как и ты» (В. Рождественский. Хороши классические зори...).

Возвратные глаголы, сопоставимые с этими невозвратными глаголами, имеют в современном русском литературном языке только одно значение — выявление признака цвета[25], и таким образом сближаются только с одним из значений невозвратного производящего глагола. Например:

«А дальше *синелись* зубчатою стеной горы» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Однако полного совпадения указанного значения невозвратного глагола со значением возвратного глагола все же нет. Сопоставим несколько примеров:

«Вокруг высокого чела, Как тучи, локоны *чернеют*» (А. С. Пушкин. Полтава)

«Уснув под берегом реки, *Чернеют* утки, как комки» (Н. А. Некрасов. Несчастные).

«По мшистым топким берегам *Чернели* избы здесь и там, Приют убогого чухонца». (А. С. Пушкин. Медный всадник).

«Посмотрите, доктор: видите ли вы на скале направо *чернеются* три фигуры?» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Холм, покрытый пеленою снега; на его вершине *чернелся* каменный крест» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

«Морозно. Равнины белеют под снегом, *Чернеется* лес впереди» (Н. А. Некрасов. Мороз, Красный нос)

---

[25] В. И. Чернышев приводит несколько случаев употребления глагола *краснеться* в значении «становиться красным» (из Фонвизина и Карамзина): «Я редко смолоду *краснелся*», «Калиста, слушая меня, *краснелась*», — но сам отмечает, что это употребление «старинное». Ср. также в народной песне: *Зеленейся, зеленейся*, мой зеленый сад!

Из сопоставления данных примеров можно установить, что невозвратный глагол имеет более широкое значение выявления данного признака вообще, обозначая в одних случаях признак, проявляющийся четко (локоны *чернеют*), в других случаях — признак без указания на характер его проявления (*чернеют* утки) и в третьих — признак, проявляющийся менее четко и менее стойко (*чернели* избы). Сопоставимый же возвратный глагол беднее этими тонкими семантическими оттенками, обозначая только признак, проявляющийся менее четко и менее стойко (*чернеются* фигуры, *чернелся* крест, *чернеется* лес). Сравните также: «Что там *синеется*? Как издали узнать?.. Быть может лес, быть может тучи...» (Ф. Н. Глинка. Смерть Фигнера).

Поэтому замена возвратного глагола невозвратным возможна всегда, так как среди оттенков значения невозвратного глагола имеется и оттенок менее четко и менее стойко проявляющего признак: *чернеют* фигуры, *чернел* крест, *чернел* лес. Конечно, при этом названный оттенок значения, не получая своего морфологического выражения, воспринимается не столь обязательно.

Замена же невозвратного глагола возвратным возможна только в двух случаях (*чернеются* избы, *чернеются* утки), причем во втором примере слову сообщается значение нечеткости проявления признака, которое при употреблении невозвратного глагола могло только предполагаться. В первом же случае (локоны *чернеют*) замену невозвратного глагола возвратным произвести невозможно, поскольку глагол *чернеет* имеет здесь значение признака, проявляющегося четко и стойко.

По этой же причине нельзя произвести замену невозвратного глагола возвратным во всех тех случаях, где более широкий или даже узкий контекст заставляет предположить значение четкого или постоянного проявления данного признака цвета. Например:

«Подушки *белели, как снег*, и горой возвышались чуть не до потолка» (И. А. Гончаров. Обломов).

«На круглом, покрытом красной материей столе *зеленел* графин» (Е. Мальцев. От всего сердца).

«Решетки тюрем были ржавы, *Серели* камни, *как зола*, И с вывесок орел двуглавый Червонным золотом пылал» (К. Алтайский. Ворошилов).

«Задумчиво солдат Склонился над оружьем, — *Синеет перед ним* Пружина на холстине» (С. Гудзенко. Дальний гарнизон).

«Старухи говорят знакомо Полтавским плавным говорком. *Желтеет* во дворе солома, И пахнет теплым молоком» (М. Годенко. На Амуре).

«Так небо чисто — Нет ни волоконца! ... *Так голубеют* воды впереди» (А. Кудрейко. Окраины).

«В краю, где *синеют* Карпаты, За далью стремительных рек, Жил в Праге, что названа златой, Орлиной души человек» (Б. Лихарев. Песня).

«*Как черная, жуткая рана, Чернеет* в Двине полынья» (И. Молчанов. Архангельск).

«*Бархотная* пахота *чернела, Голубели сахарные* хаты Сытого казачества» (А. Адалис. Был я гостем в день рожденья сына...).

«Зеленые скинув рубашки, *Белеют-желтеют* ромашки. Краснеют *нарядные* маки, *Как в новых бешметах казаки*» (В. Бакалдин. Травы-муравы).

Сравните также в приведенном выше примере из Н. А. Некрасова: «Морозно. Равнины *белеют под снегом*».

Таким образом, частица *-ся* служит в глаголах со значением выявления признака цвета показателем нечеткости, нестойкости проявления данного признака, тогда как в производящих невозвратных глаголах эта нечеткость проявления признака цвета остается невыраженной.

При всей малочисленности и лексической ограниченности рассматриваемой группы возвратных глаголов, образование их можно отнести к продуктивным, даже регулярным образцам в современном русском языке, поскольку от каждого невозвратного глагола можно образовать возвратный глагол соответствующего значения. Регулярность словообразовательного образца обычно укрепляет его однотипность, и отклонений в таких образованиях, как правило, не наблюдается. Следует все же отметить, что возвратные глаголы сходной семантики в художественной речи иногда образуются непосредственно от прилагательных, но уже по иному продуктивному классу глаголов, например:

«Все говорят Глазки простушки. Кровью горят, *Розовятся* ушки» (П. Алдахин. Дуэль).

Утро пасмурное, небо сплошь серое, а потом все светлеет, *яснится*, как будто спящий после тяжелого сна глаза открывает и радуется: то был сон...» (М. М. Пришвин. Глаза земли).

По значению здесь не могло быть возвратных глаголов рассматриваемого образца в силу определенности выявления признака в первом примере и становления признака во втором; таким образом, здесь возвратные глаголы выступают синонимами к невозвратным с суффиксом *-е-/-ej-*: *розовеют, яснеет*, сравните: «Щеки *розовели*. Ветром относило Кудри золотые на челе высоком» (Д. Кедрин. Переводы).

Второй группой личных глаголов, сопоставляемых с непереходными невозвратными глаголами, являются глаголы, значение которых А. А. Шахматов назвал усилительным, т. е. такие глаголы, как: *грозиться, звониться, мужаться, перестояться, плакаться, плеваться, постучаться, светиться, смотреться, стучаться, торговаться, трепетаться, хвастаться, целиться* и т. д.

Производящие невозвратные глаголы, с которыми сопоставляются данные возвратные глаголы, не представляют единства ни по своей семантике (сравните: *плакать, светить, стучать, торговать, хвастать* и т. д.), ни по своим морфологическим особенностям:

они принадлежат к различным продуктивным и непродуктивным классам глаголов, относятся к разным системам спряжения. Именно лексической и морфологической пестротой производящих невозвратных глаголов объясняется то, что возвратные глаголы этой группы не имеют единого словообразовательного значения и находятся в различной степени семантической близости к производящим невозвратным глаголам.

Большинство глаголов этой группы совпадает или сближается по значению только с одним из значений или оттенков значения производящего невозвратного глагола, например: *грозить — грозиться, дымить — дымиться, звонить — звониться, отказать — отказаться, отступить — отступиться, плевать — плеваться, плескать — плескаться, пройти — пройтись, решить — решиться, светить — светиться.*

Однако семантические отношения в пределах указанных возвратных и невозвратных глаголов настолько различны, что их можно определять только для каждого отдельного глагола, что и делалось обычно исследователями по отношению к тем или иным глагольным парам, например:

Стучать (постучать) — стучаться (постучаться).

«... *он стучится* не то же самое, что *он стучит*, потому что *стучаться* можно только тогда, когда хочешь обратить на себя внимание того, кто находится внутри, а *стучать* можно с разными целями и по разным предметам (*стучусь в дверь, в окно, в квартиру, но стучу* ***по столу***, *стучу* ***по двери*** обозначало бы только самый процесс стучания без оттенка желания проникнуть внутрь; *стучусь* ***в стол*** могло бы быть сказано только спиритом)»[26].

«Когда говорят *он постучался в дверь*, то имеют в виду, что он это сделал в своих интересах, чтобы ему открыли; простое *он постучал в дверь* не выражает смысла этого акта»[27].

В данном случае можно заметить, что значение невозвратного глагола, как более старого, шире значения возвратного глагола, которое сближается только с одним значением производящего глагола; сравните: «Вдруг он внемлет: Кто-то там в окно *стучит*» (А. С. Пушкин). Здесь *стучит* = *стучится*. «Кто-то тихо и быстро *постучал* в дверь» (И. С. Тургенев). Здесь *постучал* = *постучался*. «В кузнице молот *стучит*» (Н. А. Некрасов). Здесь *стучит* ≠ *стучится*. «*Постучал* пальцами по столу» (А. П. Чехов). Здесь *постучал* ≠ *постучался*.

Звонить (позвонить) — звониться (позвониться).

Сходные отношения наблюдаются и между этими глаголами: «По всему было видно, что *звонил* человек, не стесняясь нарушить квартирный покой: он *позвонил* и раз, и другой, и третий» (Ф. И. Панферов. Борьба за мир).

---

[26] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 32.
[27] S. Karcevski. Système du verbe russe, стр. 90.

«Таинственный дикарь огромного роста и ужасающего вида *позвонился* однажды [к барыне] с неизвестными, но, очевидно, недобрыми целями» (В. Г. Короленко. Без языка).

Грозить — грозиться.

«Про человека можно сказать и так и этак: *он грозит мне* и *он грозится мне*, но про неодушевленный предмет можно употребить только первое выражение. Нельзя сказать: «это дело грозится мне тем-то и тем-то», «скала грозится падением». Почему это? Очевидно, потому, что здесь невозможно то особое участие субъекта в процессе, сверх обычной его роли деятеля, которое выражает возвратная форма. *Грозится* содержит какой-то намек на угрожающий жест, на мимику, на психику грозящего человека» [28].

Наблюдение А. М. Пешковского верно, но объяснение недостаточно. *Грозить* тоже может содержать «намек на угрожающий жест, на мимику, на психику грозящего человека» и тем самым указывать на «особое участие субъекта в процессе». Например:

«Шалун уж отморозил пальчик. Ему и больно и смешно, А мать *грозит* ему в окно» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Более точным кажется мне определение семантики этих двух глаголов, данное В. В. Виноградовым: «*Грозиться* синонимично с *грозить* в кругу значений, относящихся к живым существам (ср.: «А впрочем, говорят, сочинители только *грозятся* — и никогда своих вещей не жгут. Тургенев. «Новь»; «Стали ему и красным петухом *грозиться*». Л. Толстой). Ср. также: «Правда, издали *грозилась* опять холера. Тургенев. Но ср. невозможность заменить словом *грозиться* глагол *грозить* в таких книжных сочетаниях: Циклон *грозил* наводнением; Дом *грозит* падением; Ему *грозило* сумасшествие и т. п.» [29].

Сравните также: «И такого-то славного пса *грозили* выкинуть за борт!» (К. М. Станюкович. Куцый); «— Нельзя, говорит, на судне держать собаку. И *грозился*, что прикажет выкинуть Куцего за борт» (там же).

Как видим, здесь опять имеет место возможность в одних случаях и невозможность в других заменить невозвратный глагол, имеющий более широкий круг оттенков значения, возвратным, имеющим более узкое, более конкретное значение. В частности, значения «предвещать что-либо», сопровождающегося творительным падежом, и значения «предстоять», сопровождающегося дательным падежом, в возвратном глаголе нет, тогда как невозвратному глаголу они свойственны.

Плевать — плеваться.

Данный возвратный глагол отличается по значению от невозвратного отсутствием целенаправленности действия:

[28] А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 119.
[29] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 105.

«Я сам испытывал тошнотворную сладость во рту, а матросы до того *плевались*, что боцманы пришли в подлинное отчаяние: вся палуба была заплевана и ее приходилось окатывать три раза в день. Поясню, что это происходило в силу старых морских привычек, запрещающих *плевать* в море, каковое может оскорбиться этим и задать кораблю жестокую трепку» (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

Отступить (*отступать*) — *отступиться* (*отступаться*).

Сопоставим несколько примеров:

«Я отворил дверь и *отступил* в изумлении» (И. С. Тургенев. Первая любовь).

«Вот затрещали барабаны, И *отступили* басурманы» (М. Ю. Лермонтов. Бородино).

«Ты томишься и страдаешь молча оттого, что от тебя все *отступились*» (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю).

«Мы, если надо, землю руками разгребаем, ногтями ее рыхлим, босыми подошвами утаптываем. И не *отступимся*, пока не будет готов наш аэродром» (К. Федин. Необыкновенное лето).

В первых трех примерах замену возвратного невозвратным или невозвратного возвратным произвести нельзя, так как тут глаголы выступают в значениях, свойственных только одному из них. И лишь в последнем примере замена возможна, поскольку значение «отказаться от возможности достигнуть чего-либо» свойственно обоим глаголам, хотя, может быть, возвратному в большей степени, чем невозвратному.

Светить — светиться.

Для глаголов *светить — светиться* толковые словари (Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова) дают следующее толкование: «*Светить* — излучать свет... *Светиться* — излучать ровный, несильный свет». Это недостаточно точно. И. П. Мучник так пытается уточнить это различие в значении: «*Светиться* по сравнению с *светить* содержит, как кажется, дополнительный оттенок значения, заключающийся в том, что данное действие является как бы имманентным свойством деятеля» [30].

Может быть, в глаголе *светиться* еще какой-то намек на прозрачность, которая словно бы пропускает свет. Во всяком случае, глагол *светиться* далеко не всегда может быть заменен глаголом *светить*:

«Душа так открыто и ясно *светилась* в глазах» (И. А. Гончаров. Обломов).

«В коридоре штабного вагона пепельно *светились* широкие окна» (В. Панова. Спутники).

«Клюв у них так и *светится* красненьким, будто птица рябинку все время держит и проглотить не может» (Ф. Чарушин. Что за зверь?).

---

[30] И. П. Мучник. О залогах русского глагола, стр. 156.

Отказать (*отказывать*) — *отказаться* (*отказываться*).

Возвратные глаголы рассматриваемого типа могут отличаться от производящих характером управления и связей с другими формами слов. Так, глаголу *отказать* (*отказывать*) свойственно двойное управление дательным и предложным с предлогом *в*: *отказать кому-либо, в чем-либо*; глаголы *отказаться, отказываться* управляют только родительным падежом с предлогом *от*:

«У Ливанова была не рожа, а лицо, и притом довольно красивое, ему и не думала *отказывать* невеста, к которой он начал было свататься, напротив — он сам *отказался* от нее» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Кроме того, глагол *отказаться* (*отказываться*) широко сочетается с зависимым от него инфинитивом, что не свойственно глаголу *отказать* (*отказывать*). Например:

«Военврач Супругов, ординатор, *отказался взять* на себя такую ответственность» (В. Панова. Спутники).

«Если вы *откажетесь выйти замуж* за Шубникова, вам надо будет уйти из дома» (К. Федин. Первые радости).

«Мозг его *отказывался уразуметь* ту легкость, с какой отдавали жареную курицу за горсть соли» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Казалось бы, что эти глаголы не совпадают ни в одном своем значении, что они совсем разные. Но в одном частном значении они все же несколько сближаются:

«Голос его, простуженный в пятисуточном лежании на льду, *отказал*» (Л. Соболев. Третье поколение).

«Спусковой механизм *отказал*» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

«Когда просоленному морской водою Туба минуло восемнадцать лет — его руки, изувеченными ревматизмом, *отказались* работать — достаточно!» (А. М. Горький. Сказки об Италии).

«Остановились лебедки, поднимавшие снаряды, и *отказались* служить все механизмы» (А. С. Новиков-Прибой. Цусима).

Решить (*решать*) — *решиться* (*решаться*).

Решить (непереходный, с инфинитивом) и *решиться* (с инфинитивом или с дополнением в винительном падеже с предлогом *на*) отличаются по значению только тем, что *решить* обозначает «обдумав, остановиться на каком-либо намерении», а *решиться* обозначает «остановиться на каком-либо намерении не только после обдумывания, но и после сомнений, опасений, причем опасения могут быть и не преодолены», например:

«Мальчик радостный пошел. И *решила* кроха: «Буду делать хорошо И не буду — плохо» (В. Маяковский. Что такое хорошо, что такое плохо).

«Она *решилась* оставить родительский дом» (А. И. Герцен).

Плескать — плескаться, плеснуть — плеснуться.

Среди многих значений глагола *плескать* имеется значение

«ударяя или ударяясь о воду, производить плеск», и в этом значении возвратный глагол *плескаться* не употребителен: «весла *плещут* по воде», «рыба *плещет* хвостом».

С другой стороны, возвратный глагол может иметь значение «двигаясь в воде, производить плеск, обдавать себя брызгами»: «Поднимается туман от реки, на поверхности которой *плещется* проснувшаяся рыба» (Н. Успенский. Декалов).

Основное же значение «волнуясь, находясь в движении, производить плеск (о массах воды)» в равной мере свойственно и возвратному и невозвратному глаголам:

«Дробится, и *плещет*, и брызжет волна Мне в очи соленою влагой» (А. К. Толстой. Дробится, и плещет...).

«Как безмятежно сейчас в этом месте *плещутся* волны, вызванные пробежавшим весело пароходиком» (О. Форш. Одеты камнем).

«По камням струится Терек, *Плещет* мутный вал» (М. Ю. Лермонтов. Казачья колыбельная песня).

«В недалекой тени непроглядных ветвей и сверкает и *плещется* ключ» (А. А. Фет. Благовонная ночь).

В редких случаях различия между относительно сопоставимыми глаголами таковы, что замена возвратного глагола невозвратным вообще невозможна, так как у них нет совпадающего оттенка в значении, например: *мужать — мужаться*, *плакать — плакаться*, *торговать — торговаться* и некоторые другие.

«Была та смутная пора, Когда Россия молодая, В бореньях силы напрягая. *Мужала* с гением Петра» (А. С. Пушкин. Полтава).

«*Мужаться* слово я давал, Но страшно становилось мне» (Н. А. Некрасов. Суд).

«Не *плачь*, дитя, Не *плачь* напрасно: Твоя слеза на труп безгласный Живой росой не упадет» (М. Ю. Лермонтов. Демон).

«Я слышала, как шопотом Поп *плакался* ему: «У нас народ — все голь да пьянь, За свадебку, за исповедь Должают по годам» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Не *торговал* я лирой, но бывало, Когда грозил неумолимый рок, У лиры звук неверный исторгала Моя рука» (Н. А. Некрасов. Неизвестному другу...).

«Бывало, он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не *торговался*: что запросит, давай,— хоть зарежь, не уступит» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Такое разнообразие семантических отношений возвратных глаголов к производящим невозвратным, частично объясняющееся историческими изменениями в значении производящих глаголов, а частично — изменениями в значении и управлении производных возвратных глаголов, никак не может рассматриваться как продуктивное явление, ибо в нем нет никакой закономерности и оно не создает никаких словообразовательных образцов.

Появление новых подобных соотносительных пар возвратных и

невозвратных глаголов не может служить показателем продуктивности этой группы.

Непродуктивность данной группы возвратных глаголов подтверждается наличием таких возвратных глаголов, сопоставимых с непереходными невозвратными, которые совсем не отличаются по значению от последних или представляют такие тонкие нюансы смысла и стиля, которые почти не поддаются определению и не фиксируются ни одним толковым словарем. Таковы, например, глаголы: *стареть — стареться*, *хвастать — хвастаться*, *целить — целиться* и др. Глаголы *хвастаться* и *целиться* сохраняют даже управление производящих невозвратных глаголов: *хвастаться чем* (*кем*), *целиться во что* (*в кого*).

Правда, В. В. Виноградов полагает, что «в таких случаях у глаголов на *-ся* остается привкус большей субъективной поглощенности действием, большей сосредоточенности действия в сфере субъекта»[31], но это трудно обосновать, и во всяком случае это никак не может относиться ко всем подобным глаголам: сравните:

«Пройдут года — заговорят, Как мы под тридцать лет седели И не *старели* в шестьдесят» (С. Щипачев. Седина).

«И нельзя отрицать, что даже гениальные художники *стареют*» (И. Е. Репин. Далекое близкое).

«Будут и свежие силы, будут талантливые профессора, а таланты настоящие не *стареются*» (Там же).

«Один умирает, другой родится, третий женится, а мы вот *стареемся*: не то, что год на год, день на день не приходится» (И. А. Гончаров. Обломов). Сравните: «Пускай найдут, что *постарел*, А кто не *старится*?» (В. Боков. Возвращение солдата).

«Грудь вперед, плечистый, коренастый, Чуть раскосый, резкие черты, И, пожалуй, нечем больше *хвастать* — Никакой особой красоты» (И. Френкель. Коля-участковый).

«Даже забулдыга Барбурас В погребке колхозном как-то раз *Хвастался*: — Вот это участковый!» (там же).

«Волнение стрелков, дошедшее до высшего напряжения, мешало им *целиться*» (А. С. Новиков-Прибой. За городом).

«На афише стоял толстый мужчина в широченных штанах... и *целился* из ружья в черноусого красавца» (И. Василенко Артемка в цирке).

«Стране Советской *целя* прямо в лоб, Вошли в Мурманск британский крейсер „Глори", Французский крейсер „Адмирал Ооб" (А. Безыменский. Кремль 1918).

В индивидуальном употреблении как отклонение от нормы особенно часто встречаются возвратные глаголы, синонимические невозвтратным глаголам непереходным.

Причину этого явления В. И. Чернышев усматривает во влиянии народных говоров: «В народном языке нередко смешиваются

---

[31] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 647.

глаголы и особенно причастия с окончанием *-ся* и без этого окончания. Смешение это отразилось несколько и на языке писателей, у которых находим немало примеров колебания между формами на *-ся* и без *-ся*. Даже такие большие писатели, как Крылов, Аксаков, затруднялись в употреблении глаголов такого рода» [32].

С. П. Обнорский показывает, что параллельное употребление возвратных и невозвратных глаголов близкого или тождественного значения свойственно было русскому языку исстари: «Мы находим в старой поре языка многие ряды глаголов, выступающих то в возвратной, то в невозвратной форме, притом по значению очень близких, если подчас не одинаковых» [33].

Приведем некоторые примеры индивидуальных отклонений от нормы в отношении употребления возвратных глаголов там, где литературный язык предпочитает или исключительно пользуется невозвратными глаголами» [34]:

«Задок у одного дивана *оселся* вниз» (И. А. Гончаров. Обломов).

«Гаврило Афанасьевич Должно быть *перетрусился*, Увидев перед тройкою Семь рослых мужиков» (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

«Карась уже *взыгрался* духом от той мысли, что он покажет своим новым товарищам свой характер, вполне достойный бурсака» (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

«Полюбился Потоку чудесный цветок, И понюхать его *норовится* Поток» (А. К. Толстой. Поток-богатырь).

«— В четыре часа я во всяком случае ухожу, — спокойно и в то же время уверенно и властно проговорил капитан. — И то *промешкались* в этой дыре!» (К. М. Станюкович. Ужасный день).

«*Бушевавшемуся* сердцу его казалось, что сбитый красногвардейскими пулями вековой строй должен был представляться огромными, крепкими, величиной с дворцовую колонну людьми» (Б. Лавренев. Ветер).

«В место собственное *вросся* и не видит ничего дальше собственного носа» (В. Маяковский. О дряни).

«Свернув в скатку шинель, я подложил ее под голову и, чтобы не *мешалась*, снял кожаную сумку» (А. Гайдар. Школа).

Причина появления многочисленных индивидуальных образований подобного рода заключается в том, что в языке имеется ряд

---

[32] В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 277.

[33] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 61.

[34] Значительное количество иллюстраций к параллельному употреблению возвратных и невозвратных глаголов, а также к индивидуальным отклонениям от более или менее установившегося употребления приводит из произведений авторов преимущественно первой половины XIX века В. И. Чернышев в своей книге «Правильность и чистота русской речи».

соотносительных возвратных и невозвратных непереходных глаголов, не различающихся или почти не различающихся по значению. И если можно безразлично употребить возвратный или невозвратный глагол в одном случае, то почему этого нельзя сделать в других? Аналогия вступает в свои права, и возвратные глаголы такого типа возникают с необычайной легкостью.

Все же некоторые возвратные параллели, не представляющие продукта индивидуального словотворчества, имеют в настоящее время явно нелитературный характер, например глагол *играться*, на употреблении которого сказывается не только влияние говоров, но, может быть, и украинского языка, в котором возвратный глагол *гратися* является литературной нормой. В современном же русском литературном языке оно допустимо в художественных произведениях только в целях характеристики речи персонажа, как, например:

«— Мариночка, золотце! Вы же целый день в садике *играетесь*... И все мало!» (А. Коптяева. Товарищ Анна).

В авторской же речи этот глагол совершенно недопустим, однако, сравните: «Была страна, как новый рой, курилась жизнь, как свежий улей, ребенок утренней порой *игрался* с пролетавшей пулей» (Н. Асеев. Пьяное столетие) [35].

Интересна в этом отношении история глагола *соревноваться*, который возник после Октябрьской революции, точнее — с введением первых пятилетних планов развития народного хозяйства, и многими пуристами воспринимался как вопиющая несправедливость, что не помешало ему, однако, довольно быстро полностью вытеснить из употребления своего родителя — непереходный глагол *соревновать*.

Таким образом, вторая группа личных возвратных глаголов, сопоставимых с непереходными глаголами, — это такие глаголы, которые не имеют единого словообразовательного значения, не создают никаких словообразовательных образцов и их отношение к производящим невозвратным глаголам можно определить только для каждого отдельно взятого глагола. В результате этого здесь возможны, особенно в индивидуальном употреблении, возвратные и невозвратные синонимы семантического и стилистического характера, которые настолько своеобразны и нерегулярны, что не поддаются классификации, а иногда и регламентации. Близость

---

[35] Возвратный глагол, близкий по значению к приставочному невозвратному, в редких случаях может возникнуть и в результате префиксально-частичного образования, т. е. путем присоединения к невозвратному глаголу приставки и частицы *-ся* одновременно, например: «Пахло цветами. После дождей они вдруг *расцвелись* к осени в городских скверах, *разблагоухались*» (В. Кочетов. Братья Ершовы). Совершенно ясно, что глагол *расцвестись* сопоставляется не с глаголом *расцвести* в качестве производящего, а с глаголом *цвести*: цветы стали интенсивно *цвести*, так же, как интенсивно стали *благоухать*.

личных возвратных глаголов по значению к производящим непереходным глаголам основывается на том, что в них *-ся* не выполняет никакой словообразовательной функции, непереходность производящего невозвратного глагола не устраняется и не изменяется (хотя изменение управления иногда наблюдается), а, напротив, только усиливается, становится определеннее, так как получает морфологическое выражение — частицу *-ся*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвратные глаголы, т. е. такие глаголы, в морфологическом составе которых имеется аффикс *-ся* (*-сь*), во всех случаях представляют собой не формы производящего невозвратного глагола, а отдельные производные слова, потому что они не только не отличаются регулярностью образования и не имеют собственной синтаксической функции, но и выводимы из соответствующих невозвратных глаголов, дублируют всю систему словоизменения глагола и располагают собственной системой лексических значений.

Хотя аффикс *-ся*, занимая в слове необычное для словообразовательного аффикса место, выделяется в любом возвратном глаголе, независимо от сопоставления с производящим невозвратным глаголом, но для изучения собственного словообразовательного значения этой морфемы пригодны не все возвратные глаголы, а лишь такие, которые сопоставляются не с именами, а с глаголами, и по морфологическому составу отличаются от производящих глаголов одной только частицей *-ся*.

Общее лексическое и словообразовательное значение сопоставимых возвратных глаголов определяется, во-первых, словообразовательным значением самой частицы *-ся*, а во-вторых, особенностями лексического значения и теснейшим образом связанного с ним управления производящего невозвратного глагола. Именно поэтому возвратные глаголы, сопоставимые с переходными глаголами, так существенно отличаются по своим значениям от возвратных глаголов, сопоставимых с непереходными невозвратными глаголами.

Переходность и непереходность действия не получают в невозвратных глаголах морфологического выражения, и поэтому в одном и том же невозвратном глаголе легко могут совмещаться переходные и непереходные значения. При употреблении переходных глаголов в непереходном значении изменение лексического значения глагола может происходить в различных направлениях, в результате чего возникают непереходные значения включенного, переключенного и исключенного объекта.

Общее словообразовательное значение частицы *-ся*, присоединяемой к переходным глаголам, заключается в устранении объекта переходного глагола, что неизбежно влечет за собой и соответ-

ствующее изменение в лексическом значении глагола. Однако устранение прямого объекта с помощью частицы -ся может происходить в разных направлениях, в связи с чем и словообразовательные отношения производных возвратных глаголов к производящим невозвратным могут быть различными. В зависимости от характера устранения прямого объекта невозвратного переходного глагола и связанного с этим характера словообразовательного значения возвратного глагола, все значения возвратных глаголов, сопоставимых с переходными глаголами, можно подразделить на отобъектные и отсубъектные. Отобъектное значение возвратного глагола возникает тогда, когда субъектом действия возвратного глагола становится объект действия глагола невозвратного, а отсубъектное значение возвратного глагола возникает тогда, когда субъектом действия возвратного глагола остается субъект действия глагола невозвратного.

Ведущим разрядом отобъектных возвратных глаголов являются глаголы страдательного значения, главнейший признак и содержание которых заключается в трансформации объекта производящего глагола в субъект возвратного глагола. Но в отличие от других отобъектных глаголов глаголы страдательного значения отличаются еще и предельной пассивностью действия.

Глаголы страдательного значения могут сопровождаться творительным падежом дополнения со значением содействующего объекта, в котором трансформируется субъект действия соотносительного действительного оборота. Отсутствие творительного падежа содействующего объекта, затруднительность или даже невозможность постановки его при возвратном глаголе страдательного значения объясняются в одних случаях наличием в контексте иного, прямого или косвенного, указания на содействующий объект; в других случаях — отсутствием необходимости или возможности указать содействующий объект, поскольку он мыслится неопределенно или обобщенно, а то и вовсе безразличен для высказывания или даже неизвестен; в третьих случаях — особыми оттенками значения, сопутствующими основному, страдательному значению возвратного глагола. Но ни в одном из указанных случаев возвратный глагол не претерпевает изменения в той стороне своего значения, которая связана с трансформацией объекта производящего переходного глагола в субъект производного возвратного и с пассивностью действия данного глагола, т. е. возвратный глагол остается глаголом страдательного значения, несмотря на отсутствие творительного падежа содействующего объекта..

Значение пассивности действия, а также связь субъекта возвратного глагола с прямым объектом производящего переходного глагола могут ослабляться и даже совсем утрачиваться, в результате чего возвратный глагол теряет свое страдательное значение.

Производство возвратных глаголов страдательного значения отличается высокой продуктивностью в современном русском

языке, однако от глаголов совершенного вида возвратные глаголы страдательного значения образуются значительно реже, чем от глаголов несовершенного вида.

Возвратные глаголы страдательного значения представляют собой некоторое исключение, по сравнению с прочими возвратными глаголами, сопоставимыми с переходными глаголами, в том отношении, что им не свойственны формы повелительного наклонения, а формы деепричастий от них малоупотребительны. В отношении же других форм словоизменения — в том числе и инфинитива, и форм первого и второго лица, и форм прошедшего времени от глаголов совершенного вида — возвратные глаголы страдательного значения никакого исключения не представляют.

Кроме возвратных глаголов страдательного значения, к отобъектным возвратным глаголам принадлежит еще довольно многочисленная, но лексически замкнутая группа возвратных глаголов внутреннего переживания. Возвратные глаголы, обозначающие внутреннее переживание, состояние, чувство, сопоставимые с переходными глаголами, обозначающими воздействие на одушевленный предмет в направлении возбуждения в этом одушевленном предмете известного переживания, психического состояния или чувства, по своему словообразовательному характеру являются отобъектными и находятся в наибольшей близости к глаголам страдательного значения, так как в них субъектом переживания или состояния выступает объект действия производящего невозвратного глагола. Эти глаголы отличаются от возвратных глаголов страдательного значения прежде всего активностью субъекта действия, а это влечет за собой и ряд других, менее существенных отличий, как, например, возможность свободного образования и употребления всех форм словоизменения от этих глаголов, в том числе и форм повелительного наклонения, и форм деепричастий.

Возвратные глаголы отсубъектного образования во всей своей совокупности противопоставляются возвратным глаголам отобъектного образования в том отношении, что в них объект действия производящего переходного глагола не становится субъектом действия возвратного глагола; в них устранение переходности глагола осуществляется иным способом и значение производящего переходного глагола изменяется в ином направлении, чем в глаголах отобъектного образования. Возвратные глаголы отсубъектного образования в словообразовательном отношении в свою очередь подразделяются на три основные разряда:

1. Возвратные глаголы включенного объекта. В этих глаголах полностью сохраняется та сторона лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, но при этом значение возвратного глагола, по сравнению с значением производящего переходного глагола, расширяется за счет включения в его семантику, кроме значения самого производящего глагола, еще и значения объекта при этом производящем

глаголе в более конкретном или в более обобщенном виде. В зависимости от качества и степени определенности включенного в значение возвратного глагола объекта, среди возвратных глаголов включенного объекта можно установить более мелкие группы глаголов: глаголы включенного неодушевленного объекта, глаголы включенного возвратного объекта, глаголы включенного взаимного объекта и глаголы включенного обобщенного объекта.

2. Возвратные глаголы переключенного объекта. В этих глаголах частично сохраняется та сторона лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, так как прямой объект производящего переходного глагола переходит при возвратном глаголе в косвенный. При этом общее значение возвратного глагола может в значительной степени отклоняться от значения производящего переходного глагола.

3. Возвратные глаголы исключенного объекта: В этих глаголах полностью утрачивается та сторона лексического значения производящего глагола, которая связана с прямой переходностью последнего, так как при образовании этих возвратных глаголов прямой объект производящего глагола утрачивается полностью, не включаясь в значение возвратного глагола и не переходя в косвенный. Тем самым общее лексическое значение возвратного глагола значительно отклоняется от значения производящего переходного глагола, вплоть до утраты сопоставимости и прямой лексической связи с производящим переходным глаголом.

Таким образом, в отсубъектных возвратных глаголах можно обнаружить те же оттенки непереходного значения, которые имеются в невозвратных переходных глаголах, развивающих непереходные значения. Наличие двух способов возникновения глаголов включенного, переключенного и исключенного объекта приводит к тому, что в ряде случаев возникают параллельные синонимические глагольные образования с частицей *-ся* и без частицы *-ся*. Однако в связи с тем, что непереходность значения глагола получает формальное морфологическое выражение только в возвратных глаголах, отсубъектные возвратные глаголы включенного, переключенного и исключенного объекта несравненно многочисленнее и значительно разнообразнее, чем невозвратные глаголы тех же оттенков непереходного значения.

Присоединение частицы *-ся* к непереходным невозвратным глаголам в подавляющем большинстве случаев лишает этот глагол связи с субъектом, иначе говоря, превращает личный непереходный глагол в безличный. Словообразовательное значение таких безличных глаголов и заключается в том, что действие, представленное в производящем невозвратном глаголе как производимое субъектом, в производном возвратном глаголе представляется как бессубъектное, самопроизвольное, только проявляющееся на каком-либо одушевленном предмете, помимо его воли. В связи с этим характерной особенностью безличных возвратных глаголов

является сопровождение их дательным падежом дополнения со значением объекта, в котором трансформируется субъект действия производящего глагола и на который распространяется действие возвратного безличного глагола. Дательного падежа объекта распространения действия обычно не бывает, если данное действие может распространяться на любого, каждого, приобретая характер закономерности.

Высокая продуктивность образования безличных глаголов при помощи частицы *-ся* не подлежит сомнению. Они могут быть произведены не только почти от каждого непереходного глагола несовершенного вида, но и от многих непереходных глаголов совершенного вида.

В некоторых, сравнительно весьма немногочисленных случаях с непереходными невозвратными глаголами сопоставляются личные возвратные глаголы. Наиболее типичную группу этих глаголов представляют глаголы, образованные от непереходных глаголов, обозначающих — «выделяться каким-либо цветом» и «становиться какого-либо цвета». Производные от них возвратные глаголы обозначают «выделяться каким-либо цветом» и, таким образом, сближаются с одним из значений производящих невозвратных глаголов, но отличаются от них некоторым оттенком меньшей четкости и стойкости данного признака. Образование возвратных глаголов этой группы — поскольку оно возможно от любого глагола данного лексического значения — можно отнести к продуктивным словообразовательным образцам, несмотря на малочисленность и лексическую ограниченность глаголов этой группы.

Остальные личные возвратные глаголы, сопоставимые с непереходными глаголами, — это такие глаголы, которые не имеют единого словообразовательного значения, не создают никаких словообразовательных образцов и отношение которых к производящим невозвратным глаголам можно определять только для каждого отдельно взятого глагола. В результате этого здесь также возможны, особенно в индивидуальном употреблении, возвратные и невозвратные синонимы стилистического или семантического характера, которые настолько своеобразны и не регулярны, что не поддаются ни классификации, ни регламентации. Близость личных возвратных глаголов по значению к производящим непереходным глаголам основывается на том, что в них *-ся* не выполняет никакой специальной словообразовательной функции, непереходность производящего невозвратного глагола не устраняется и не изменяется, а, напротив, только усиливается, становится определеннее, так как получает морфологическое выражение — частицу *-ся*.

* * *

Таким образом, общее значение частицы *-ся* как словообразовательной морфемы состоит в усилении самостоятельности действия, в сосредоточении действия в самом себе: поэтому, будучи

присоединенной к переходному глаголу, она лишает глагол связи с объектом, устраняя его различными способами и тем самым сосредоточивая действие в самом себе; а будучи присоединенной к непереходному глаголу, она лишает этот глагол связи с субъектом действия, тем самым сообщая действию еще более самостоятельный характер, еще более сосредоточивая действие в самом себе.

Разнообразие значений сопоставимых возвратных глаголов определяется тем, что эти значения создаются не только значением частицы *-ся*, но также и лексическим значением производящего глагола с характерным для него управлением, и способом устранения связи с субъектом и объектом действия производящего глагола; а для глаголов включенного объекта еще и характером включенного объекта и т. п. Значение же самой частицы *-ся* в общем единое и цельное — сосредоточение действия в самом себе, сообщение действию самодовлеющего, независимого характера.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Возвратные глаголы как предмет изучения (*3—6*). Границы форм одного слова (*6—18*). Формы словоизменения и словообразования глагола (*18—29*).

Глава первая 30

Особенности словообразовательного аффикса *-ся* (*30—37*). Различные в отношении сопоставимости разряды возвратных глаголов (*37—53*). Общее значение возвратных глаголов, связанное с наличием частицы *-ся* (*53—64*). Переходность и непереходность невозвратных глаголов (*64—79*). Возвратные глаголы, сопоставимые с переходными глаголами (*79—80*).

Глава вторая 81

Страдательное значение возвратных глаголов (*81—90*). Творительный падеж содействующего объекта при глаголах страдательного значения (*90—99*). Иные способы прямого и косвенного указания на содействующий объект (*99—105*). Отсутствие творительного падежа при неопределенно или обобщенно мыслимом содействующем объекте (*105—113*). Значение долженствования и значение свойства, сопутствующие страдательному значению возвратных глаголов (*113—118*). Связь страдательного значения возвратных глаголов с отдельными особенностями структуры предложения (*119—125*). Ослабление и утрата страдательного значения в возвратных глаголах (*125—129*). Продуктивность возвратных глаголов страдательного значения (*130—139*). Особенности словоизменения глаголов страдательного значения (*139—148*).

Глава третья 149

Отобъектные возвратные глаголы со значением внутреннего переживания.

Глава четвертая 171

Возвратные глаголы отсубъектного образования (*171—173*). Возвратные глаголы включенного неодушевленного объекта (*174—182*). Возвратные глаголы включенного возвратного объекта (*182—188*). Возвратные глаголы включенного взаимного объекта (*188—198*). Возвратные глаголы включенного обобщенного объекта (*198—202*). Возвратные глаголы переключенного объекта (*202—205*). Возвратные глаголы исключенного объекта (*205—210*).

Глава пятая 212

Возвратные глаголы, сопоставимые с непереходными глаголами. Безличные возвратные глаголы (*212—225*). Личные возвратные глаголы, сопоставимые с непереходными глаголами (*225—240*).

Заключение 241

247

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Надия Александровна Янко-Триницкая
Возвратные глаголы в современном русском языке

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. В. Вентцель* Художник *Ю. А. Рыбкин*
Технический редактор *Т. П. Поленова*
Корректор *К. Н. Сытина*

РИСО АН СССР № 20—104В. Сдано в набор 7/IX 1962 г. Подписано к печати 29/XI 1962 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 15¹/₂. Уч.-изд. л. 16,3 Тираж 2000 экз. Т-12472.
Изд. № 991. Тип. зак. 819
Цена 1 р. 08 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я тип. Изд-ва АН СССР, Ленинград, В-34, 9 лин., 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
32	6 сн.	стр. 489	стр. 189
57	5 св.	определения	определение
59	8 сн.	стр. 494	стр. 194
122	6 св.	действительно	действительное
146	2 сн.	Очерки	Очерк
173	10 сн.	перефразы	перифразы

Н. А. Янко-Триницкая.

Цена 1 р. 08 к.